

СЕМЁН СИДОРИН

ПОМЕСТЬЕ
НА КРАЮ ТАЙГИ

1

Поместье на краю тайги

Семён Сидорин

Поместье на краю тайги 1

«Автор»

2026

Сидорин С. А.

Помесье на краю тайги 1 / С. А. Сидорин — «Автор»,
2026 — (Помесье на краю тайги)

За закрытыми дверями старого поместья Кречетов скрываются не только вековые тайны и язвительный кот-фамилляр, но и путь к истинному могуществу. Сироте Виктории предстоит подчинить магическую систему Совершенства и восстановить родовое гнездо, пока тени прошлого и интриги Управы не поглотили её единственную надежду на правду о своём происхождении.

© Сидорин С. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	48
Глава 6	53
Глава 7	61
Глава 8	67
Глава 9	72

Семён Сидорин

Поместье на краю тайги 1

Глава 1

Ну что, Вика, — сказала я себе, глядя на облупившуюся краску ворот приюта, — вот ты и на свободе. Прямо как гордая птица. Только у гордой птицы обычно есть хотя бы пара крыльев и понимание, в какую сторону лететь, а у тебя в кармане звенят сиротские «подъемные», которых хватит ровно на два дня очень скромной жизни в какой-нибудь ночлежке, где клопы будут твоими единственными и весьма навязчивыми друзьями.

Я поправила лямку своей тощей сумки, которая весила меньше, чем мои надежды на светлое будущее. В ней лежали пара сменного белья, застиранное платье и сухарь, который я предусмотрительно прихватила с завтрака. Ветер в Красноярске сегодня был особенно колючим, словно пытался намекнуть: «Милочка, возвращайся-ка ты в тепло, пока не поздно». Но возвращаться было некуда. Восемнадцать лет — это черта, за которой казенная каша заканчивается, а начинается взрослая жизнь, пахнущая пылью и неопределенностью.

Я еще раз пересчитала монеты. Пальцы замерзли, и медяшки выскальзывали, но я была упрямой. Математика — наука точная, но в моем исполнении она всегда звучала как приговор.

— Так, если я буду есть один раз в день и спать на вокзале... — начала я рассуждать вслух, но тут небо над головой странно загудело.

Это не был звук грозы или обычного экипажа. Это был звук чего-то металлического, слаженного и очень дорогого. Я задрала голову и прищурилась. Прямо на меня, разрезая холодный воздух, пикировало нечто блестящее. Сначала я подумала, что это какой-то сумасшедший голубь-мутант, но через секунду над приютским крыльцом зависла бронзовая сова.

Настоящая механическая сова! Я видела такие только в витринах магических лавок, куда нас, приютских, пускали только «посмотреть издали, чтобы ничего не разбили». Модель Б-7, если верить клейму на ее груди. Птица сделала изящный вираж, обдав меня запахом разогретого масла и озона, и приземлилась на перила. В клюве она держала конверт из плотной бумаги, запечатанный изумрудным сургучом.

— Это мне? — глупо спросила я.

Сова посмотрела на меня своими линзами-глазами, которые в этот момент шелкнули, настраивая фокус, и требовательно ухнула. Звук был такой, будто кто-то ударил ложкой по пустой кастрюле.

— Ладно, ладно, не шуми, — я протянула руку к конверту.

Стоило моим пальцам коснуться изумрудной печати, как мир на мгновение замер. Сургуч под подушечками пальцев не просто треснул — он начал таять. Тепло, нет, настоящий жар, хлынул через кончики пальцев вверх по руке, пробираясь к самому сердцу. Это было похоже на то, как если бы после долгой прогулки на морозе вы вдруг прижались к горячей печке. Приятное покалывание, запах сухих трав и чего-то очень старого, родного. Моя магия, о которой в приюте только гадали («Ну, может, будет у тебя дар к бытовым искрам, Вика, пойдешь в прачки»), вдруг отозвалась глубоким, низким гулом где-то в костях. Магия подтвердила: я — та, за кого меня принимают.

Сова, выполнив миссию, мгновенно потеряла ко мне интерес, расправила крылья и с сухим шелчком взмыла в небо. А я осталась стоять с распечатанным письмом, чувствуя, как внутри всё еще вибрирует это странное «эхо».

Дрожащими руками я развернула плотный лист. Текст был написан каллиграфическим почерком, который так и веял бюрократическим высокомерием.

«Виктории Кречет, законной наследнице рода Кречет. Настоящим уведомляем, что по достижении вами магического совершеннолетия, в ваше владение переходит родовое имущество, а именно: поместье Кречетов и лавка магических товаров, расположенная в городе Енисейск-Магический, на Центральной торговой дороге...»

Я замерла. Глаза перебегали строчку «лавка магических товаров» снова и снова.

— Лавка... — прошептала я, и в голове тут же закружился вихрь образов.

Я не видела себя в пыльном поместье с привидениями. Нет! Я видела себя за прилавком. Настоящая хозяйка! Я представляла, как расставляю по полкам пузатые склянки, как звенят колокольчики на двери, когда заходит покупатель, как пахнет сушеной мятой и канифолью. Собственная лавка! Это же не просто дом, это дело. Это статус. Больше никто не назовет меня «сироткой из шестой палаты». Я буду «госпожа Кречет, владелица той самой лавки на Центральной дороге».

Я уже почти видела на себе платье из приличной ткани (неприменно с глубокими карманами для рецептов) и чувствовала важность в каждом движении. Дикий, почти неприличный восторг затопил меня. Я — хозяйка магазина! Это звучало лучше, чем если бы мне предложили корону какой-нибудь маленькой, но гордой страны.

Но, как это всегда бывает с магическими письмами, в конце была приписка мелким шрифтом. Радость моя слегка поутихла, когда я дошла до раздела «Обязательства».

«К текущему моменту за объектами недвижимости числится задолженность по налогам и штрафам за простой магического источника в размере 342 золотых рублей и 15 копеек. Для вступления в права наследования и урегулирования финансовых вопросов вам необходимо явиться в Управу Магического Порядка города Енисейска-Магического лично».

— Сколько-сколько? — я перечитала цифру. — Триста сорок два рубля? И пятнадцать копеек для ровного счета?

Я посмотрела на свои медяшки в ладони. Они выглядели жалко. Это было не просто много, это была сумма, на которую можно было купить небольшой табун лошадей или, скажем, кормить весь мой приют целый год пирогами с мясом. Мой внутренний бизнесмен, который только что родился и уже начал примерять бархатный жилет, впал в глубокую депрессию.

— Ну уж нет, — я сжала письмо так, что бумага жалобно хрустнула. — У меня есть лавка. На Центральной торговой дороге. Вы хоть понимаете, что это значит? Это значит, что я вытрясу эти деньги из самой земли, если понадобится. Я буду варить такие зелья, от которых лысые обростут кудрями, а грустные начнут петь дифирамбы прохожим. Триста рублей... пф! Для владелицы целой лавки это просто... временное затруднение.

Решимость — опасная штука, особенно когда она подкреплена абсолютным отсутствием альтернатив. Я знала, что единственный магический поезд до Енисейска отходит через час. И я знала, что вокзал находится где-то «там, за углом и направо».

И вот тут вступила в дело моя главная жизненная проблема. Некоторые люди не умеют петь, другие — готовить, а я... я обладаю талантом заблудиться в трех соснах, даже если эти сосны подписаны и стоят в ряд. Моя топографическая аномалия — это не просто плохая ориентация в пространстве, это проклятие.

Я бодро свернула за угол. Должен быть вокзал. Вместо него я оказалась в тупике, где две облезлые кошки делили остатки рыбьей головы. Кошки посмотрели на меня с явным осуждением.

— Извините, — буркнула я и попятилась.

Ладно, возвращаемся. Теперь налево. Спустя десять минут я снова вышла к воротам приюта. Те же ворота, та же облупившаяся краска. Только теперь они казались еще более насмешливыми.

— Спокойно, Виктория. Ты теперь серьезная женщина, у тебя долг в триста золотых. Ты не можешь просто стоять и смотреть на ворота, — скомандовала я себе.

Я пошла в другую сторону. Улица казалась знакомой, но через пятьсот метров она внезапно превратилась в узкий переулок, пахнувший прачечной. Я повернула еще раз. И еще. В какой-то момент я поняла, что уже в третий раз прохожу мимо одной и той же лавки с вывеской «Булочки у Афанасия». Афанасий, судя по всему, уже начал меня узнавать и подозрительно поглядывал из-за стекла.

Время неумолимо утекало. Магический поезд не будет ждать наследницу с топографическим кретинизмом. Я буквально побежала, ориентируясь на дым из труб — там, где дыма больше, должен быть вокзал, верно?

В итоге, когда до отправления оставалось минут десять, я, потная, со сбившимся дыханием и растрепанными волосами, буквально вывалилась на привокзальную площадь. Как я здесь оказалась? Понятия не имею. Наверное, само пространство сжалось надо мной и просто выплюнуло в нужном месте.

Я влетела в здание вокзала. Здесь пахло углем, металлом и тем самым специфическим «железнодорожным» волшебством, которое заставляет сердце биться чаще. Касса магического направления была почти пуста — все приличные люди уже давно заняли свои места.

— Билет до Енисейска-Магического! — выдохнула я, падая на прилавок кассы.

Пожилый кассир в форменной фуражке медленно, невыносимо медленно поднял глаза.

— Третий класс остался. Общий вагон. Пять рублей семьдесят копеек, барышня.

Я начала выгребать деньги. Это было больно. Каждая монета, упавшая на деревянную тарелочку, словно отрывалась от моего сердца. Это были все мои деньги. Абсолютно. До последней копейки.

Кассир пересчитал медь, подозрительно посмотрел на меня, потом на мой сиротский наряд и, вздохнув, выдал узкий картонный прямоугольник, по которому пробежали золотистые искорки.

— Платформа номер четыре. Поторопитесь, отправление через три минуты.

Я схватила билет и рванула к контролю. На входе стоял массивный прибор, похожий на медный граммофон без трубы. Магический сканер.

— Билет и ладони на пластину, — сухо скомандовал дежурный, не отрываясь от газеты.

Я прижала руки к холодному металлу. И тут произошло то, чего я не ожидала. Мои ладони вспыхнули. Не просто засветились, а выдали такой мощный поток теплого, золотисто-зеленого света, что дежурный отшатнулся, выронив газету и болезненно щурясь.

— Ого! — вырвалось у него. — Ну и силища у вас, барышня. С таким даром и в третьем классе?

— Наследственная скромность, — огрызнулась я, хотя у самой сердце ушло в пятки.

Свет погас так же внезапно, как и появился, оставив после себя приятное покалывание. Я проскочила мимо ошарашенного охранника и выскочила на платформу. Огромный состав, окутанный облаками пара, уже мелко дрожал, готовый сорваться с места. Вагоны первого класса блестели лаком и золочеными ручками, второго — выглядели уютно, с занавесочками на окнах. Я же бежала в самый хвост, туда, где стояли тяжелые, обитые железом вагоны для простого люда и магических рабочих.

Я запрыгнула на подножку в тот самый момент, когда поезд издал прощальный гудок. Внутри было тесно, шумно и пахло махоркой, кислым хлебом и дешевыми притирками. Я пробралась в самый угол, отвоевав себе пяталочок на жесткой скамье.

Прижав сумку к груди, я смотрела в окно, как мимо медленно проплывает перрон, потом окраины города, а затем и бесконечные сибирские леса. Колеса застучали в такт моим мыслям: «Лав-ка. Лав-ка. Долг. Долг. Лав-ка».

Я не знала, что ждет меня в Енисейске. Я не знала, как выглядит мое поместье (наверняка там крыша течет и полчища пауков-интеллектуалов пишат мемуары в углах). Я понятия не имела, где возьму триста сорок два золотых рубля. Но одно я знала точно: у меня есть имя,

у меня есть магия, которая заставляет сканеры сходить с ума, и у меня будет лучшая лавка в этой губернии.

— Берегитесь, господин мэр, или кто там у вас главный, — прошептала я, закрывая глаза. — Виктория Кречет едет домой.

Поезд набирал ход, унося меня прочь от сиротского прошлого в мир, где магия пахнет изумрудным сургучом и обещанием новой, совершенно сумасшедшей жизни.

Три часа в общем вагоне — это не просто путешествие, это суровое испытание для органов чувств и веры в человечество. Если вы думаете, что магия делает поездку приятнее, то спешу вас разочаровать: она лишь добавляет к запаху махорки и немых тел тонкий аромат озона и паленой шерсти от чьих-то неисправных амулетов.

В моем углу было особенно «атмосферно». Слева храпел огромный детина в засаленном тулупе, от которого весло за версту черемшой, а справа две почтенные дамы в платках так яростно обсуждали цены на магическую муку, что я начала всерьез опасаться за целостность своих барабанных перепонок.

— И говорю тебе, Степановна, — гремела та, что покрупнее, — у них в лавке на углу заклинание свежести на хлебе держится ровно до порога! Только вышла — и хрясь! Сухарь!

— Ой, милая, и не говори, — вздыхала собеседница. — Сплошное надувательство.

Я сидела, прижав свою тощую сумку к животу, и чувствовала, как во рту становится все суше. Горло саднило, словно я наглotalась той самой придорожной пыли, которая клубилась за окном. Чай. Мне жизненно необходим был чай. Или хотя бы глоток воды, не пахнущей ржавым железом.

— Ну что, Виктория, — прошептала я себе под нос, — пора проявить характер. Иди и найди источник жизни. Вагон-ресторан должен быть где-то в голове поезда. Или в хвосте.

Я встала, стараясь не наступить на чьи-то узлы, и решительно двинулась к выходу. Мой внутренний компас, который обычно вращался как бешеный вентилятор, на этот раз уверенно указал направо. «Там точно еда и напитки», — шепнуло мне подсознание.

Я прошла один тамбур, борясь с тугой дверью, которая лязгнула так, будто хотела откусить мне пальцы. Потом второй. Странно, но шум общего вагона начал затихать. Вместо криков и храпа появилась какая-то подозрительная, почтительная тишина.

Я толкнула очередную дверь — она поддалась удивительно легко, смазанная магическим маслом — и замерла.

Мои стоптанные ботинки утонули в густом, мягком ворсе изумрудного ковра. Воздух здесь не просто был чище — он благоухал лавандой, дорогим воском и чем-то неуловимо изысканным, вроде выдержанного коньяка или хороших новостей. Стены были обиты темным деревом, которое светилось мягким внутренним светом, а на окнах висели тяжелые бархатные портьеры с золотыми кистями.

— Ой, — вырвалось у меня.

Я огляделась. Похоже, мой «компас» в очередной раз решил, что мне скучно живется, и вместо вагона-ресторана привел меня прямиком в первый класс. Здесь не было толкучки. Здесь были кресла, в которых можно было утонуть, и тишина, которую нарушало лишь тихое звяканье фарфора.

— Барышня? — голос прозвучал как сухой щелчок хлыста.

Я подпрыгнула на месте и обернулась. В проходе стоял мужчина — высокий, прямой, как будто вместо позвоночника у него была вшита стальная линейка. Его седые бакенбарды были так тщательно подстрижены и напудрены, что напоминали маленькие облака, приклеенные к челюсти. В правом глазу у него поблескивал монокль, который визуально увеличивал его глаз до размеров чайного блюдца, делая взгляд пугающе пронизательным.

Он демонстративно поправил белоснежные перчатки — ни единого пятнышка, ни единой складочки — и начал медленно, с явным отвращением оглядывать мое застиранное сирот-

ское платье, которое на фоне этого великолепия выглядело как грязная тряпка, забытая на балу.

— Позвольте узнать, — начал он, и в его голосе было столько холода, что я едва не задрожала, — по какой такой... прискорбной случайности особа вашего социального... хм... калибра оказалась в вагоне высшей категории?

— Я... я чай искала, — честно ответила я, чувствуя, как краснею до кончиков ушей. — Там, в общем, очень душно.

— Чай? — он приподнял бровь, и монокль угрожающе качнулся. — Вы, вероятно, ошиблись не только вагоном, но и реальностью. Управление Магического Порядка крайне строго относится к несанкционированному пересечению границ сословного комфорта.

И тут это случилось.

Раздался тяжелый, вибрирующий гул, от которого у меня заложило уши. Прямо в воздухе между мной и инспектором (а это явно был инспектор УМП, судя по гербу на его лацкане) начало материализоваться Нечто.

Это не было похоже на дешевые голограммы из лавок. Передо мной возник массивный фолиант. Его переплет из чешуйчатой кожи дракона отливал багровым, а кованые латунные уголки выглядели так, будто ими можно было колоть орехи. Книга раскрылась сама собой, и в лицо мне ударило облако запаха — архивной пыли, сургуча и свежих, еще влажных чернил.

Система «Совершенство». Та самая, что проснулась во мне вместе с письмом.

Пожелтевшие страницы зашелестели, и перед моими глазами начали проступать строки, выписанные каллиграфическим, слегка ехидным почерком.

«Текущие характеристики наследницы Кречет», — гласил заголовок.

Я невольно начала читать, забыв про инспектора.

«Сметливость — 1. Примечание: Уровень ориентации в пространстве — "Блуждающий топографический кретинизм". Способность найти первый класс вместо уборной подтверждена».

— Ну, спасибо, дорогая книга, очень информативно, — буркнула я под нос.

«Чуткость — 1. Примечание: Вы не заметили, как сменили вонючую махорку на лаванду, пока не уперлись носом в инспектора. Поздравляем, ваша интуиция спит беспробудным сном».

Я почувствовала, как дернулся глаз. Система явно была настроена на критический лад.

«Хозяйственность — 3. Примечание: Сказываются годы беспощадной эксплуатации в детском доме. Вы можете отмыть этот вагон до блеска, но вряд ли вам за это заплатят».

Три! Целых три балла! Я даже почувствовала мимолетную гордость. Видимо, те бесконечные субботники с хлоркой и шваброй не прошли даром для моего магического профиля.

«Обаяние — 2. Примечание: Система выдала вам аванс за красивые глаза и общую нелепость вида. Используйте осторожно, на инспекторов УМП действует слабо».

«Родовая связь — 1. Примечание: Связь с предками едва теплится, как огарок свечи на сквозняке. Вы Кречет только по паспорту и форме носа».

Пока я изучала свой позорный список достижений, инспектор терпеливо — или, скорее, с ледяным высокомерием — ждал. Он, конечно, не видел книгу, для него я просто застыла, глядя в пустоту с глуповатым выражением лица.

— Барышня, вы меня слышите? — он постучал пальцем по своей медной табличке, висевшей на стене рядом с дверью. — Согласно пункту 14 Устава, вход в зону повышенного комфорта облагается мгновенным налогом. Один золотой рубль за факт присутствия.

Книга «Совершенство» тут же перелистнула страницу. На ней была нарисована пустая мошна, а под ней горела ярко-красная надпись, которая, казалось, пульсировала в такт моему учатившемуся сердцебиению:

«Статус: КРАЙНЯЯ НУЖДА. Баланс: 0 золотых, 0 серебряных, 0 медных. (Ваши последние копейки ушли на билет, помните?)»

— Помню, — едва слышно выдохнула я. — Не надо напоминать.

— Что вы там бормочете? — инспектор сузил глаз. — Золотой рубль, прошу вас. Или мне придется составить протокол и высадить вас на ближайшем полустанке «Комариная плешь».

Я посмотрела на него. Потом на книгу. Потом снова на него. Ситуация была патовая. У меня не было ни рубля, ни даже сухаря, чтобы откупиться. Но сдаваться? Виктория Кречет не сдается так просто, даже если ее Сметливость равна единице.

— Видите ли, господин инспектор... — я выпрямилась, стараясь придать своему лицу выражение загадочное и слегка надменное, насколько это позволяло мое амплуа «сиротки в беде». — Моё золото... оно сейчас недоступно для мгновенных транзакций.

— Вот как? — он иронично изогнул бровь. — И где же оно? В швейцарском банке гномов?

— Нет, — я сделала шаг назад, к спасительной двери тамбура. — Оно зарыто.

— Где зарыто? — не понял он.

— В саду моего поместья. В Енисейске-Магическом. Знаете ли, семейная традиция Кречетов — хранить капитал в земле для лучшего... э-э... магического созревания. Родовые тайны, сами понимаете.

Инспектор на мгновение лишился дара речи. Его монокль даже чуть не выпал, но удержался на честном слове и силе бюрократической привычки.

— Вы... вы из Кречетов? — переспросил он, окидывая меня уже менее брезгливым, скорее подозрительным взглядом. Имя моего рода всё еще имело вес в этой губернии, даже если сейчас оно ассоциировалось скорее с долгами и запустением.

— Именно, — я ухватила за ручку двери. — Так что, если хотите получить свой налог, милости прошу в поместье через недельку. А сейчас — прошу прощения, у меня там... э-э... зелье в общем вагоне закипает. Интуитивное!

Я начала стремительно пятиться в тамбур, молясь всем богам дорог, чтобы дверь не заклинило.

В этот момент призрачная книга «Совершенство» с каким-то обиженным, почти человеческим шелестом захлопнулась. Она сделала это так резко, что из-под ее кожаного переплета вылетело густое облако вековой пыли — настоящей, серой, колючей пыли архивов.

— Апчхи! — инспектор, не ожидавший такой диверсии со стороны мироздания, сложился пополам. — Кха! Апчхи! Что за...

Пока он отчаянно чихал в свой белоснежный платок, пытаясь рассмотреть меня сквозь пылевую завесу, я рванула дверь на себя.

— Всего доброго! — крикнула я и буквально вывалилась в холодный, пропахший углем тамбур.

Я бежала по вагонам так, будто за мной гнались все демоны налоговой инспекции разом. Двери хлопали, пассажиры возмущенно вскрикивали, а я всё летела и летела, пока не уперлась в знакомую засаленную перегородку своего родного третьего класса.

Я тяжело опустилась на свою жесткую лавку, переводя дух. Почтенные дамы всё еще спорили о муке, а детина в тулупе всё так же храпел, пуская слюну на воротник.

— Ну что, Виктория, — прошептала я, чувствуя, как внутри всё еще дрожит азарт. — Сметливость — один, зато наглость — все десять.

Я прикрыла глаза, и на мгновение мне показалось, что я снова чувствую запах старой кожи и чернил. Система «Совершенство» молчала, но я знала: она где-то там, внутри, ждет моего следующего прокола, чтобы снова ехидно прокомментировать мои успехи.

Поезд мерно постукивал на стыках рельсов. До Енисейска-Магического оставалось совсем немного. Я так и не попила чаю, но жажда странным образом отступила, вытесненная осознанием того, что в этом мире, где тебя оценивают по перчаткам и моноклям, у меня теперь есть свой собственный, пусть и ворчливый, «путеводитель» по выживанию.

— Поместье Кречетов, говоришь? — улыбнулась я своему отражению в темном стекле. — Ну, держись, сад. Будем искать твоё зарытое золото. Даже если его там никогда и не было.

Енисейск-Магический встретил меня так, будто я была не наследницей древнего рода, а досадной ошибкой в бухгалтерской книге мироздания. Когда поезд, издав напоследок измученный свист, замер у перрона, я вывалилась из вагона прямо в облако магического озона, перемешанного с запахом копченого омуля и свежеспеченных калачей.

Воздух здесь был густым, почти осязаемым. Над головами прохожих сновали крошечные механические почтовые птицы, а тяжелые баржи на Енисее, судя по доносившемуся гулу, работали не на угле, а на очень сердитых стихийных духах.

— Ну, Вика, — бодро сказала я себе, поправляя сумку, — город большой, возможностей много, а поместье где-то... там.

Я гордо развернулась на 180 градусов и уверенно зашагала прочь от вокзала. Через десять минут я обнаружила, что стою перед тем же самым киоском с надписью 'Горячие пирожки от Марфы', у которого стояла в самом начале. Марфа, дородная женщина в чепце, который, кажется, жил своей жизнью и периодически подергивал кружевами, посмотрела на меня с легким прищуром.

— Милочка, ты уже третий раз мимо меня дефилируешь. Ищешь чего или просто аппетит нагуливаешь? — поинтересовалась она, ловко переворачивая пирожок магическим лопатником, который парил в воздухе сам по себе.

— Я ищу Центральную торговую дорогу и поворот к поместью Кречетов, — ответила я, стараясь придать голосу максимум солидности.

При слове 'Кречетов' лопатник Марфы вздрогнул и уронил пирожок обратно в масло. Соседний грузчик, тащивший огромный сундук, окованный светящимся железом, споткнулся и едва не снес фонарный столб.

— Кречетовых? — Марфа осенила себя каким-то коротким обережным знаком. — Ох, девка... Это ж в старом квартале. Там, где дома сами по себе стонут, а трава растет только ночью. Тебе туда зачем?

— Я там живу. Точнее, буду жить, — я выпятила подбородок.

— Наследница, значит, — торговка сочувственно вздохнула и протянула мне заветренный сухарик. — На, погрызи. Говорят, на вас там такой долг висит, что Управа скоро само небо над поместьем в аренду сдаст, чтоб копейку выручить. Иди прямо до моста, потом направо, потом еще раз направо... хотя нет, для тебя лучше просто иди за тем облезлым псом, он как раз в ту сторону кости таскает.

В этот момент перед моими глазами снова зашелестели страницы системы 'Совершенство'.

'Внимание! — ехидно проявились буквы на пожелтевшей бумаге. — Текущая характеристика: Сметливость — 1. Примечание: Вы заблудились в прямой линии. Система настоятельно рекомендует не смотреть на облака, а хотя бы раз в жизни воспользоваться картой. Или просто признать, что ваш внутренний компас был сделан из бракованной ложки'.

— Замолчи, — прошипела я пустоте.

— Чего? — переспросила Марфа.

— Это я... стихи вспоминаю. Спасибо за совет!

Я двинулась в указанном направлении. Город постепенно менялся. Блестящие витрины сменились покосившимися заборами, а вместо нарядных дам в механических экипажах стали попадаться хмурые личности, прячущие лица в глубоких капюшонах. Здесь пахло сыростью и старой магией — той самой, которая не приносит радости, а лишь напоминает о былом величии.

Наконец, я увидела их. Кованые ворота, которые когда-то, наверное, слепили прохожих позолотой, теперь выглядели так, будто переболели тяжелой формой ржавчины. По бокам

высились каменные столбы, на одном из которых красовался герб Кречетов — сокол, терзающий... кажется, змею, хотя сейчас это больше напоминало запутавшуюся в водорослях селедку.

За воротами царил хаос. Сад превратился в джунгли, но не обычные, а магические. Я увидела старого человека в поношенном сюртуке, который с отчаянным видом сражался с огромным кустом малины. Куст не просто рос — он пульсировал мягким розовым светом и пытался обвить побегами лодыжки старика.

— Да уймись ты, окаянная! — пыхтел старик, размахивая секатором, от которого летели тусклые искры. — Я тебя вчера подрезал, имей совесть!

Малина в ответ лишь плотнее сомкнула ряды, явно намереваясь затащить садовника в свои колючие объятия.

— Кхм... добрый день? — подала я голос через прутья ворот.

Старик замер, и куст, воспользовавшись моментом, тут же обмотал его поясницу гибкой веткой.

— Не добрый, барышня, совсем не добрый! — отозвался он, пытаясь высвободиться. — Если вы из Управы, то зайдите завтра. Или через год. У нас тут... технический перерыв в гостеприимстве!

— Я не из Управы, — сказала я, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее. — Я Виктория. Виктория Кречет.

Секатор со звоном выпал из рук старика прямо в гущу светящейся малины. Он медленно обернулся, близоруко щурясь.

— Батюшки... — прошептал он. — Неужто дождались?

— Ой, да брось ты, Никифор, — раздался вдруг густой, вибрирующий голос, в котором сквозило столько ленивого высокомерия, что мне сразу захотелось вытянуться во фрунт. — Дождались они. Очередное недоразумение в юбке приехало. Причем, заметь, слишком поздно к обеду.

Я вздрогнула и посмотрела на каменный столб забора. Там, вальяжно развалившись на остатках лепнины, сидел кот. Но какой! Огромный, угольно-черный, с такой лоснящейся шерстью, будто его каждый час полировали воском. Его янтарные глаза светились недобрым интеллектом, а хвост медленно, с ритмичностью маятника, постукивал по камню.

Кот неспешно, с нарочитым безразличием, вылизал лапу и посмотрел на меня так, словно я была не слишком удачным сортом сметаны.

— Ну и что мы замерли? — осведомился он, не меняя позы. — Входите, раз уж приперлись. Хотя предупреждаю: ковров с караваями не будет. Ковры моль съела еще при прошлом императоре, а караваи... ну, Никифор пытается что-то печь, но у него магия вкуса всегда уходит в сторону жженой резины.

Я открыла рот, закрыла его, а потом снова открыла.

— Ты... ты говоришь? — выдавила я.

— Нет, дорогая, я пою арии на древнеэльфийском, просто у тебя в ушах приютская каша застряла, — кот прыгнул на землю, приземлившись абсолютно бесшумно. — Я Тихон. Твое 'Ваше Ворчейшество' на ближайшее время, если, конечно, ты не сбежишь через час, осознав масштаб катастрофы.

Он подошел к воротам и принюхивается к моей ауре через щель.

— Пф-ф... — фыркнул он, дернув усами. — Так я и думал. Пахнет дешевым мылом, казенной овсянкой и абсолютной, беспросветной безнадежностью. И это наследница великого рода? Куда катится этот мир... Раньше Кречеты пахли грозой и дорогим табаком, а теперь — невыплаченными кредитами.

— Послушай, кот... — начала я, закипая.

— Тихон Игнатьевич для тебя, девочка, — перебил он меня. — Или просто 'Господин и Повелитель кухни'. Никифор, что ты стоишь, как соляной столп? Открывай ворота, пока она

не передумала. Хотя я бы на ее месте передумал прямо сейчас и бежал до самого Красноярска без оглядки.

Старик, которого кот назвал Никифором, наконец опомнился. Он рванулся к воротам, на ходу отбиваясь от малины, которая, кажется, расстроилась из-за потери добычи.

— Виктория Анатольевна! — голос его дрожал. — Простите нам эту... небрежность. Дом заждался. Мы все заждались.

Он выудил из кармана тяжелый бронзовый ключ и дрожащими руками вставил его в скважину. Замок издал такой скрежет, будто в нем перемалывали камни, и створки ворот нехотя разошлись.

Я сделала осторожный шаг за калитку.

И в ту же секунду мир вокруг меня изменился.

Под моими ногами, прямо под слоем пыли и сухой листвы, вспыхнул сложный геометрический узор. Золотисто-зеленые нити света рванулись от ворот к самому дому, прошивая пространство. Я почувствовала, как по телу прошла мощная волна тепла — от кончиков пальцев на ногах до самой макушки. Это было похоже на то, как если бы меня вдруг узнал старый друг после долгой разлуки.

Древний охранный контур поместья, спавший десятилетиями, вдруг загудел, признавая мою кровь. Воздух в саду задрожал, сбрасывая оцепенение. Светящаяся малина мгновенно притихла и даже как будто подобрала свои ветки, освобождая проход.

Никифор охнул и выронил секатор.

А Тихон... Тихон наконец оторвался от созерцания своей лапы. Его хвост перестал дергаться. Кот внимательно, по-настоящему внимательно, прищурился, глядя на то, как магия моего рода переплетается с моими волосами, заставляя их на мгновение вспыхнуть темным золотом.

— Надо же... — пробормотал он, и в его голосе впервые исчезла язвительность, уступив место чему-то похожему на уважение. — Кажется, кровь все-таки не водица. Хотя кашей от тебя все равно несет за версту, наследница. Ну, идем в дом. Будем смотреть, сколько пыли ты сможешь проглотить, прежде чем запросишь пощады.

Глава 2

— Проходите, Виктория Анатольевна, проходите. Не стойте на пороге, дом этого не любит, — Никифор суетливо засеменил вперед, позвякивая своей связкой ключей.

Я сделала шаг в холл и замерла, боясь даже выдохнуть. В нос ударил густой, почти осязаемый запах старой бумаги, воска и чего-то остро-пряного, похожего на искры от бенгальских огней. Это была магия — застоявшаяся, запыленная, но всё еще живая.

Холл был огромным. Потолки уходили куда-то в вечную полутьму, а широкая дубовая лестница изгибалась так грациозно, будто приглашала не просто подняться, а совершить торжественное восхождение. Пыль здесь лежала ровным слоем, как свежевывающий снег, и мои следы на ней выглядели настоящим вандализмом.

— Ну вот, — ворчливо прокомментировал Тихон, который уже успел запрыгнуть на резной столик у зеркала. — Добро пожаловать в склеп имени былого величия. Если чихнешь, лавина с потолка нас похоронит заживо. Имей в виду, я под завалами не копаю.

Я проигнорировала его язвительность и двинулась вдоль стены, где висели портреты. Десятки глаз следили за мной с холстов — суровые мужчины в мундирах, дамы в кружевах, от которых веяло холодным достоинством. И вдруг я остановилась.

На одном из портретов был изображен мужчина средних лет в невероятном изумрудном бархатном жилете. У него была такая окладистая борода и такие хитрые глаза, что он больше походил на сказочного купца, чем на магического аристократа. Подпись гласила: 'Прохор Кречет'.

В ту секунду, когда наши взгляды встретились, Прохор вдруг отчетливо, заговорщицки подмигнул мне. Я чуть не подпрыгнула.

— Ой! Он... он только что мне моргнул! — я ткнула пальцем в сторону картины.

Никифор, обернувшись, мягко улыбнулся:

— Это добрый знак, Виктория Анатольевна. Прадед ваш, Прохор Саввич, был человеком дела. Если подмигивает — значит, чувствует удачу в торговле. Он редко кого так приветствует. Обычно просто отворачивается и делает вид, что спит, особенно когда инспекторы приходят.

— Удача мне бы сейчас не помешала, — пробормотала я, вспоминая цифру из письма. — Примерно на триста с лишним золотых рублей удачи.

— Идемте на кухню, барышня. Там теплее. Этот дом, знаете ли, греется только тогда, когда в нем кто-то ест или варит зелья. А без жизни стены быстро остывают.

Мы прошли через анфиладу комнат, которые казались мне бесконечными. Я честно пыталась запомнить дорогу, но когда мы свернули в третий по счету коридор, мой внутренний навигатор просто сложил лапки и уволился. 'Ну и ладно', — подумала я, — 'буду жить здесь, пока не найдут. Или пока не научусь летать'.

Кухня оказалась настоящим сердцем дома. Огромная печь, облицованная светящимися изразцами, занимала добрую треть пространства. Под потолочными балками висели пучки трав — некоторые из них едва заметно светились голубоватым светом, другие тихонько позвякивали на сквозняке, как стеклянные колокольчики.

— Садитесь, милая, — Никифор пододвинул мне тяжелый стул с высокой спинкой. — Сейчас чайку организуем. Настоящий, таежный сбор. Сами с Тихоном собирали на дальних делянках.

Старик засуетился у плиты. Вскоре по кухне поплыл умопомрачительный аромат — пахло сосновой хвоей, чабрецом и чем-то неуловимо сладким, похожим на лесную землянику, согретую солнцем. Этот запах пробирался под кожу, выгоняя из костей холод долгой дороги и приютскую тоску.

Я прижала ладони к теплой кружке и сама не заметила, как начала рассказывать. О сером детдоме, где чай пах хлоркой, об уроках бытовой магии, на которых нас учили только чистить картошку заклинаниями 'малого среза', и о том, как я потратила последние копейки на билет в один конец, просто чтобы не остаться на улице.

Никифор слушал молча, лишь изредка кивая. Его глаза за стеклами очков увлажнились.

— Мы ведь и не знали, что вы есть, Виктория Анатольевна, — тихо произнес он. — Дед ваш, Алексей Максимович, после той беды с вашими родителями совсем закрылся. А потом и сам ушел... Дом запечатался. Я думал — всё, конец роду. Но дом... дом вас выбрал. Он еще на пороге вас признал, я такое один раз в жизни видел.

— Дедушка был великим человеком? — спросила я, разглядывая странные узоры на дне кружки.

— Великим? — вклинился Тихон, который уже вовсю пытался засунуть морду в мою чашку. — Он был невыносимым перфекционистом! Знаешь, как он фамильяров продавал? Он мог любую, даже самую строптивую саламандру уговорить на контракт, при котором она еще и должна оставалась. У него дар был — видел суть существа. И зелья варил такие, что к нам из самой столицы за ними приезжали. Но характер... У-у-у! Если пузырек стоял на полке на миллиметр левее, чем нужно, он мог полдня лекцию читать о гармонии пространства.

Кот предпринял очередную попытку утянуть мою чашку лапой, но Никифор ловко отодвинул её в сторону.

— Хватит ворчать, Тиша. Виктории сейчас не до твоих воспоминаний.

— А что? — кот оскорбленно распушил хвост. — Я просто предупреждаю. Наследственность — штука серьезная. И, кстати, где мои пряники? Ты обещал пряники, если наследница не упадет в обморок при виде меня!

— Пряников нет, — отрезал Никифор и его лицо вдруг стало очень серьезным. — У нас, барышня, вообще мало что осталось.

Он достал из кармана стопку бумаг, перевязанных суровой ниткой, и положил их на стол. Я сразу узнала изумрудный сургуч Управы. Квитанции. Много квитанций.

— Казна поместья пуста, — вздохнул старик. — Последние крохи ушли на поддержание охранного контура. Сад дичает, магия дома истощается. Управа прислала уведомление: если через полгода долг не будет погашен, поместье выставят на аукцион.

У меня внутри всё похолодело. Триста сорок два рубля. Против моих пустых карманов.

— Единственный шанс, Виктория Анатольевна, — продолжал Никифор, глядя мне прямо в глаза, — это немедленно открыть лавку. Лицензия всё еще действительна, хоть и приостановлена за неуплату. Нам нужно начать торговать. Чем угодно — зельями, травами, услугами. Главное — запустить магический оборот.

— Лавка... — я вспомнила ту детскую мечту, которая вспыхнула при чтении письма. — Но я же ничего не умею! Ну, то есть, я чувствую травы, но рецепты...

— Рецепты в библиотеке, — перебил Тихон, вальяжно потягиваясь. — А я в качестве... хм... консультанта. Но предупреждаю сразу: мои советы стоят дорого. Молоко высшего качества, свежие пряники — не эти, сухари приютские, а настоящие, медовые! — и никакой критики в адрес моей фигуры.

В этот момент перед моими глазами снова всплыл призрачный фолиант системы 'Совершенство'. Страницы перелистнулись с сухим щелчком.

'ЗАДАНИЕ ОБНОВЛЕНО: Хозяйка руин.

Цель: Провести инвентаризацию имущества лавки и поместья.

Награда: Разблокировка навыка "Мастерство крафта".

Внимание! Характеристика Хозяйственность подсвечена: Уровень 3. Примечание: Самое время доказать, что вы можете не только тратить, но и созидать'.

Я посмотрела на Никифора, потом на ехидную морду Тихона, а затем — на золотистую пыль, танцующую в луче света, пробившемся сквозь мутное окно.

— Хорошо, — я решительно хлопнула ладонью по столу, отчего Тихон подпрыгнул, а чашки жалобно звякнули. — Я принимаю условия. Будут тебе пряники, кот. И молоко будет. Но только если мы завтра же начнем разгребать этот завал.

— Завтра? — Тихон скептически прищурился. — Милочка, с твоим уровнем топографического кретинизма мы только к послезавтра найдем выход из кухни в коридор.

— А ты на что? — я улыбнулась, чувствуя, как внутри разгорается упрямый огонек. — Будешь работать навигатором. Или я найду способ магически привязать тебя к пылесосу, когда я его изобрету.

Кот возмущенно зашипел, но в глазах его промелькнуло одобрение. Никифор же просто облегченно выдохнул.

— Ну вот и славно, — старик потянулся к печи. — Пойду, проверю, не осталось ли в закромах хоть немного муки. Первая ночь в родном доме должна быть сытной.

Я сидела на кухне, слушая, как гудит огонь в печи и как ворчит под нос Тихон, и впервые в жизни чувствовала — я на своем месте. Пусть с долгами, пусть с сумасшедшим котом и порталом в неизвестность вместо лавки, но я была Кречет. И я собиралась вернуть этому дому его былой блеск, даже если мне придется перетереть в порошок всю бюрократию этого города.

— Ну что, наследница, — Тихон спрыгнул со стола, грациозно приземлившись на четыре лапы и не издав ни звука. — Чаепитие в руинах объявляю закрытым. Пора бы тебе и честь знать, а заодно и спальное место себе организовать. А то Никифор уже засыпает на ходу, а у него завтра по плану — попытка воскрешения забора.

Я допила последний глоток таежного сбора, чувствуя, как внутри разливается приятное тепло. Честно говоря, мне больше всего хотелось свернуться калачиком прямо здесь, у теплой печки, но достоинство Кречетов (или то, что от него осталось в моем лице) требовало чего-то более монументального. Например, кровати.

— Веди, Ваше Ворчейшество, — вздохнула я, поднимаясь и подхватывая свою сумку.

Никифор засуетился, пытаясь отобрать у меня поклажу, но я только качнула головой. Старик и так выглядел измотанным, а лестница на второй этаж, судя по её виду, была тем еще испытанием.

— Я сама, Никифор. Идите отдыхать. Завтра будет... — я замялась, — насыщенный день.

— Очень насыщенный, — ехидно подтвердил кот, уже шмыгнув в коридор. — Если не заблудишься в трех соснах, то, может, и до подушки доберешься к рассвету.

Мы вышли в холл. Свет моей маленькой магической лампы выхватывал из темноты куски резных перил и тяжелые складки пыльных портьер. Тихон шел впереди, его хвост, как черный маяк, то и дело подергивался из стороны в сторону.

— Нам наверх, — скомандовал он.

Я начала подъем. Лестница скрипела под моими ногами на все лады — то тоненько, по-крысиному, то глухо и ворчливо, будто старый дед, которого разбудили среди ночи. На середине пролета я уверенно свернула направо, увидев симпатичную арку.

— И куда мы намылились? — раздался голос Тихона откуда-то слева и сверху.

Я замерла, упершись носом в дверь.

— В спальню? — неуверенно предположила я.

— Поздравляю, — кот свесил голову с перил второго этажа. — Это кладовка для швабр. Если ты планируешь спать стоя в обнимку с ведром, то ты по адресу. Но я бы рекомендовал всё же подняться еще на пять ступенек и повернуть в другую сторону.

Я покраснела, радуясь, что в темноте этого не видно, и попятилась. Спустя минуту я снова совершила маневр, решив, что длинный коридор слева — это именно то, что нужно. Через

десять метров я обнаружила себя в тупике перед огромным напольным зеркалом, затянутым паутиной.

— Виктория, — Тихон уже не ехидничал, в его голосе слышалось искреннее страдание. — У тебя внутренний компас вообще из чего сделан? Из бракованной ложки? Мы в пяти метрах от твоей комнаты. Просто. Иди. За. Мной.

— У меня топографический кретинизм в терминальной стадии, ты же знаешь! — огрызнулась я, пытаюсь обойти зеркало, которое, кажется, решило, что я хочу с ним поиграть в прятки.

Наконец, под чутким (и крайне нецензурным со стороны кота) руководством, мы добрались до массивной дубовой двери. Тихон толкнул её лапой, и та неохотно отворилась.

В нос тут же ударило нечто, что я мысленно назвала «Вечной Пылью». Это был не просто слой грязи, а какая-то магическая субстанция. Пыль в комнате вибрировала, она буквально клубилась в воздухе серыми, осязаемыми хлопьями, которые не желали оседать. Казалось, воздух стал густым, как кисель, и каждый вдох давался с трудом.

Перед глазами вспыхнул интерфейс «Совершенства». Страницы книги зашелестели, остановившись на разделе с грозным заголовком.

«ВНИМАНИЕ! ЗАПУЩЕН КВЕСТ: Бытовая Оборона!

Цель: Очистить спальню наследницы от Вечной Пыли.

Условие: Выжить и не чихнуть до смерти.

Бонус: Шанс найти что-то ценное в залежах прошлого.

Примечание: Ваша характеристика Хозяйственность (Уровень 3) — ваш единственный щит. Сконцентрируйтесь, или спите в обнимку с пылевыми клещами-мутантами».

— Ну что, — Тихон уселся на пороге, предусмотрительно не заходя внутрь. — Можешь ночевать на коврик у двери. Он, конечно, жестковат, зато там пыль не пытается сожрать твои легкие. А я, пожалуй, посмотрю на это шоу со стороны.

— Обойдешься, — прохрипела я, прикрывая нос рукавом.

Я закрыла глаза и попыталась вызвать то чувство, которое возникало у меня в приюте, когда нужно было отмыть столовую после нашествия пятидесяти голодных сорванцов. Это было не просто желание чистоты, а какая-то внутренняя потребность упорядочить хаос. Хозяйственность. Моя магия.

Я почувствовала, как в ладонях начало покалывать. Это не было боевым заклинанием, нет. Это была мягкая, обволакивающая энергия уюта. Я сделала шаг вперед, и пылевое облако перед моим лицом вдруг испуганно отпрянуло.

— Ого, — прокомментировал кот. — А у тебя зубки-то режутся.

Я двигалась вглубь комнаты, как ледокол через арктические льды. Моя задача была проста — кровать. Огромное чудовище на четырех резных ножках стояло в центре, накрытое чем-то, что когда-то было покрывалом, а теперь напоминало шкуру плешивого мамонта.

— Фу, какая гадость, — я схватилась за край этой серой ветоши и с силой дернула.

Пыль взметнулась столбом, пытаюсь пойти в контратаку, но я топнула ногой, выплескивая магическую волну.

— Вон! — приказала я. — Место!

Тряпье полетело в сторону двери, едва не накрыв Тихона. Кот возмущенно отпрыгнул в коридор.

— Эй! Поаккуратнее с антиквариатом! — крикнул он.

— Это не антиквариат, это биологическое оружие! — отозвалась я, пробиваясь к огромному платяному шкафу, который высился в углу, как скала.

Его дверцы были украшены резьбой в виде виноградных лоз. Я потянула за ручку, и шкаф издал стон, полный вековой боли. Внутри пахло нафталином, сушеной лавандой и... холодом. В самых недрах, за какими-то чехлами, я увидела мягкое серебристое сияние.

Мои пальцы коснулись ткани. Она была невероятно холодной, будто я опустила руку в лесной ручей в середине ноября. Морозный Лён. Я вытянула тяжелый рулон, и по комнате поплыл удивительный аромат — запах свежеевыпавшего снега, хвои и чего-то чистого, первозданного.

— Надо же, — Тихон осторожно зашел в комнату, пригнувшись. — Морозный Лён. Твоя прабабка была фанаткой этого материала. Говорила, что на нем снятся только вещие сны, а дурная магия вымерзает за пять минут. Я думал, его моль сожрала. Но, видимо, моль об него зубы обломала.

Я не слушала его. Я расстелила простыню по матрасу, который после моей «бытовой обороны» заметно посвежел. Как только серебристая ткань коснулась кровати, произошло нечто странное.

Дом... он вздохнул. Это был глубокий, вибрирующий звук, прошедший через подошвы моих сапог в самый позвоночник. Это не было страшно. Это было похоже на то, как человек наконец-то снимает тесные ботинки после долгого рабочего дня. Стены вокруг меня на мгновение потеплели, а половицы под ногами перестали жалобно скрипеть, зазвучав уверенно и крепко.

По комнате прошла золотистая волна. Она была похожа на солнечный зайчик, который сошел с ума и решил оббежать все углы. Там, где проходила эта волна, серая вибрирующая пыль мгновенно кристаллизовалась и осыпалась на пол безобидным, чистым песком.

Сил не осталось даже на то, чтобы просто стянуть сапоги. Я рухнула на кровать плашмя, чувствуя, как под моим весом вздохнул старый матрас. Честно говоря, я ожидала, что он ответит мне облаком пыли или хрустом прогнивших пружин, но Морозный Лён сработал как профессиональный вышибала в элитном клубе. Стоило мне коснуться серебристой ткани, как по телу пробежал освежающий холодок, будто я нырнула в сугроб после жаркой бани. Только без риска подхватить ангину.

— Осторожнее, наследница, — донесся откуда-то с порога ленивый голос Тихона. — Ты так плюхнулась, что у меня в ушах зазвенело. Имей в виду, если ты пролomiшь кровать своего прадеда, чинить её будешь сама. А магическое дерево крайне капризно относится к столярному клею из хозяйственных товаров.

Я даже не нашла в себе сил огрызнуться. Перед глазами, прямо в полумраке комнаты, снова всплыла моя призрачная книга «Совершенства». Страницы перелистывались сами собой, светясь мягким золотистым светом, который в этот раз не раздражал, а скорее баюкал.

«КВЕСТ ВЫПОЛНЕН!» — торжественно провозгласил текст, и я почти услышала фанфары, сыгранные на расстроенных трубах.

«Статус: Личная обитель (Ур. 1).»

Я прищурилась, пытаюсь разобрать мелкий шрифт уведомлений, которые сыпались одно за другим. Итак, что мне выдали за героическую победу над многолетней грязью?

«Активированы бонусы локации:

1. Глубокое восстановление: 8 часов сна полностью обнуляют шкалу физической и магической усталости. (Наконец-то я перестану чувствовать себя как выжатый лимон, по которому проехал магический трамвай).

2. Приватный контур: Комната запечатана от внешнего наблюдения. Управа Магического Порядка кусает локти — их следящие заклинания теперь видят здесь только ровное серое пятно. (О, это просто бальзам на душу! Пусть Савелий Крючков и его бюрократическая братия подглядывают за кем-нибудь другим).

3. Эффект выдержки: Любые магические ингредиенты, оставленные в этой комнате, за ночь повышают свое качество на 5%. (Пожалуй, стоит принести сюда все запасы чая Никифора, глядишь, к утру он станет эликсиром бессмертия).

И — барабанная дробь — главный бонус за первый отдых в родовом гнезде:

«Утренняя ясность»: +2 к Сметливости на весь завтрашний день. Примечание: Теперь вы сможете отличить антикварную ценность от куска мусора и, возможно, даже найдете выход из собственной кухни с первой попытки».

— Ха-ха, очень смешно, — пробормотала я, закрывая глаза. — Система, ты сегодня на редкость язвительна. Уж не покусал ли тебя Тихон?

Дверь тихонько скрипнула. Я приоткрыла один глаз и увидела Никифора. Старик нес небольшой поднос, на котором стояла крошечная фарфоровая чашечка, от которой шел густой, пряный пар.

— Виктория Анатольевна, выпейте это на ночь, — мягко сказал он, ставя поднос на пыльную тумбочку, которая после моего магического всплеска выглядела почти прилично. — Настой на синих сосновых шишках. Он поможет магии дома окончательно принять вас. А то вы сейчас как чужеродная заплатка на старом кафтане — вроде и на месте, а нитки еще не притерлись.

— Спасибо, Никифор, — я с трудом приподнялась на локтях, взяла чашку и сделала глоток. На вкус это было как жидкий лес — терпко, сладко и немного покалывало язык. — Иди отдыхай. Ты сегодня сделал больше, чем я могла мечтать.

Старик поклонился — на этот раз как-то особенно церемонно, без суеты — и тихо вышел, закрыв за собой дверь. В комнате воцарилась тишина, нарушаемая только странным, ритмичным звуком. Тук. Тук. Тук.

Это Тихон запрыгнул на кровать и теперь устраивался в моих ногах. Его хвост мерно постукивал по изножью, а сам он выглядел в лунном свете как черная дыра в пространстве.

— Ну что, обживаешься? — кот начал вылизывать лапу, но в его движениях уже не было привычной развязности. — Знаешь, почему этот дом не рассыпался в труху, пока тебя здесь не было?

Я отрицательно мотнула головой, чувствуя, как веки становятся свинцовыми.

— Потому что первый из твоего рода, дед Прохор (тот самый, что подмигивал тебе на портрете), был тем еще упрямец, — Тихон замурлыкал. Его рокот был похож на работу небольшого магического двигателя — низкий, вибрирующий, он пробирал до костей. — Он не просто построил стены. Он провел Обряд Сращивания. Легенда гласит, что он три дня и три ночи пел песни самой земле под этим фундаментом, пока духи места не согласились связать сердце дома с пульсом земли. С тех пор поместье Кречетов — это не просто камни и дерево. Это живой организм. Когда хозяевам плохо — дом плачет сыростью. Когда хозяева сильны — стены светятся.

Кот придвинулся ближе, его глаза сверкнули янтарным огнем.

— Десять лет дом спал. Сердце его билось раз в год, едва поддерживая жизнь в Никифоре и во мне. Но сегодня... сегодня ты его разбудила. Слышишь?

Я прислушалась. Где-то глубоко под полом, за слоями земли и магических пластов, раздался глухой, едва уловимый толчок. Будто огромный великан во сне перевернулся на другой бок.

Перед глазами в последний раз за этот день всплыла строка Системы:

«Синхронизация с Родовым Гнездом: 5%. Узы крепнут».

— Вот так, — прошептал Тихон, сворачиваясь клубком. — Спи, наследница. Теперь ты под защитой. Тени в этом доме знают свою работу.

Я провалилась в сон мгновенно. Мне не снились ни долги Управы, ни злые инспекторы. Мне снился огромный золотой сокол, который кружил над заснеженной тайгой, и каждый взмах его крыльев отзывался теплом в моих ладонях. А в углах комнаты темные тени, которые раньше казались мне пугающими, теперь вытянулись вдоль стен, превращаясь в причудливых стражей. Они не шевелились, не издавали ни звука, но я знала — пока я сплю, ни одна крыла-

тая сова из Управы, ни один недоброжелатель не сможет даже коснуться дверной ручки моей обители.

Впервые за много лет я была дома. И пусть этот дом был в долгах по самую крышу, а моим наставником был язвительный кот. Магия Кречетов просыпалась, и она явно была не в духе после долгой спячки.

Проснулась я от того, что в нос мне деликатно, но настойчиво ткнулся серебристый луч утреннего солнца. Если честно, я ожидала, что мое первое утро в родовом поместье начнется с хруста в пояснице и осознания того, что я сплю на мешке с магическим мусором. Но нет. Морозный Лён творил настоящие чудеса. Я чувствовала себя так, будто меня за ночь разобрали по косточкам, почистили мягкой щеточкой, смазали маслом и собрали обратно, забыв при этом вложить привычную уютную тревогу.

Перед глазами, чуть вибрируя в утреннем воздухе, висело уведомление от Системы «Совершенство»:

«БОНУС АКТИВИРОВАН: Утренняя ясность.

Эффект: Ваше восприятие обострено. Ложь теперь пахнет как несвежая рыба, а истина сияет, как начищенный самовар.

Сметливость: +2 (временный эффект).

Примечание: Постарайтесь не прокутить это состояние на размышления о смысле жизни. У вас пустой холодильник и куча долгов».

— Спасибо, родная, — пробормотала я, сладко потягиваясь. — Всегда умеешь приобод- рить.

Я спрыгнула с кровати. Пол под ногами больше не казался ледяным — он был приятно-прохладным, как речная галька в тени. Быстро приведя себя в порядок (что было непросто, учитывая, что из косметики у меня было только мыло и упрямство), я отправилась на поиски кухни. К моему удивлению, в этот раз я не свернула в кладовку и не ушла в подвал. Система «Совершенство» услужливо подсвечивала нужные повороты едва заметными золотистыми искорками. Видимо, +2 к Сметливости действительно работали, или же дом просто решил сжалиться над своей бестолковой хозяйкой.

На кухне уже вовсю хозяйничал Никифор. Он стоял у открытого шкафа и с таким при- скорбием разглядывал пустые полки, будто это были надгробные плиты.

— Доброе утро, Виктория Анатольевна, — вздохнул он, не оборачиваясь. — Спали ли вы хорошо? Дом ночью не слишком ворчал?

— Спала как убитая, Никифор. Что у нас на завтрак? Кроме святого духа и надежд на светлое будущее?

Старик обернулся, и в его глазах мелькнула тень тревоги.

— Вот об этом я и хотел поговорить. Запасов, считай, нет. Мука вышла, масло закончи- лось еще при прошлом инспекторе, а последнюю морковку Тихон вчера использовал как... э- э... спортивный снаряд. Сейчас должен прибыть зеленщик, Сидоров. Он к нам по вторникам заезжает.

Никифор замаялся, теребя край своего безупречно чистого, но сильно заштопанного фар- тука.

— Вы будьте с ним настороже, барышня. При покойном Алексее Максимовиче Сидоров был человеком тихим, возил всё самое лучшее, прямо с грядок. А как хозяина не стало... Ох, испортился человек. Почувствовал, что спросить с него некому. Начал возить то, что в городе и задаром не возьмут, а цены ломит — будьте нате. Думает, раз я старик, то и гниль от свежака не отличу.

В этот момент снаружи раздался залиvistый, дребезжащий звон колокольчика. У ворот кто-то явно требовал внимания.

— Явился, — раздался с подоконника голос Тихона.

Кот сидел там, сосредоточенно умываясь, и выглядел так, будто лично планирует сожрать Сидорова, если тот не привезет ему свежих сливок.

— Ну что, Виктория, — Тихон прыгнул на пол и задрал хвост трубой. — Пойдем принимать парад неликвида. Помни: у него совесть размером с наперсток, а жадность — с наш амбар. Если дашь слабину, он тебе вместо хлеба сухари десятилетней давности продаст как 'винтажную выпечку'.

Я решительно направилась к выходу. Мы вышли во двор как раз в тот момент, когда пузатая телега, запряженная ленивой пегой кобылой, остановилась у крыльца. С козел соскочил невысокий, суевливый человечек в картузе, сдвинутом на затылок. Лицо его так и лучилось притворной доброжелательностью, которая обычно бывает у тех, кто собирается вытащить у тебя кошелек и при этом попросить прощения за беспокойство.

— Ой, батюшки! — всплеснул он руками, увидев меня. — Неужто сама наследница? Красавица какая! Цветочек лазоревый в наших диких краях! А я-то, старый дурень Сидоров, всё гадал: кто же это в поместье Кречетов жизнь вдохнет?

— Здравствуйте, господин Сидоров, — я сложила руки на груди, чувствуя, как внутри активируется «Утренняя ясность».

Воздух вокруг Сидорова вдруг приобрел странный красноватый оттенок, а от его улыбки отчетливо потянуло чем-то кислым. Система не подвела: ложь пахла именно так.

— Ну, что привезли? — спросила я, подходя к телеге. — Показывайте ваши сокровища. Сидоров засуетился, откидывая рогожу.

— Для вас, Виктория Анатольевна, всё самое отборное! Прямо с пылу, с жару! Вот, посмотрите, мука высшего сорта — белая, как снег на Саянах! Маслице сливочное, вчера только сбили, коровушки у меня магические, на клевере сортовом пасутся!

Он протянул мне открытый мешок с мукой. Перед моими глазами мгновенно всплыла красная рамка интерфейса:

«ОБЪЕКТ: Мука пшеничная (залежалая).

Состояние: Критическое. Содержит колонию черных долгоносиков (ур. 5).

Статус: Опасные отходы.

Реальная стоимость: 0 копеек.

Запрашиваемая цена: 2 рубля за пуд (наценка 300%)».

Я медленно запустила руку в мешок и зачерпнула горсть муки. Белая пыль осыпалась, обнажая копошащихся мелких черных жучков, которые явно не были в восторге от того, что их потревожили.

— Скажите, господин Сидоров, — я подняла на него взгляд, — а эти... долгоносики в муке — это тоже ваша 'магическая добавка'? Или они входят в стоимость как ценный белок?

Торговец замер. Улыбка на его лице дернулась и сползла набок, как плохо приклеенная маска. Он уставился на мою ладонь, где бодро ползали насекомые.

— Ой... — выдавил он. — К-к-как же это... Э-это, верно, в дороге з-залетело! Природа-с, Виктория Анатольевна! О-они же на запах такой ч-чистой муки как мухи на м-мед летят!

— Сметливость подсказывает мне, что за пять минут пути 'колония пятого уровня' завестись не может, — я стряхнула муку обратно в мешок и вытерла руку о платок, который мне тут же подал Никифор. — А что с маслом? Оно тоже 'природой' подпорчено?

Сидоров дрожащими руками развернул капустные листья, в которых лежал желтый брусок масла. Запах был такой, что Тихон, сидевший на заборе, демонстративно прикрыл нос лапой.

— Милочка, — прокомментировал кот, — от этого масла веет не лугом, а залежалым сапогом старого солдата, который прошел в нем от Москвы до Енисейска. Я бы таким даже ворота мазать не стал — ворота обидятся.

Система выдала очередную плашку:

«ОБЪЕКТ: Жировая субстанция (прогорклая).

Статус: Биологическая угроза. При употреблении вызывает эффект 'Бурление бездны' (-10 к Здоровью)».

— Сидоров, — я сделала шаг вперед, и голос мой прозвучал на удивление твердо, — вы пытаетесь продать мне тухлое масло по цене деликатеса. Картофель у вас, я вижу, тоже весь в пятнах гнили, — я указала на мешки, где под сеткой виднелись водянистые бока овощей. — И что это за веники?

Я вытащила из корзины пучок сушеной травы, перевязанный яркой ленточкой.

— Э-это? — Сидоров сглотнул, его кадык судорожно дернулся. — Э-это 'Ц-целебный сбор С-северных Т-трав'! О-очень редкий! П-помогает от всех хворей, д-даже от магического истощения!

Интерфейс «Совершенства» ехидно подсветил траву тускло-серым:

«ОБЪЕКТ: Сорняк придорожный (крашенный).

Примечание: Обычная лебеда, вымоченная в дешевом синем пигменте. Побочный эффект: язык станет синим, а хвори останутся при вас».

— Это лебеда, Сидоров, — спокойно сказала я. — Покрашенная марганцовкой или чем-то подешевле.

Торговец вдруг побледнел. Он посмотрел на меня, потом на Никифора, потом на Тихона, который в этот момент зевнул, продемонстрировав внушительные клыки.

— В-виктория Ан-натольевна... — он начал пятиться к своей телеге, запинаясь на каждом слове. — Я... я же н-не со зла! Я д-думал... н-ну, барышня гор-родская, в хозяйстве н-не смыслит... Я ж-же просто хотел п-подзаработать немного, н-налоги-то в Управе — во какие!

— По справочнику Управы, — я процитировала цифры, которые Система услужливо вывела мне прямо перед глазами, — пуд свежей муки стоит пятьдесят копеек. Масло первой свежести — восемьдесят. А за попытку сбыта 'опасных отходов' под видом продуктов в Енисейске-Магическом полагается штраф в пятьдесят рублей или неделя в кандалах на расчистке речных порогов. Как думаете, инспектор Герасим сильно обрадуется, если я ему напишу весточку?

Сидоров мешком осел на козлы. Его физиономия выражала такой запредельный ужас, что мне на мгновение даже стало его жалко. Совсем чуть-чуть.

— Н-не надо Г-герасима! — взмолился он, заикаясь так сильно, что слова превратились в сплошное дребезжание. — В-виктория Ан-натольевна, гол-лубушка! Б-бес п-попутал! Я в-всё исправлю! У меня ж-же там, под рогожей, н-настоящий товар есть! Для з-заказчика богатого вез... н-но вам отдам! Всё отдам! П-почти даром!

Он бросился к задней части телеги, лихорадочно откидывая двойное дно. Оттуда на свет божий извлекли мешок чистейшей, пахнущей солнцем гречихи, тугие кочаны капусты, от которых веяло хрустящей свежестью, и банку золотистого, густого меда.

— Вот! П-посмотрите! М-мед липовый, п-прозрачный! М-мука — первый помол, к-клянусь своей шляпой! В-возьмите, Х-ради бога!

Я прищурилась, изучая новые предметы через призму Системы. Теперь всё было честно.

«ОБЪЕКТ: Мед липовый (превосходный).

Качество: 95%.

Реальная стоимость: 1 рубль 20 копеек».

— Хорошо, Сидоров, — я милостиво кивнула. — Мы возьмем муку, гречиху, овощи и этот мед. Но... — я сделала паузу, наслаждаясь тем, как бедный торговец сжимает в руках свой картуз, — учитывая ваше недавнее поведение и моральный ущерб, нанесенный моему коту видом этого масла... мы заберем всё это за половину рыночной стоимости. В качестве компенсации за мое испорченное утро.

— К-к-как скажете! — затараторил Сидоров, мечая продукты на крыльцо с такой скоростью, будто за ним гнались все демоны Изнанки. — П-половина — это ж-же ч-честно! Это по-соседски! П-пожалуйста, т-только Герасиму н-не говорите!

Через пять минут телега Сидорова скрылась в облаке пыли, причем кобыла, кажется, развила скорость, на которую была не способна последние лет десять.

Никифор стоял среди коробок и мешков, переводя взгляд с меня на продукты и обратно. На его лице медленно расплывалась улыбка — первая по-настоящему радостная улыбка, которую я видела.

— Ох, барышня... — прошептал он. — Ну точь-в-точь как дед ваш, Прохор Саввич. Тот тоже умел так посмотреть, что у жуликов зубы начинали чесаться. Твердая рука! Настоящая хозяйка!

Тихон вальяжно подошел к банке с медом и обнюхал её.

— Неплохо для начала, — признал он, дернув ухом. — Хотя за заикание Сидорова я бы накинул еще и головку сыра. Ты видела, как он на букве 'б' застрял? Я думал, у него сейчас искры из глаз посыпаться. Ладно, Никифор, не стой столбом. Тащи гречу на кухню. Наследница сегодня заработала себе на первый приличный завтрак.

Перед моими глазами вспыхнуло новое сообщение от Системы:

«ЗАДАНИЕ ВЫПОЛНЕННО: Отпор мошеннику.

Награда: +5 к Репутации в поместье, +10 к Энергии Уюта.

Ваш уровень Хозяйственности повышается до 4!

Комментарий: Даже старые стены теперь шепчут о вашей крутизне. А Сидоров, скорее всего, будет заикаться еще неделю всякий раз, когда увидит ворота Кречетов».

Я улыбнулась, вдыхая аромат свежего хлеба и меда. Моя 'Утренняя ясность' начала потихоньку угасать, оставляя после себя приятное чувство победы. Мы прошли на кухню, где Никифор тут же принялся за дело. Вскоре по дому поплыл запах настоящей, сытной еды — такой, которой здесь не было уже очень давно.

— Знаешь, Тихон, — сказала я, усаживаясь за стол и наблюдая, как Никифор ловко орудует у печи. — Кажется, я начинаю понимать, как здесь всё устроено.

— Не обольщайся, — кот запрыгнул на соседний стул и требовательно постучал лапой по краю стола. — Это был всего лишь мелкий торговец. Завтра может прийти кто-то покрупнее. Но... — он на секунду замер и посмотрел на меня своими янтарными глазами, — зубки ты показала правильные. Кречетовские. Глядишь, и правда не дашь этому дому пойти с молотка.

Я отломил кусочек свежего хлеба и макнула его в мед. Жизнь в Енисейске-Магическом определенно начинала мне нравиться. Особенно когда у тебя есть Система, язвительный кот и способность доводить жуликов до заикания.

После завтрака, который благодаря испуганному Сидорову и кулинарному гению Никифора впервые за годы не напоминал попытку накормить заключенного перед допросом, я почувствовала в себе странную, почти пугающую уверенность. Мой внутренний компас, обычно работающий по принципу 'иди туда, где страшно и непонятно', вдруг выдал четкую картинку дома. Эффект 'Утренней ясности' вибрировал в затылке, как будто мне в голову встроили навигатор последней модели, работающий на чистом вдохновении.

— Ну что, наследница, — Тихон изящно прыгнул со стола, едва не задев хвостом пустую банку из-под меда. — Вижу по твоему лицу, что ты наконец-то перестала путать север с подоконником. Пойдем, покажу тебе остатки былой роскоши на втором этаже, пока ты снова не превратилась в топографическую тыкву.

Я проигнорировала его шпильку и решительно направилась к лестнице. В этот раз коридоры не пытались играть со мной в прятки. Золотистые искорки системы 'Совершенство' едва заметно подрагивали в воздухе, указывая путь через анфиладу комнат. Мы поднялись на вто-

рой этаж, где пыли было заметно меньше — видимо, здесь магия дома держала оборону дольше всего.

Солнечная галерея встретила нас запахом старого дерева и тепла. Огромные окна выходили в сад, который отсюда казался еще более диким и непокорным. Но мое внимание привлек портрет в самом конце коридора. На нем был изображен мужчина, в котором я без труда узнала своего деда, Алексея Максимовича. Тот же упрямый разлет бровей, те же внимательные глаза, только в уголках губ затаилась какая-то вековая усталость.

Я остановилась перед картиной, чувствуя, как внутри что-то дрогнуло.

— Он ведь был не просто лавочником, да? — тихо спросила я, не оборачиваясь к Тихону.

Кот неожиданно молча запрыгнул на широкий дубовый подопечник рядом с портретом. Его хвост перестал нервно дергаться, и на мгновение маска ехидного ворчуна спала, обнажая нечто древнее и очень преданное.

— Лавочником? — Тихон фыркнул, но на этот раз без капли яда. — Милочка, Алексей Максимович был легендой. Он не просто торговал фамильярами и зельями, он создавал судьбы. В этой галерее когда-то не протолкнуться было от важных чинов из столицы, которые ждали аудиенции, чтобы просто получить совет.

Кот посмотрел на портрет, и в его янтарных глазах отразилось солнце.

— Знаешь, как я здесь оказался? — продолжил он тихим, почти хриплым голосом. — Твой прадед, Прохор, принес меня деду в корзинке, когда тот только открыл лавку. Сказал: 'Вот тебе, Лешка, партнер. Он будет ворчать больше тебя, зато никогда не предаст'. Я был тогда размером с твою ладонь, а дед... он тогда горел этим делом. Наша лавка в центре... О, это было место! Тяжелые дубовые прилавки, которые никогда не скрипели, магические весы, способные взвесить даже чистоту намерений покупателя. Воздух там всегда пах корицей, сушеной лавандой и свежим озоном — так пахнет настоящая, большая магия.

Я посмотрела на Тихона с удивлением.

— Ты живешь так долго?

— Фамильяры нашего уровня живут до трехсот лет, если их не доконает чья-то глупость, — он снова дернул ухом, возвращая себе привычный тон. — Я остался здесь после его ухода не потому, что мне нравится этот склеп с привидениями. Просто Кречеты — это... это фамилия. И я обещал ему, что присмотрю за тем, что останется. Даже если останется только одна маленькая и очень дезориентированная девица в поношенном платье.

Тихон потянулся, и вдруг я заметила, как он подцепил лапой что-то под своим кожаным ошейником. Раздался негромкий щелчок, и на подоконник со звоном упал тяжелый латунный ключ. На его бородке была выгравирована крошечная птица с расправленными крыльями — символ рода Кречет.

— Держи, — кот подтолкнул ключ ко мне. — Это от лавки. Последний и единственный. Можешь повесить его на шею как амулет или использовать по назначению. Но предупреждаю: если ты его потеряешь, я лично запру тебя в подвале с теми самыми долгоносиками Сидорова.

Как только мои пальцы коснулись холодного металла, перед глазами вспыхнул золотой каскад уведомлений. Книга 'Совершенства' зашелестела страницами так яростно, будто её охватил фанатичный восторг.

«ДОСТИЖЕНИЕ РАЗБЛОКИРОВАНО: Хозяйка предприятия!

Статус: Вы официально вступаете в права владения магической недвижимостью.

Родовая связь: +2 (Уровень 3). Узы с предками крепнут, дом начинает узнавать вашу походку.

БОНУС: Разблокирована интерактивная карта Енисейска-Магического!»

Прямо в воздухе развернулся полупрозрачный свиток. Я увидела хитросплетения улиц города, и одна точка — на Центральной торговой дороге — засияла изумрудным светом. От моих ног к этой точке пролегла четкая золотистая нить маршрута.

— Ну всё, хватит сырость разводить, — Тихон встряхнулся, снова превращаясь в язвительного котяру. — Маршрут у тебя перед носом, ключ в кармане, а долг в триста сорок два рубля сам себя не выплатит. Иди собирайся. И ради всего святого, надень что-нибудь, что не пахнет приютской дезинфекцией. Нам нужно произвести впечатление на город, а не вызвать желание подать тебе милостыню.

Я спустилась вниз, где Никифор уже подготовил мою сумку. Старик выглядел взволнованным, он то и дело порывался перекрестить меня в дорогу или всунуть в руки узелок с пирожками.

— Ступайте, Виктория Анатольевна. Я тут по хозяйству управлюсь, забор подлатаю, малинник приструню, пока он окончательно не одичал. А вы... вы только осторожнее там. Город — он ведь как зверь, ласку любит, но и зубы показывает.

— Мы скоро вернемся, Никифор. И не с пустыми руками, — я улыбнулась ему, чувствуя непривычную легкость. — Тихон проследит, чтобы я не ушла в сторону Красноярска по ошибке.

Мы вышли за кованые ворота. Стоило калитке закрыться, как я кожей почувствовала перемену. Атмосфера поместья — густая, уютная и немного сонная — сменилась колючим, суевливым воздухом Енисейска-Магического.

Путь к торговой улице оказался тем еще испытанием, и дело было не в моих способностях теряться. Город жил своей, магически-бюрократической жизнью. Мимо пролетали почтовые сферы, оставляя за собой шлейф из искр и запаха жженой бумаги. На углах стояли городовые в синих мундирах, чьи пуговицы светились при приближении каждого прохожего — проверяли уровень благонадежности.

— Тьфу ты! — Тихон, шедший рядом со мной (теперь он выглядел как обычный, хоть и очень крупный кот, чтобы не привлекать лишнего внимания), брезгливо встряхнул лапой. — Ты посмотри на эту пыль! Это же не просто грязь, это мещанское ничтожество в порошковом виде. В наше время улицы чистили заклинаниями 'Второго Вздоха', а теперь? Веником помахали — и довольны.

— Тиша, успокойся, это просто городская пыль, — попыталась я его урезонить, перепрыгивая через лужу, в которой подозрительно переливались радужные пятна от чьего-то протекавшего зелья левитации.

— Просто пыль? — кот возмущенно зашипел на проезжающий мимо экипаж, который обдал нас облаком дыма. — Это оскорбление для моих подушечек! Ты чувствуешь этот запах? Пахнет дешевыми амбициями и несвежими сплетнями. И вообще, почему эти люди так кричат? Магия любит тишину, а тут каждый второй лавочник орет так, будто у него в горле поселилась стая голодных чаек.

Мы свернули на Центральную торговую дорогу, и я замерла. Это было сердце города. Здесь здания теснились друг к другу, выставляя напоказ яркие вывески: 'Лучшие фамильяры от мадам Жюли', 'Зелья для роста волос и совести', 'Канцелярия Крюкова — мы пишем, вы платите'.

В воздухе стоял невообразимый гул. Крики зазывал смешивались со звоном трамвайных колокольчиков и шумом речного порта, доносившимся издалека. Золотистая нить моей карты уверенно вела меня вперед, мимо роскошных витрин и грязных подворотен, прямо к тому месту, где должна была находиться моя мечта — или моё окончательное разорение.

Глава 3

— Пришли, — Тихон остановился перед двухэтажным зданием, которое выглядело так, будто оно решило уйти на пенсию лет двадцать назад. — Вот она, жемчужина торгового ряда. Постарайся не упасть в обморок, когда увидишь, во что превратилась витрина без должного присмотра.

Я замерла, и мой энтузиазм, до этого бодро маршировавший под звуки невидимого оркестра, споткнулся и полетел в канаву. Лавка Кречетов на фоне соседних заведений смотрелась как бедный родственник на светском рауте. Справа сияла золотом и свежевыкрашенной лазурью аптека «Целебный пар», слева манила зеркальными окнами булочная, от которой веяло ароматом ванили и уверенностью в завтрашнем дне. А наше «родовое гнездо»...

Вывеска с надписью «Магические редкости и фамильяры Кречетов» перекосилась так сильно, что буква «К» едва держалась на одном честном слове и куске ржавой проволоки. Стекла витрины были покрыты таким слоем серой, жирной пыли, что сквозь них нельзя было разглядеть даже очертания прилавка. Казалось, за ними скрывается не магазин, а логово очень грустного и очень неаккуратного привидения.

— Ну что стоишь? — кот выразительно посмотрел на меня. — Или ты ждешь, что пыль испугается твоего грозного вида и сама убежит в сторону Управы?

Я вздохнула, достала из кармана платок и попыталась протереть хотя бы небольшой участок стекла. Результат оказался плачевным: пыль просто размазалась, превратившись в грязные разводы, напоминающие карту неизвестного, но очень депрессивного материка.

— Дзынь! Дзынь-дзынь!

Этот звук был таким резким и раздражающим, что я невольно втянула голову в плечи. Сбоку, покачиваясь на тонких каблучках, стояла девица, которая выглядела так, будто её только что достали из коробки с надписью «Самая дорогая кукла города». Худая, почти плоская, в нежно-сиреневом платье с таким количеством оборок, что в них можно было запутаться и не найти выход. В руке она держала маленькую серебряную ложечку и с завидным упорством постукивала ею по литому корпусу уличного фонаря.

— Боже мой, — девица приставила ладонь к глазам, рассматривая меня. — Какое вопиющее отсутствие манер. Милочка, здесь не место для попрошайек. Если ты хочешь заработать на кусок черствого хлеба, иди к порту, там как раз разгружают баржи с углем. Твоё платье идеально подходит под цвет антрацита.

— Я не попрошайка, — я выпрямилась, стараясь придать лицу максимально достойное выражение. — Я хозяйка этой лавки.

Девица замерла. Её ложечка застыла в миллиметре от фонаря. А потом раздался смех — тонкий, противный, похожий на скрип несмазанных качелей.

— Хозяйка? Этой руины? — она сделала шаг вперед и, совершенно не стесняясь, толкнула меня плечом, заставляя отойти от витрины. — Не смейся меня, нищенка. Лавка Кречетов давно проклята и забыта богами. Даже Управа обходит это место стороной, чтобы не подхватить магическую чесотку.

Она еще раз окинула меня пренебрежительным взглядом, от которого захотелось немедленно вымыться с мылом.

— Впрочем, чего еще ждать от развалин? Сброд тянется к сброду.

С этими словами она демонстративно отвернулась, но, видимо, от избытка чувств или собственной важности, взмахнула рукой слишком сильно. Серебряная ложечка выскользнула из её пальцев, звякнула о булыжник и откатилась прямо к моим ногам. Девица даже не обернулась. Она просто поплыла дальше по улице, продолжая что-то ворчать себе под нос о «падении нравов в Енисейске».

Я наклонилась и подобрала предмет. Ложечка была изящной, с гравировкой в виде переплетенных стеблей выюнка.

«ВНИМАНИЕ! Предмет получен: Серебряная ложечка (семейная реликвия Степановых?).

Тип: Зацепка для интриги.

Примечание: Вещи говорят о владельцах больше, чем их слова. Сохраните её, возможно, это ваш билет в мир городских тайн».

— Ну вот, — прокомментировал Тихон, который во время всей этой сцены делал вид, что он — просто часть городского пейзажа. — Первое знакомство с местной аристократией прошло успешно. Тебя называли нищенкой, обдали презрением и оставили в качестве чаевых столовый прибор. Считаю, ты уже интегрировалась в общество.

— Она просто невыносима, — я спрятала ложечку в карман. — Но мы здесь не ради её ложек.

Я достала латунный ключ. Стоило мне вставить его в замочную скважину, как по руке пробежал знакомый теплый разряд. Дверь, которая на вид должна была открываться с диким скрипом и, возможно, обрушением косяка, поддалась мягко и бесшумно. Магия дома признала ключ, а вместе с ним — и меня.

Внутри лавки царил сумрак, пахнувший застоявшимся временем и старыми заклинаниями. Воздух был таким плотным от пыли, что казалось, его можно резать ножом. Стеллажи, уходящие под самый потолок, были заставлены какими-то коробками, склянками и свертками. В центре зала возвышался прилавок из темного дерева, покрытый толстым слоем серого налета.

— Так, — Тихон по-хозяйски зашел внутрь и принюхался. — Пахнет... хм... не так плохо, как я ожидал. По крайней мере, никто из младших духов здесь не сдох от скуки. Вика, под прилавком, с правой стороны, есть небольшой бронзовый рычаг. Видишь?

Я нырнула под прилавок, едва не ударившись головой о полку. Действительно, там обнаружился массивный рычаг, покрытый гравировкой в виде вихря.

— Это «Ловец Пыли», — пояснил кот, усаживаясь на единственный чистый табурет. — Гордость твоего деда. Правда, он жрет магию как не в себя, но в твоём случае это единственный способ не задохнуться в ближайшие пять минут.

Перед глазами всплыло системное сообщение:

«ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: Ловец Пыли (стационарный).

Действие: Полная очистка помещения.

Стоимость активации: 1 единица Энергии Уюта.

Текущий запас: 12.

Активировать?»

Я решительно нажала «Да» и дернула рычаг. Раздался глубокий, вибрирующий гул. В центре зала возникла крошечная светящаяся точка, которая через секунду превратилась в стремительный воздушный вихрь. Пыль, мусор и паутина начали всасываться в этот магический пылесос с невероятной скоростью. Ветер трепал мои волосы, а Тихону пришлось вцепиться когтями в табурет, чтобы его не унесло следом за пылью.

Через десять секунд всё стихло. В лавке стало светло — солнечный свет теперь свободно проникал сквозь идеально чистые окна. Дерево прилавка засияло благородным блеском, а пол оказался выложен красивой мозаикой.

— Вот, — кот довольно сощурился. — Теперь здесь можно находиться без риска превратиться в статую из песка. Начинай инвентаризацию, наследница. Посмотрим, что нам оставил Алексей Максимович.

Я принялась обходить полки, и Система тут же начала выдавать описания.

«ОБЪЕКТ: Часы потерянных минут.

Состояние: Рабочее.

Эффект: Накапливают время, потраченное хозяином на ерунду (не более 5 минут в сутки). Можно использовать для мгновенного завершения варки простого зелья».

— Полезная штука, — пробормотала я. — Жаль, что они не могут вернуть те десять минут, что я потратила на общение с ложечной леди.

— О, а это что? — я вытянула из угла странную конструкцию из тонких серебристых нитей.

«ОБЪЕКТ: Мантия-невидимка для мышей.

Состояние: Идеальное.

Примечание: Создана дедом Кречетом в порыве странного вдохновения. Позволяет мышам безнаказанно воровать сыр у котов-фамильяров».

Тихон, прочитав описание (он явно видел мои системные окна), возмущенно зашипел.

— Сожги это немедленно! Это ересь! Дед всегда отличался специфическим чувством юмора, но это уже за гранью добра и зла!

Я хихикнула и отложила мантию в сторону. Мое внимание привлёк тяжелый медный чайник, стоявший на отдельной полке. Он выглядел солидно, но от него исходил такой холод, что иней покрывал даже соседнюю доску.

— «Вечно холодный чайник», — прочитала я название. — Тихон, а его можно спасти? Он же... ну, совсем ледяной.

Кот подошел ближе, осторожно потрогал носик лапой и тут же её отдернул.

— О-о, это тяжелый случай. Кривое плетение маны, милочка. Кто-то пытался зачаровать его на поддержание температуры для ледяного чая, но мана завязалась в так называемый «морозный узел». Он теперь не охлаждает, он высасывает тепло из всего живого. Артефакт испорчен, но потенциально ценен.

— И что делать? — я протянула к чайнику руку, но замерла в паре сантиметров.

— Используй свой дар, — голос Тихона стал серьезным. — Ты Кречет. Твоя магия — это не только зелья. Это связь с вещами. Коснись носика. Не бойся, он тебя не заморозит, если ты направишь тепло своей крови. Тебе нужно «развязать» эту петлю.

«ВНИМАНИЕ! Доступно новое действие: Ремонт магического узла.

Требуется навык: Оценка (разблокировка...).

Запуск процесса...»

Я закрыла глаза и коснулась холодного металла. В первую секунду пальцы обожгло холодом, но я не отстранилась. Я представила, как тепло от сердца течет по руке, превращаясь в мягкий золотистый свет.

Внезапно мир вокруг изменился. Я увидела внутренности чайника не глазами, а каким-то шестым чувством. Внутри носика пульсировал ярко-синий, колющий сгусток энергии. Он был запутан, как комок ниток, которые перетянули слишком туго.

«ПОЛУЧЕН НАВЫК: Оценка (ур. 1).

Вы видите структуру магических дефектов».

Я осторожно, словно боясь порвать тонкую нить, коснулась этого сгустка своим теплом. Синие нити начали подрагивать, смягчаться. Я «потянула» за один край, распутывая петлю. Холод начал отступать, сменяясь обычным ощущением металла.

Щелчок! Синий свет вспыхнул и погас.

«КВЕСТ ОБНОВЛЕН: Мастерство крафта.

Задание: Исправить испорченный артефакт (Выполнено!).

Награда: 50 очков опыта, +1 к Мастерству».

Чайник в моих руках стал обычной температуры. Более того, он начал издавать приятное, уютное мурлыканье, как будто благодарил за спасение.

— Ого... — я выдохнула, чувствуя легкое головокружение. — Я это сделала?

— Неплохо для дилетанта, — Тихон спрыгнул с табурета и подошел к чайнику. — Узел развязан чисто. Теперь его можно продать как «Чайник идеального климата».

Кот запрыгнул на прилавок и посмотрел мне прямо в глаза. В его взгляде больше не было ехидства — только холодная, рассудительная мудрость старого наставника.

— Запомни, Вика: каждый предмет в этой лавке — это не просто товар. Это урок. Каждая коробка, которую ты откроешь, либо сделает тебя богаче и мудрее, либо окончательно разорит. Здесь нет случайных вещей. Алексей Максимович ничего не оставлял просто так. Твой ремонт — это первый шаг. Но впереди у нас триста сорок два рубля долга и целая Управа, которая мечтает забрать у тебя этот чайник вместе с лавкой.

Я посмотрела на свои руки, в которых всё еще теплилось остаточное ощущение магии. Лавка вокруг меня больше не казалась чужой. Она дышала, скрипела половицами и ждала, когда я наконец-то наведу здесь настоящий порядок.

— Знаешь, Тиша, — я улыбнулась, ставя чайник на почетное место в центре прилавка. — Кажется, мы с этим чайником договоримся.

— Ну-ну, — проворчал кот, уже направляясь к задней двери, ведущей в подсобку. — Пойдем, там еще целая комната «уроков». И предупреждаю: если найдешь самонаводящиеся тапочки, не надевай их — они до сих пор пытаются уйти к своему первому хозяину в Томск.

Я только успела поставить реанимированный чайник на полку и полюбоваться тем, как солнечный зайчик отважно сражается с тенью в углу, когда входная дверь содрогнулась от удара. В следующую секунду она распахнулась с таким грохотом, будто ее решили взять штурмом, и на пороге возник инспектор Герасим.

Выглядел он так, словно его только что прожевал и выплюнул разгневанный архив: мундир застегнут не на те пуговицы, в бакенбардах застрял кусочек сургуча, а в глазах горел праведный огонь бюрократической инквизиции. Но триумфальное явление подпортила суровая реальность. Инспектор, привыкший продираться сквозь вековые завалы пыли и обломки мебели, со всей дури рванул вперед, не ожидая, что под ногами окажется идеально чистый, скользкий пол.

Его правая нога совершила изящный пируэт, левая попыталась изобразить ласточку, и Герасим, издав звук, подозрительно похожий на всхлип раненого тюленя, рухнул на пятую точку прямо у прилавка.

Перед глазами тут же выскочило уведомление:

«КРИТИЧЕСКИЙ УРОН ПО РЕПУТАЦИИ (ОППОНЕНТ)!

Инспектор Герасим получил статус: Когнитивный диссонанс.

Эффект: Он не понимает, почему здесь чисто, и это делает его опасным».

— Это что еще за фокусы?! — взревел Герасим, пытаясь подняться и при этом сохранить достоинство, что при разъезжающихся ногах было задачей почти невыполнимой. — Где пыль? Где паутина? Где, я вас спрашиваю, положенное по закону запустение объекта, находящегося под арестом за долги?

— Добрый день, господин инспектор, — я постаралась вложить в голос максимум невинности, хотя внутри всё так и подпрыгивало от смеха. — Мы просто немного прибрались. Совсем чуть-чуть.

— Прибрались?! — Герасим наконец встал, яростно отряхивая мундир. — Да тут стерильнее, чем в операционной магического госпиталя! Это использование запрещенных иллюзий! Подмена реальности высшего порядка! Вы пытаетесь скрыть плачевное состояние имущества от государственных органов путем введения в заблуждение органов зрения!

Тихон, до этого лениво вылизывавший лапу на прилавке, соизволил поднять голову.

— Послушайте, служивый, — пророкотал он своим самым бархатным и одновременно самым язвительным голосом. — Если вы так тоскуете по грязи, могу порекомендовать отлич-

ную канаву за углом. А здесь — родовое гнездо Кречетов. И если хозяйка решила, что дышать воздухом приятнее, чем архивной плесенью, то это ее законное право.

Герасим побагровел. Его взгляд метался от меня к коту и обратно к сияющему чайнику.

— Ах, вот как? — он выхватил из кармана тяжелую печать на длинной цепочке. — Самоуправство! Взлом опечатанного (в перспективе) помещения! До выяснения всех обстоятельств и полной проверки на наличие несанкционированных чар чистоты...

Он с размаху приложил печать к замочной скважине. Раздался неприятный щелчок, и дверь покрылась сетью тонких фиолетовых искр.

— Накладываю магическую пломбу! — торжественно объявил он. — Никто не войдет и не выйдет, пока в Управе не подтвердят законность вашего здесь нахождения. А теперь — за мной! Живо! У меня график, отчеты и несварение от вашего подозрительного энтузиазма.

На улице нас ждал транспорт. Если поместье Кречетов было «уходящей на пенсию руиной», то этот агрегат явно прогуливал собственные похороны. «Улитка-М» представляла собой ржавый металлический куб на шести дергающихся механических лапках. Из трубы на крыше валил густой черный дым, который пах так, будто кто-то решил сварить суп из старых чернил и мокрых газет.

— Грузитесь, — буркнул Герасим, открывая скрипучую дверцу.

Внутри кабины места было столько же, сколько в моем приютском шкафчике, а именно — нисколько. Я втиснулась на жесткое сиденье, Тихон прыгнул мне на колени, заняв собой всё оставшееся пространство, а Герасим уселся за рычаги, источая вокруг себя ауру глубочайшего недовольства жизнью.

«Улитка» вздрогнула, переставила лапки и с металлическим скрежетом тронулась с места. Каждую кочку я ощущала своим позвоночником, а запах чернил внутри кабины стал просто невыносимым.

— И вот это вот... — Герасим покосился на меня через плечо, пока мы тащились по Центральной дороге со скоростью очень ленивой черепахи. — Вот это невзрачное недоразумение в обносках — наследница рода Кречет? Выглядите вы, барышня, прямо скажем, на три копейки в базарный день. Где фамильная выправка? Где магический лоск? Вы больше похожи на помощницу кухарки, которая заблудилась по дороге за укропом.

Я почувствовала, как щеки обдало жаром. Обидно, вообще-то. Но прежде чем я успела придумать какой-нибудь едкий ответ, за меня вступилась тяжелая артиллерия.

— А вы, почтеннейший, — лениво заметил Тихон, даже не открывая глаз, — больше похожи на чернильницу, которой приделали ноги и самомнение. Виктория Анатольевна обладает тем, чего вам не купить даже на десять ваших годовых окладов — истинной кровью. А лоск приложится. В отличие от вашего ума, который, кажется, окончательно застрял между параграфами устава.

Герасим поперхнулся воздухом.

— Да как ты... как вы... Откуда у нищей девчонки такой дорогой фамилляр?! — он ткнул пальцем в сторону кота. — На какие шиши куплен? Почему не зарегистрирован? По закону Енисейска-Магического, владение существом такого класса облагается налогом на роскошь!

— Я не куплен, — Тихон приоткрыл один янтарный глаз, и в нем промелькнуло что-то такое древнее и хищное, что Герасим невольно вжался в спинку сиденья. — Я — Свободный дух. Хранитель. И я верен роду Кречетов по праву Обряда Признания, а не по квитанции из лавки. Так что приберегите свои налоговые бланки для тех, кто их боится.

Остаток пути прошел в гнетущем молчании, прерываемом только лязгом механизмов нашей железной каракатицы. Управа Магического Порядка возникла перед нами серой, неприступной громадой. Здание выглядело так, будто его построили из застывшей тоски и невыплаченных штрафов. Узкие окна, тяжелые каменные колонны и полное отсутствие какой-либо

растительности вокруг — даже сорняки, видимо, боялись, что их заставят заполнять декларацию на право роста.

Как только мы переступили порог, на меня обрушился холод. Но это был не тот приятный холодок моего Морозного Льна, а липкий, пронизывающий сквозняк, от которого волосы на затылке вставали дыбом. Коридоры Управы были бесконечными. И они не были пустыми.

Вдоль стен стояли очереди. Сотни призрачных фигур — полупрозрачных, серых, едва различимых в полумраке. Они стояли неподвижно, прижимая к груди такие же прозрачные свитки.

— Кто это? — шепотом спросила я, стараясь не задеть плечом одного из «посетителей».

— Очереди просителей прошлых веков, — буднично отозвался Герасим, прибавляя шаг. — Те, кто не дождался приема при жизни. Магическая бюрократия, знаете ли, штука серьезная. Если дело не закрыто, дух не может покинуть место прописки своего прошения.

Тихон, которому, кажется, вся эта обстановка безумно нравилась, вдруг спрыгнул с моих рук.

— О, гляди-ка! Пятидесятые годы девятнадцатого столетия! — он весело подскочил к одной из теней и ловко поддал лапой истлевший свиток, который дух держал в руках. Свиток пролетел сквозь призрачные пальцы и с беззвучным всплеском упал на пол.

Призрак медленно, со скрипом повернул голову, и в его пустых глазницах загорелся тусклый огонек возмущения.

— Прекратите! — Герасим зашипел так сильно, что сам стал похож на змею. — Ради всего святого, заберите своего кота! Если они сейчас начнут просыпаться и требовать свои старые льготы, мы тут застрянем на столетия! Порядок в Управе держится только на их молчании и вековом оцепенении!

— Да ладно тебе, Гераська, не кипятись, — Тихон с самым невинным видом поймал лапой край другого призрачного документа. — Смотри, какая прелесть: жалоба на неправильный разлив магического пива в трактире «У шуки». Это же историческая ценность!

— Умоляю! — инспектор уже почти бежал, хватая меня за локоть и буквально протаскивая мимо кусачих картотек, которые при нашем приближении начинали подозрительно щелкать ящичками, словно зубами. — Только не трогайте архивы!

Мы неслись по лабиринту переходов, пока не затормозили перед массивной дубовой дверью с табличкой «Канцелярия. Савелий Крючков».

— Быстрее, — выдохнул Герасим, толкая меня внутрь. — Савелий Николаевич не любит ждать. И упаси вас бог шутить про его сову.

В последний момент, когда дверь уже закрывалась за нами, Тихон, оставшийся в коридоре под присмотром дергающегося инспектора, ухитрился сделать нечто совершенно невообразимое. Он проскользнул мимо ног Герасима, прыгнул на стол к ближайшему призрачному чиновнику и с филигранной точностью столкнул его невидимое перо на пол.

По коридору пронесся ледяной, завывающий сквозняк. Где-то в глубине очередей раздался первый за сто лет стон:

— Моя... очередь... номер... сорок... восемь... тысяч...

Герасим издал тихий стон отчаяния и запер дверь с той стороны, оставляя нас один на один с тишиной канцелярии.

Внутри пахло старой бумагой, сургучом и очень, очень сладким чаем. За огромным столом, погребенным под горами документов, сидел маленький человечек в пенсне. Он сосредоточенно макал перо в чернильницу, а на его плече, надувшись как шар, сидела маленькая сова и сердито ухала, глядя прямо мне в душу.

— Виктория Анатольевна Кречет, я полагаю? — не поднимая глаз, произнес Савелий. — Вы опоздали на три минуты и двенадцать секунд. Моя Клякса крайне недовольна. Садитесь. Будем оформлять ваше... хм... сомнительное наследство.

— Присаживайтесь, Виктория Анатольевна, — Савелий Николаевич даже не поднял на меня взгляд. Его правая рука совершала гипнотические круговые движения: ложечка в чашке с чаем выписывала такие идеальные па, что любой балетмейстер обзавидовался бы. — В ногах правды нет, особенно если эти ноги принадлежат наследнице с таким внушительным списком неоплаченных счетов.

Я осторожно опустилась на край жесткого стула, который под моим весом издал звук, подозрительно похожий на старческий кашель. Кабинет Савелия напоминал бумажные джунгли: стопки папок возвышались до самого потолка, грозя в любую секунду обрушиться и похоронить нас под слоем указов и постановлений. В воздухе витал густой аромат чая, настолько сладкого, что у меня, кажется, начали слипаться зубы просто от запаха.

Сова Клякса, сидевшая на плече чиновника, выпятила грудь и посмотрела на меня с таким подозрением, будто я лично украла её годовой запас мышей.

— Итак, к делу, — Савелий наконец извлек ложечку из чашки и аккуратно положил её на блюдце (ни единой капли мимо!). Из недр ящика он достал узкую бархатную коробочку. Внутри покоилось нечто, напоминающее длинную иглу с навершием в виде гербовой печати. — Гвоздь Крови. Стандартная процедура идентификации для древних родов. Вы ведь понимаете, что одних слов в нашем городе маловато? Бумага терпит, а вот магия — нет.

— Нужно просто уколоться? — спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. Иглы я не любила с самого приюта, где медсестра тетя Зина ставила прививки с таким энтузиазмом, будто тренировалась на манекенах для метания ножей.

— Просто приложите палец к острию, — наставительно произнес Савелий. — Если в ваших жилах течет хотя бы капля магии Кречетов, артефакт это зафиксирует. Если же нет... ну, тогда Герасим отвезет вас обратно на вокзал.

Я вздохнула, зажмурилась и прижала большой палец к холодному металлу. Ощущение было коротким и резким — как будто укусил рассерженный шмель.

Секунду ничего не происходило, а потом Гвоздь Крови вспыхнул. Яркий, сочный алый свет залил всю канцелярию, заставив призраков за дверью испуганно охнуть. Магия пульсировала в такт моему сердцу, теплая и какая-то... узнаваемая.

Перед глазами тут же развернулся виртуальный фолиант Системы «Совершенство». Страницы зашелестели с неистовой скоростью, выкидывая облако золотистых искр.

«ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРОЙДЕНО!»

Статус обновлен: Потомственная купчиха (Ур. 1).

Доступ к родовому реестру: Частично разблокирован.

Репутация в Управе: +5 (теперь вас хотя бы не выгонят метлой)».

— Ну надо же, — Тихон, который до этого момента деликатно делал вид, что он просто очень крупный воротник, прыгнул с моих колен на пол. — «Потомственная купчиха». Звучит чертовски солидно, Вика. Жаль только, что в переводе с бюрократического на человеческий это означает «Банкрот с претензией на величие».

— Тиша, помолчи, — прошипела я, вытирая палец платком. — У нас хотя бы есть официальный статус.

— Статус на хлеб не намажешь, — кот вальяжно прошелся по ковру, принюхиваясь к запаху чая. — Хотя, если мы продадим это звание на аукционе, может, нам хватит на пару приличных пряников.

— Если ты не прекратишь ерничать, я переведу тебя на бюджетный рацион, — невозмутимо ответила я, глядя прямо в янтарные глаза кота. — Овсянка на воде — отличный выбор для фамильяра, который слишком много говорит об экономике.

Клякса на плече Савелия вдруг издала серию коротких звуков, подозрительно напоминающих хихиканье. Она сердито топнула лапкой по гербовому слитку на столе и одобительно ухнула в мою сторону.

— Сова права, — Савелий Николаевич позволил себе тень улыбки, которая моментально скрылась в складках его лица. — Здоровый прагматизм — это то, чего вашему роду не хватало последние лет двадцать. Итак, Виктория Анатольевна, раз кровь подтверждена, приступим к документам.

Он извлек из-под стопки бумаг увесистую папку, перевязанную синей лентой.

— На первый год вам полагается государственная субсидия как «возрождающемуся предприятию». Сумма небольшая, но она покроет базовые расходы на магическое освещение и защиту лавки. Считайте это подарком от города, который не хочет, чтобы центральная улица украшалась заколоченными окнами.

Савелий открыл массивную книгу в кожаном переплете — Резонансный реестр города. Его пальцы, испачканные в чернилах, быстро забегали по строчкам.

— Посмотрим... Ага. Вот интересная запись. Один из участков земли, прилегающих к вашему поместью, официально находится в долгосрочной аренде. Арендатор — некий Вадим Анваров. Платежи поступали исправно до прошлого месяца, но сейчас там какая-то путаница с документами.

— Анваров? — я нахмурилась. — Кто это?

— Местный предприниматель, — Савелий пожал плечами и быстро нацарапал адрес на клочке бумаги. — Занимается поставками строительного камня и, кажется, чем-то связан с магической логистикой. Его контора находится в трех кварталах от вашей лавки. Советую нанести ему визит, если хотите разобраться, почему ваша земля приносит доход кому-то другому.

Я спрятала адрес в карман, чувствуя, как внутри разгорается любопытство. Кажется, наследство Кречетов было куда более запутанным, чем просто гора пыли и ворчливый кот.

— Теперь о грустном, — Савелий поправил пенсне. — Общий долг поместья перед казной составляет триста сорок два рубля и пятнадцать копеек. Штрафы, пени, налог на простой...

— Я знаю, — вздохнула я. — Письмо Б-7 было очень убедительным.

— Управа готова пойти вам навстречу. Учитывая ваш новый статус, мы разрешаем выплату частями. Любой банк города примет ваш платеж. Главное — не задерживайте. У нас в архиве уже заждались вашего дела, чтобы либо закрыть его, либо... — он выразительно посмотрел на Кляксу. — Ну, вы понимаете.

— Я все выплачу, — твердо сказала я.

— Охотно верю. Что ж, формальности почти соблюдены. Вы можете начинать торговлю прямо сегодня. Что касается печати Герасима на двери вашей лавки... — Савелий сделал паузу. — Вам не нужен ключ. После подтверждения Гвоздем Крови достаточно просто коснуться пломбы рукой. Магия крови сильнее бюрократических замков, по крайней мере, в этом случае.

Я поднялась, собирая документы. Папка была тяжелой и приятно пахла свежими чернилами — запахом перемен.

— И еще одно, Виктория Анатольевна, — Савелий поднял палец. — Через неделю-другую ждите инспекцию. Чистота — это прекрасно, но нам нужно убедиться, что ваша лавка соответствует стандартам безопасности. Бытовая магия бывает капризной, когда её долго не используют.

— Будем ждать, — кивнула я, стараясь не думать о том, что «инспекция» обычно означает новые придирки Герасима.

Мы вышли из кабинета под аккомпанемент ворчания проснувшихся призраков. Герасим ждал нас в коридоре, нервно потирая руки. Увидев в моих руках папку с документами, он только разочарованно хмыкнул и отвел взгляд.

— Ну что, хозяйка? — Тихон трусил рядом, гордо задрав хвост. — Теперь мы официально в деле. Куда направим свои стопы? К этому Анварову? Или все-таки купим мне хотя бы один прыжок на пробу?

— В лавку, Тиша, — я решительно зашагала к выходу из Управы. — Нужно разобраться с тем, что у нас уже есть. А об Анварове я поговорю с Никифором вечером. Старик наверняка знает больше, чем написано в реестрах Савелия.

— Логично, — согласился кот. — Сначала инвентаризация, потом допрос свидетелей. Главное, чтобы по дороге к лавке ты снова не решила, что кратчайший путь лежит через набережную на другом конце города.

— Карта, Тиша! — я торжественно помахала перед его носом полупрозрачным свитком системы. — Теперь у меня есть карта. Так что твои шутки о моем топографическом таланте официально объявляются неактуальными.

— Посмотрим, — пробормотал кот, запрыгивая на подножку подоспевшей «Улитки-М». — Магические карты тоже иногда любят пошутить над теми, кто слишком в них верит.

Я забралась в кабину, прижимая документы к груди. Долг в триста сорок два рубля больше не казался мне смертным приговором. У меня была лавка, был статус и был язвительный кот, который, несмотря на всё свое ворчание, явно был доволен тем, что история Кречетов наконец-то сдвинулась с мертвой точки.

Если вы когда-нибудь мечтали прокатиться внутри гигантского механического будильника, который страдает хроническим несварением и при этом пытается изображать из себя такси, — не советую. «Улитка-М» тряслась так, будто каждый булыжник на мостовой был её личным врагом. Герасим сидел за рычагами с таким лицом, словно его только что заставили съесть весь архив Управы без соли и сахара. Я старалась не дышать — смесь запахов жженого масла, чернил и плохого настроения инспектора была поистине убойной.

Тихон на моих коленях изображал меховой воротник, но его хвост, мерно лупивший меня по предплечью, выдавал крайнюю степень раздражения.

— Енисейск-Магический, — проворчал он, когда мы в очередной раз подпрыгнули на выбоине. — Город контрастов. Либо ты летишь на шелковых облаках, либо трясешься в этой жестянке, чувствуя себя гуляшом в горшке.

Герасим ничего не ответил. Он только сильнее вцепился в рычаги. Когда мы наконец затормозили перед моей лавкой, он даже не повернул головы.

— Выходите, — буркнул он, дергая за ручку открытия двери. — И помните, Кречет: пломба стоит. Любая попытка несанкционированного... — он запнулся, глядя на то, как я лихо выпрыгиваю на тротуар. — Короче, Савелий сказал, что вы знаете, что делать. Но я за вами присматриваю!

Дверца захлопнулась, и «Улитка», выпустив облако едкого пара, устремилась прочь, держа своими механическими лапками. Я осталась стоять перед дверью, на которой всё еще сияла фиолетовая печать инспектора.

— Ну? — Тихон выжидающе посмотрел на меня. — Чего стоим, кого ждем? Савелий же ясно сказал: кровь — лучший пропуск. Давай, делай «тык».

Я глубоко вздохнула и приложила палец, на котором еще сохранился след от Гвоздя Крови, к фиолетовому воску. На мгновение печать вспыхнула холодным неоном, а потом... началось волшебство. Фиолетовый цвет начал вымываться, сменяясь теплым, расплавленным золотом. Воск не просто растаял — он рассыпался мельчайшей золотой пылью, которая на секунду зависла в воздухе, прежде чем исчезнуть. Замок издал сочный, уверенный щелчок. Дверь приоткрылась сама собой, приглашая внутрь.

— Вот это я понимаю — сервис, — хмыкнула я, переступая порог.

В лавке после «Ловца Пыли» было подозрительно тихо и чисто. Солнечные лучи пробивали сумрак, подсвечивая пустые полки. Тихон, не задерживаясь в торговом зале, уверенно направился к небольшой двери в глубине, за прилавком.

— Сюда, — скомандовал он. — Кабинет деда. Самое святое место, где совершались сделки, от которых у налоговой случался коллективный обморок.

Кабинет встретил меня запахом, который я теперь всегда буду ассоциировать с родом Кречетов: сургуч, старая кожа и сухие травы. Здесь не было пафоса Управы. Массивный дубовый стол, кресло с высокой спинкой и стеллажи, забитые какими-то блокнотами. Я положила папку с документами на стол, и он отозвался тихим скрипом, словно приветствовал новую хозяйку.

— Дед всегда говорил, что порядок в голове начинается с порядка в заначке, — Тихон запрыгнул на стол и выразительно постучал лапой по боковой панели. — Ищи здесь. Третий ящик, второе дно. У Алексея Максимовича была привычка оставлять «подъемные» для тех, кто не боится испачкать руки.

Я нащупала крошечный выступ, нажала — и с тихим щелчком выскочил потайной лоток. В нем лежал пухлый конверт и старая, пожелтевшая фотография.

Первым делом я вытряхнула содержимое конверта. На стол посыпались монеты и несколько хрустящих ассигнаций. Я быстро пересчитала: тридцать семь золотых рублей. Для кого-то — мелочь, для меня — целое состояние.

А потом я взяла в руки фото. На нем была изображена молодая женщина с копной таких же темных волос, как у меня. Она сидела на качелях на фоне нашего поместья, а на руках у неё кутался в одеяло младенец. Она улыбалась так открыто и дерзко, что у меня перехватило дыхание.

— Это она? — тихо спросила я.

Тихон подошел ближе, заглядывая в снимок. Его хвост на мгновение замер.

— Твоя мать, — сухо уронил он, но в голосе проскользнула неожиданная мягкость. — Елена. Была на редкость упрямой особой. Если ей говорили, что заклинание невозможно, она шла и делала его трижды, просто чтобы доказать, что все вокруг — идиоты. Ты в неё пошла. Такая же... дезориентированная, но упертая.

Перед глазами всплыла страница Книги:

«РОДОВАЯ СВЯЗЬ: +3 (Уровень 4). Вы нашли частицу прошлого. Дом начинает вспоминать ваше имя.

ЧУТКОСТЬ: +1. Вы чувствуете эхо чужих эмоций через предметы».

Я осторожно убрала фото обратно в потайной ящик. Сейчас было не время для слез. Сейчас было время действовать.

— Итак, тридцать семь рублей, — я похлопала по конверту. — Этого хватит, чтобы...

— Чтобы ты перестала выглядеть как сирота казанская, — перебил меня Тихон, бесцеремонно оглядывая моё застиранное платье. — Вика, ты теперь Хозяйка Лавки Кречетов. Статус — это не только печать в Управе, это то, как тыходишь в дверь. В этих обносках тебя даже молочник всерьез не воспримет. Нам нужен апгрейд. Срочно.

Я посмотрела на свои руки, на подол платья, который уже давно просился на свалку истории.

— Ладно, — вздохнула я. — Ты прав. Что предлагаешь?

— Рынок, — кот спрыгнул на пол. — Там сейчас самый разгар. Тринадцать рублей — на платье. Хорошее, добротное, чтобы не стыдно было перед покупателями. И... — он сделал паузу, облизнувшись. — И ровно два рубля в качестве комиссии моему «Ворчешеству». На пряники. Высшей пробы, с медом и орехами. Это справедливая плата за консультации по имиджу.

— Пятнадцать рублей за раз? — я притворно возмутилась. — Ты грабитель, Тиша!

— Я — инвестиция в твое будущее! — парировал он. — Идем, пока лучшие ткани не раскупили эти выскочки из булочной.

Енисейский рынок встретил нас какофонией звуков. Здесь пахло всем и сразу: копченой рыбой, свежескошенной магической травой, новыми сапогами и чем-то неуловимо сладким. Мой «навигатор» в этот раз работал исправно, ведя нас напрямик к рядам с одеждой.

Мы выбрали темно-синее платье из плотной ткани. Оно было простым, но сидело идеально, подчеркивая фигуру и не мешая движениям. Когда я вышла из-за занавески в лавке швеи, Тихон даже перестал жевать свой хвост и одобрително кивнул.

— Вот. Теперь ты похожа на человека, у которого есть план, а не только долги.

Пряники были куплены в следующей же лавке. Тихон нес свой трофей в специальном бумажном кулке, придерживая его зубами с таким видом, будто это была как минимум корона империи.

Система тут же отозвалась:

«ФИНАНСЫ: Остаток 22 золотых рубля.

СТАТУС ВНЕШНОСТИ: Благопристойная горожанка. Бонус к Обаянию +1».

Мы уже возвращались к лавке, когда я заметила затор на дороге.

Глава 4

Я только-только начала привыкать к мысли, что выгляжу как приличная девушка, а не как жертва кораблекрушения, выброшенная на берег бюрократии. Новое темно-синее платье приятно шуршало, подчеркивая, что у меня теперь есть не только долги, но и осанка. Однако радость была недолгой. Впереди, перегораживая узкую улицу, как огромный неуклюжий кит, застряла телега молочника.

— О, великий дух кошачьего наполнителя, — простонал Тихон, балансируя на моем плече и прижимая к себе кулек с пряниками. — Только не говори мне, что ты собираешься играть в доброго самаритянина. Учти, если ты посадишь пятно на этот подол, я лично напишу на тебя жалобу в Общество защиты красивых вещей. Ты в этом платье выглядишь как наследница, а не как подсобный рабочий на стройке магического коммунизма. Пошли в обход!

— В обход — это еще три лишних поворота, Тиша, — напомнила я, чувствуя, как мой внутренний компас заранее впадает в панику. — С моими талантами мы к вечеру выйдем к Енисею, причем где-нибудь под Красноярском.

Я решительно направилась к телеге. Молочник, крупный мужик с лицом цвета переспелого помидора, в десятый раз замахивался кнутом на медного коня. Тот только жалобно лязгал суставами и выпускал из-под копыт облачка вонючего сизого пара. Бутылки в ящиках дребезжали, и я почти физически чувствовала, как молоко внутри них начинает превращаться в первосортную простоквашу от стресса.

— Давай, ржавая ты лохань! — орал молочник. — У меня в «Целебном паре» сливки ждут, они там за пять минут опоздания из меня самого сыворотку выжмут!

— Извините, — я попыталась вклиниться в поток его красноречия. — Кажется, у вас проблема не с тягой, а с правым задним колесом.

Мужик замер, тяжело дыша, и оглядел меня с ног до головы. Его взгляд на секунду задержался на моем новом платье, потом на Тихоне, который в этот момент с крайне брезгливым видом вытирал лапу о мой воротник.

— Барышня, вы бы шли мимо, — буркнул он, вытирая пот со лба грязным рукавом. — Тут магия привода заклинила. Это вам не кружева плести. Тут мастер нужен, а единственный в этом квартале механик вчера так отметил именины, что до сих пор с собственной тенью спорит.

— Я просто посмотрю, — не отступала я.

— Слышишь, — подал голос Тихон, обращаясь к молочнику. — Она если сказала «посмотрю», значит, через пять минут ты либо поедешь, либо мы все дружно взлетим на воздух. Лично я ставлю на второй вариант, так что подвинься, я хочу успеть доесть хотя бы один пряник до взрыва.

Молочник только махнул рукой — мол, развлекайтесь. Я присела у оси, стараясь не задеть пыльный булыжник краем юбки.

— Вика, ты сумасшедшая, — пробормотал кот, спрыгивая на землю и усаживаясь в отдалении, чтобы не запачкать хвост. — Это же мана-привод «Заря-4». У них при поломке отдача такая, что прическа превратится в одуванчик до конца жизни.

Я его не слушала. Перед глазами уже начала пульсировать моя новая способность. Чуткость развернула передо мной мир в совершенно ином свете. Телега больше не была просто куском дерева и металла. Внутри оси я видела ярко-синее свечение — магическую артерию, которая должна была плавно вращать колесо. Но в одном месте нити маны спутались в тугой, колющий узел. Он вибрировал и искрил, буквально вгрызаясь в металл.

«ВНИМАНИЕ! Обнаружен дефект: Гневный узел (тип: механический).

Описание: Мана заиклилась из-за перегрузки.

Сложность: Средняя.

Шанс успеха: 65% (зависит от вашей выдержки)».

Я протянула руку. Узел отозвался агрессивным холодом. Пальцы покалывало, словно я коснулась оголенного провода.

— Давай, маленькая пакость, — прошептала я, закрывая глаза. — Нам всем нужно домой, а тебе — на волю.

Я представила, как тепло моей крови, та самая магия Кречетов, которая сегодня утром заставила мурлыкать чайник, медленно перетекает из ладони в ось. Это было похоже на попытку распутать мокрую шерстяную нитку на морозе. Синий узел сопротивлялся, он жалил мои пальцы ледяными иглами, пытаясь оттолкнуть чужое вмешательство.

— Вика, у тебя лицо такое, будто ты лимон целиком зажевала, — донесся издали голос Тихона. — Если сейчас рванет, я скажу всем, что мы не знакомы.

Я стиснула зубы. Тепло внутри меня стало плотнее. Я нащупала «хвостик» узла — ту самую нить, которая перетянула остальные. Осторожно, миллиметр за миллиметром, я начала тянуть её на себя, вливая в зазор между витками свою магию.

Вдруг холод исчез. На смену ему пришло мягкое, ровное гудение. Синий свет в моих глазах вспыхнул ослепительно ярко и тут же стал ровным, лазурным.

Щелчок!

Автоматоны-кони внезапно вскинули головы, из их ноздрей вырвались аккуратные струйки пара. Телега качнулась и чуть-чуть подалась вперед, словно вздохнула с облегчением.

«КВЕСТ ВЫПОЛНЕН: Скорая магическая помощь.

Награда: +80 очков опыта, +1 к Мастерству.

Репутация среди рабочих квартала: +10 (вы теперь не просто «городская фифа»)».

Я поднялась, отряхивая руки. Пальцы все еще дрожали, но внутри разливалось приятное чувство победы.

— Поехала... — молочник ошарашенно смотрел на свою телегу. Он подбежал к колесу, потрогал ось, которая теперь едва заметно светилась теплым светом. — Да как же так? Я её полчаса кнутом и добрым словом... Барышня, вы кто? Из Гильдии Механиков? Но на вас же нет значка!

Я выпрямилась, чувствуя, как Тихон с гордым видом запрыгивает обратно мне на плечо, словно это он только что распутал магический узел, а не просто жевал пряник.

— Я Виктория Кречет, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо. — Хозяйка лавки Кречетов на Центральной дороге.

Мужик снял кепку и замер.

— Кречет? — он вытер лицо ладонью. — Так значит, слухи не врал? Лавка-то открывается? Батюшки... Да ваш дед, Алексей Максимович, мне когда-то этот самый привод и ставил. Двадцать лет сносил не было, пока я вчера в яму не влетел.

Он схватил меня за руку и начал трясти её с такой силой, что я едва не выронила свою сумочку.

— Спасибо вам, Виктория Анатольевна! Если бы не вы, я бы сегодня без головы остался. Сливки бы прокисли, заказчик бы засудил... — он вдруг спохватился, залез в телегу и выудил оттуда большую стеклянную бутылку, запечатанную воском. — Вот! Свежайшее. Утреннее. И знайте: пока я жив, каждое утро у ваших ворот будет стоять такая бутылка. Бесплатно! В знак почтения к роду Кречетов и вашим... золотым рукам.

Тихон, который до этого момента выглядел так, будто делает мне одолжение своим присутствием, мгновенно оживился. Он принялся к бутылке, и его янтарные глаза расширились.

— Хм, — кот со знанием дела постучал когтем по стеклу. — Запах... приличный. Пожалуй, это была твоя первая разумная инвестиция, Вика. Сливки в этой губернии — валюта крепче золотых рублей.

Молочник уже собирался запрыгнуть на козлы, но вдруг замер и оглянулся по сторонам, словно проверяя, не подслушивает ли нас кто. Его лицо приобрело заговорщицкое выражение.

— Виктория Анатольевна, вы девушка смелая, раз решили лавку восстанавливать, — начал он вполголоса. — Но позвольте совет. Вы по сторонам-то смотрите.

— О чем вы? — я нахмурилась.

— О соседях ваших, — он кивнул в сторону жилых домов. — Там, через два дома от вашего поместья, живет Ольга Чекушкина. Знаете такую? Нет? Счастливая вы... Тучная такая баба, нос как у коршуна, а уши — чистые радары. Она у окна дежурит круглосуточно. Говорят, она даже видит, как у соседей в подполе мыши замуж выходят.

— И чем она опасна? Сплетнями? — я невольно улыбнулась.

— О-о, вы не недооценивайте Чекушкину, — молочник покачал головой. — Она не просто сплетничает. Она магию слова чувствует, хоть сама и без дара. Стоит ей про вас гадость сказать — и всё, полгорода верит. Она из вашего чиха может эпидемию черной оспы раздуть, а если вы с кем на улице заговорите — ждите новостей о тайном венчании в полночь.

Тихон на моем плече фыркнул.

— Радар, значит? — пробормотал он. — Ничего, у меня на таких «радаров» есть старый кошачий метод. Главное — чтобы она не увидела, как я пряники ем, а то решит, что я превращенный принц в изгнании.

— Вы будьте осторожнее, — продолжал молочник. — Она уже вовсю точит язык на новость о новой наследнице. Мол, приехала из приюта, манер нет, лавку загубит, долги не отдаст... Сами понимаете, в нашем городе репутация — это как магический щит. Пробьют один раз сплетней — и всё поместье ко дну пойдет.

Я посмотрела на бутылку молока в своих руках. Белая, чистая жидкость казалась сейчас чем-то очень хрупким.

— Спасибо за предупреждение, — искренне сказала я. — Я постараюсь не давать ей поводов.

— Поводы ей не нужны, — горько усмехнулся мужик. — Она их сама выращивает, как грибы после дождя. Ну, бывайте, хозяйка! До завтра!

Телега тронулась, весело позвякивая бутылками. Я стояла посреди улицы и смотрела ей вслед, чувствуя, как тяжелеет папка с документами в моей сумке.

— Слышала? — Тихон зевнул, прикрывая рот лапой. — Нас уже занесли в списки «главных развлечений сезона». Чекушкина... Какая поэтичная фамилия для женщины, которая наверняка пахнет нафталином и несбывшимися надеждами.

— Пошли домой, Тиша, — вздохнула я. — Кажется, в Енисейске сплетни действительно опаснее родовых проклятий.

— Разумеется, — кот снова устроился поудобнее. — Проклятие можно снять зельем или ритуалом. А вот убедить толпу, что ты не верблюд, когда Чекушкина уже нашла у тебя горб — это задача посложнее, чем ремонт всех телег в губернии. Кстати, ты заметила, что мы опять стоим не на той улице? По-моему, наша лавка была в другой стороне.

Я огляделась. Действительно, вывеска «Магические редкости Кречетов» почему-то оказалась за моей спиной, хотя я была уверена, что мы шли прямо к ней.

— Это магия пространства! — буркнула я, разворачиваясь.

— Нет, дорогая моя, — язвительно заметил Тихон. — Это твой топографический креатинизм в терминальной стадии. Но не переживай, у нас есть молоко. С ним заблудиться в трех соснах гораздо приятнее.

— Итак, план на остаток дня: прийти домой, не заблудиться в собственных тапочках и уговорить Никифора, что молоко — это не просто еда, а символ моего первого дипломатического триумфа, — я бодро перехватила тяжелую стеклянную бутылку.

— Твой «триумф» сейчас выльется тебе на туфли, если ты не перестанешь размахивать руками, — проворчал Тихон, поудобнее устраиваясь у меня на плече. — И вообще, не обольщайся. Ты просто починила колесо. Для полноценного триумфа тебе не хватает как минимум фанфар, ковровой дорожки и отсутствия этой... физиономии впереди.

Я проследила за его взглядом и невольно замедлила шаг. Мы почти дошли до кованых ворот нашего поместья, но путь нам преграждала фигура, которую сложно было не заметить, даже если бы я очень старалась.

Ольга Чекушкина. Та самая «женщина-радар», о которой предупреждал молочник. Она стояла прямо посреди тротуара, скрестив руки на груди, и выглядела так, будто лично выписывала ордер на арест всей этой улицы. На ней был какой-то невероятно колючий на вид кардиган цвета увядшей капусты, а её нос, казалось, пытался дотянуться до моих секретов еще до того, как я открыла рот. Пахло от неё именно так, как и предсказывал Тихон: пыльными антресолями и кислым недовольством жизнью.

— Так-так-так... — начала она вместо приветствия. Голос у неё был такой, будто кто-то водит ржавым гвоздем по чистому стеклу. — И куда это мы шествуем в столь вызывающем виде?

Я остановилась, расправила плечи и постаралась вспомнить, что на мне теперь платье за тринадцать золотых, а не приютская дерюга.

— Домой, — ответила я максимально вежливо, хотя внутри уже начал закипать маленький котел негодования. — Добрый день, если вы это хотели спросить.

— Домой? — Ольга язвительно хохотнула, и этот звук напомнил мне лай старой моськи. — Ты посмотри на неё! «Домой»! Девочка, этот дом принадлежал Кречетам, когда твоего приюта еще в чертежах не было. А теперь туда вваливается какая-то... маргиналка, оборванка с рынка, и заявляет права на благородную недвижимость!

Она сделала шаг вперед, сокращая дистанцию. Её глаза за стеклами очков в толстой оправе блеснули недобрым торжеством.

— Я видела, как ты из той жестянки Управы вывалилась. Видела, как пломбу ковыряла. Ты думаешь, если Савелий Крючков старый дурак и подмахнул тебе бумажку, то соседи будут терпеть в нашем квартале подобную личность? Мы тут люди приличные, у нас магия наследственная, а не по выслуге лет в детдоме выданная!

— Простите, — я почувствовала, как пальцы крепче сжали горлышко бутылки, — но мои документы в полном порядке. И дом этот — мой по праву крови. Если у вас есть претензии к Управе, можете направить их почтовой совой. Только боюсь, они её съедят от скуки.

Тихон на моем плече издал тихий звук, похожий на скрежет заточиваемого ножа.

— Ой, посмотрите, она еще и хамит! — Ольга взвизгнула так, что пара воробьев на заборе испуганно брызнула в стороны. — В новом платье, гляньте-ка! На какие такие шиши купила, а? Вчера в обносах приехала, а сегодня — барыня? Украла? Или, может, магия твоя — не зельварческая, а воровская? Управа разберется, откуда у сиротки золото на шелка! И молоко украла?

В этот момент перед глазами привычно зашелестели страницы Книги «Совершенство». **«ВНИМАНИЕ! Социальная стычка: Атака Сплетницы.**

Цель: Сохранить достоинство и не дать репутации упасть в канаву.

Ваш статус «Благопристойная горожанка» активирован. Бонус к Обаянию +1 дает вам шанс на критическую вежливость».

Я глубоко вдохнула. Самым большим моим желанием было сейчас вылить это молоко ей на голову, но я понимала: это именно то, чего она ждет.

— Знаете, Ольга... как вас там? Ах да, Чекушкина, — я позволила себе легкую, почти сочувственную улыбку. — Я очень ценю вашу бдительность. Приятно знать, что за моим домом присматривает такой... опытный глаз. А по поводу молока и платья — не беспокойтесь. Это

не воровство, это благодарность за квалифицированную помощь. Видите ли, магия Кречетов — она не в бумагах, она в руках.

Я демонстративно подняла бутылку, и солнечный свет красиво преломился в свежих сливках.

— Подвиньтесь, пожалуйста. У меня молоко стынет, а у моего фамильяра — терпение.

— Фамильяра? — Ольга посмотрела на Тихона с таким презрением, будто он был плесенью на её обоях. — Эту облезлую мочалку ты называешь фамильяром? Да он же просто жирный уличный кот! Истинные фамильяры — это гордость, это статус! А это... это недоразумение хвостатое...

Мир вокруг вдруг как-то странно затих. Птицы перестали чирикать, а воздух стал густым и холодным, как в склепе, который давно не проветривали.

Тихон медленно, очень медленно перетек с моего плеча на землю. Я еще никогда не видела его таким. Он не просто спрыгнул — он словно соскользнул темной каплей мазута. В ту секунду, когда его лапы коснулись булыжников мостовой, от них во все стороны поползли тени. Это не были обычные тени от солнца — они были живыми, иссиня-черными и вибрировали, как натянутая струна.

— Облезлая... мочалка? — голос Тихона изменился. Это больше не был ворчливый бас моего соседа по кухне. Это был рокот самой земли, глубокий, вибрирующий звук, от которого у меня самой мурашки пробежали по спине до пяток.

Кот начал расти. Или мне так показалось? Его шерсть вздыбилась, но теперь она выглядела не как мех, а как сгустки застывшего мрака. Янтарные глаза вспыхнули таким яростным, первобытным огнем, что Ольга Чекушкина мгновенно захлебнулась собственной репликой.

— Слушай меня, женщина, чья душа пахнет прокисшим рассолом, — Тихон сделал шаг вперед, и под его лапой треснул камень. — Я видел, как строился этот город. Я помню, как твои предки еще лапти плели, пока Кречеты ковали историю этой губернии. И если ты еще раз откроешь свой рот, чтобы оскорбить кровь моих хозяев или — упаси тебя духи — мой хвост...

Черные тени рванулись вперед и обвилились вокруг лодыжек Ольги. Они не причиняли боли, но от них веяло таким могильным холодом, что соседка издала короткий, сдавленный писк.

— ...Я сделаю так, что твои сплетни будут слышны только в аду, — закончил Тихон.

Он издал негромкий, но такой мощный рык, что забор поместья, мимо которого мы проходили, отозвался низким гулом. Окна в ближайшем доме жалобно дребезгнули.

Чекушкина побледнела так, что её лицо слилось по цвету с кардиганом. Она попыталась что-то сказать, но только беспомощно открыла и закрыла рот, как выброшенная на берег рыба. Её ноги подкосились, она споткнулась о собственный ботинок и в ужасе вжалась спиной в деревянные доски забора, едва не опрокинув мусорный бак.

Я посмотрела на это зрелище с легким налетом иронии. Странно, но я не чувствовала страха — только какое-то мрачное удовлетворение.

— Спасибо за увлекательную беседу, Ольга, — сказала я, поправляя сумку. — Надеюсь, в следующий раз мы обсудим что-нибудь более приятное. Например, погоду. Или тишину. Тишина вам сейчас очень пойдет.

Я сделала знак Тихону. Кот мгновенно «схлопнулся» обратно в свое обычное состояние. Тени втянулись в его шерсть, глаза потухли, и вот передо мной снова сидел вальяжный, чуть полноватый черный кот, который с самым невинным видом принялся вылизывать грудку.

— Идем, Вика, — бросил он через плечо, направляясь к калитке. — Здесь слишком много углекислого газа. От глупости всегда повышается концентрация вредных веществ в атмосфере.

Мы вошли в калитку, и я услышала, как за нашей спиной Ольга издала первый полноценный звук — что-то среднее между икотой и рыданием, после чего послышался топот её поспешно удаляющихся шагов.

«ДЗЫНЬ! — Система Совершенство взорвалась фейерверком золотых искр перед моими глазами. — ДОСТИЖЕНИЕ ПОЛУЧЕНО: Гроза сплетниц (Ур. 1).

Условие: Эффективно подавить авторитет местного информатора без применения физического насилия.

Награда: +5 к Репутации в квартале (Вас теперь не только обсуждают, но и побаиваются).

Бонус: «Тихий район» — в ближайшие три дня никто не посмеет подойти к вам с непрошеными советами».

— Неплохо, — я закрыла за собой ворота на тяжелый засов. — Слушай, Тихон, а ты всегда так можешь? С теньями и этим... голосом из преисподней?

Кот обернулся, его хвост самодовольно дернулся.

— Могу и круче. Но на такую аудиторию жалко тратить ману. Это был так, легкий перформанс для разогрева. Страх, дорогая моя — лучший способ научить людей вежливости, когда у них не хватает воспитания.

Он подошел к крыльцу и выразительно посмотрел на дверь.

— А теперь давай заходить. У меня в планах — пряники, молоко и обсуждение того, почему у нашего забора всё еще не стоят почетные караулы из поставщиков деликатесов.

Я улыбнулась, глядя на фасад нашего дома. Он всё еще выглядел обветшалым, сад за моей спиной всё еще пытался сожрать дорожки, а долг в Управе никуда не делся. Но когда я поднималась по ступенькам, чувствуя вес бутылки с молоком и слыша ворчание своего фамильяра, я знала одно: сегодня Енисейск-Магический официально признал, что у поместья Кречетов снова есть зубы. И, кажется, они очень острые.

Тяжелая дубовая дверь захлопнулась за моей спиной, отсекая пыльный зной улицы. В холле поместья было прохладно и пахло... домом. Не тем казенным запахом хлорки и несвежих щей, к которому я привыкла в приюте, а чем-то сложным: старым деревом, пчелиным воском и чем-то неуловимо магическим, будто сами стены тихонько вздыхали после долгого сна.

— Ну и физиономия у неё была! — Тихон с победным видом спрыгнул на пол и тут же принялся деловито вылизывать лапу, словно это не он только что изображал из себя порождение бездны. — Вика, клянусь своими усами, за один этот кадр я готов простить тебе даже отсутствие пряников в ближайшие полчаса. Хотя нет, не готов. Мой моральный ущерб от общения с этой мегерой оценивается как минимум в две штуки с изюмом.

— Тиша, ты просто невыносим, — я усмехнулась, чувствуя, как напряжение в плечах наконец-то отпускает. — Но признаю: твой выход с теньями был эффектным. Кажется, мы только что обеспечили себе неделю тишины.

Из глубины коридора донеслись размеренные шаги. Никифор появился как всегда вовремя, будто материализовался из теней, которые мой фамильяр так активно разбрасывал. В руках старик держал поднос, на котором красовался пузатый фарфоровый чайник и тарелка с нарезанным хлебом, от которого шел такой аромат, что у меня в животе заурчало на всю прихожую.

— С возвращением, Виктория Анатольевна, — Никифор отвесил легкий, идеально выверенный поклон. — Вижу, прогулка в Управу прошла... продуктивно. Иван-чай уже настоялся, а на кухне доходит запеканка. Прошу к столу, пока духи дома не решили, что вы собираетесь питаться одной лишь пылью.

Мы переместились в столовую. Несмотря на общую запущенность поместья, здесь царил идеальный порядок. Никифор усадил меня во главе стола, и я с наслаждением сделала первый глоток чая. Терпкий, медовый вкус разлился по телу теплом, и перед глазами тут же всплыло уведомление Системы:

«ЭФФЕКТ: Родовое чаепитие. Восстановление Энергии Уюта: +5. Бонус к внимательности: +2 на 1 час».

— Никифор, посмотри, — я выложила на скатерть пухлую папку из Управы и ту самую записку, которую дал мне Савелий Крючков. — Савелий подтвердил мой статус. И еще он упомянул некоего Вадима Анварова. Говорит, он арендует нашу землю и у него какие-то проблемы с документами.

Старик аккуратно поставил чашку на блюдце и поправил пенсне, изучая записи. Его лицо, обычно бесстрастное, на мгновение осветилось узнаванием.

— Ах, Вадим... — Никифор задумчиво прикусил губу. — Порядочный человек, каких сейчас мало. Видите ли, Виктория Анатольевна, ваш дедушка, Алексей Максимович, был не только великим зельеваром, но и мудрым стратегом. С Вадимом у них был договор, скрепленный еще старым купеческим словом. Анваров выращивает на наших дальних делянках редчайшие магические травы — те, что любят ту почву, но требуют особого ухода. В счет аренды он поставлял деду лучшие сборы. Именно благодаря этому сырью лавка Кречетов гремела на всю губернию. У нас были такие ингредиенты, за которыми из самого Красноярска приезжали.

— Значит, он — ключ к нашему ассортименту? — я подалась вперед.

— Именно так, — кивнул Никифор. — Вадим чтит традиции. Думаю, если вы нанесете ему визит и подтвердите свое право хозяйки, он станет для нас незаменимым союзником. Без его трав мы будем торговать лишь сушеной ромашкой и надеждами на лучшее.

— Завтра же наведаемся, — вставил Тихон, который уже успел переместиться поближе к моей тарелке и теперь с тоской гипнотизировал кусок хлеба. — А заодно спросим, почему это он задерживает поставки. Магические травы сами себя не продадут, а мои пряники сами себя не купят. Вика, ты слышала? У нас долги, а мы сидим и пьем чай! Где деловая хватка? Где огонь в глазах?

— Огонь в глазах появится, когда я решу, на что потратить наши последние копейки, — я вздохнула и выложила на стол конверт из тайника деда. — В остатке — двадцать два золотых рубля. И нам позарез нужна вывеска для лавки. Та, что там висит сейчас, больше напоминает надгробие забытым мечтам.

Никифор понимающе кивнул и налил мне еще чая.

— Двадцать два рубля... Что ж, сумма скромная, но для начала достаточная. Насчет вывески у меня есть одна кандидатура. В ремесленном квартале живет Виталя. Плотник от бога, из тех редких мастеров, кто «слышит дерево». Он может заставить обычную сосну петь, а дуб — светиться изнутри без всяких артефактов. Работает он быстрее любого механического станка.

— Звучит слишком идеально, — я прищурилась. — В чем подвох?

— Увы, — Никифор печально вздохнул, — Виталя страдает от тяги к «Горькой забывчивости». Этот магический напиток туманит его разум чаще, чем того хотелось бы. Но если поймать его в период трезвости и правильно мотивировать... Думаю, за пятнадцать золотых он создаст нам такой фасад, что мимо не пройдет даже слепой.

— Пятнадцать рублей за доску с буквами?! — Тихон возмущенно подпрыгнул, едва не опрокинув сахарницу. — Вика, не слушай его! Этот старик расточитель! Зачем нам Виталя-пьяница, когда у тебя есть я? Я — магический фамилляр высшего порядка! Я могу сплести нам вывеску из чистых теней. Она будет переливаться, подмигивать прохожим и шептать им на ухо: "Зайдите, здесь лучшие скидки". И всё это — совершенно бесплатно! Ну, разве что за пару лишних пряников в неделю.

Никифор медленно повернул голову к коту. Его взгляд был таким сухим, что, казалось, в комнате понизилась влажность.

— Теневая вывеска, господин Тихон? — вкрадчиво уточнил старик. — Та, что будет выглядеть как проклятый портал в нижние миры? Вы хотите, чтобы приличные покупатели,

завидев наш магазин, переходили на другую сторону улицы и крестились? Пятнадцать рублей — это цена за репутацию. А ваш «дизайн» распугает даже крыс в подвале.

— Ну, может, немного теней и добавят мистики... — пробурчал Тихон, заметно сдувшись под взглядом Никифора. — Зато экономно.

— Нет, Тиша, тут я согласна с Никифором, — я решительно отодвинула от себя пустую чашку. — Мы восстанавливаем имя Кречетов, а не открываем лавку ужасов. Никифор, вот пятнадцать рублей. Найди этого Виталию, приведи его в чувство, если надо — запри в мастерской, но вывеска должна быть готова как можно скорее. Оставшиеся семь рублей побережем на экстренный случай. Или на семена.

— Слушаюсь, Виктория Анатольевна. Завтра же с утра займусь этим вопросом, — старик аккуратно забрал монеты. — А теперь, если позволите, расскажите, как прошла ваша встреча с городом. Мне показалось, или от ворот доносились... не вполне приличные звуки?

Я не выдержала и рассмеялась, вспоминая перекошенное лицо Ольги.

— О, это была славная битва! Сначала я починила телегу молочнику — там мана завязалась в такой узел, что бедный агрегат чуть не взорвался. За это нам обещали свежее молоко каждое утро. А потом появилась Чекушкина. Начала кричать, что я обворовала приют, что платье на мне краденое...

— А потом я напомнил ей, что молчание — золото, — перебил меня Тихон, снова принимая важный вид. — Знаешь, Никифор, у неё так забавно тряслись коленки, когда тени начали щекотать её лодыжки. Думаю, теперь она трижды подумает, прежде чем открывать свой рот в нашу сторону.

Никифор слушал мой рассказ, и на его губах играла едва заметная, но очень теплая улыбка. Он смотрел на меня, и в его глазах я видела что-то, чего не было вчера — искру надежды.

— Молочник — это хорошо. Дружба с поставщиками начинается с малых дел, — заключил он. — А что касается Ольги... Дом наконец-то ожил. Слышите?

Я притихла. И действительно, где-то в глубине стен послышалось уютное, сытое потрескивание, хотя камин мы не разжигали. Половицы больше не скрипели жалобно, а казалось, довольно ворчали.

«ВАШЕ ДОСТИЖЕНИЕ: Признанная Хозяйка (прогресс 15%).

Дом начинает подстраиваться под ваш ритм. Энергия Уюта теперь накапливается на 10% быстрее».

— Похоже, мы на верном пути, — прошептала я, поглаживая Тихона по загривку. Кот замурчал — громко, как трактор, и в этот момент я окончательно поняла: я дома. И пусть впереди долги, проверки Управы и пьющие плотники, мы со всем справимся. Потому что Кречеты не сдаются. Тем более, когда у них есть план, двадцать два рубля и очень вредный кот.

— Никифор, если бы за запеканки давали ордена, вы бы уже ходили в золоте с головы до ног, — выдохнула я, отодвигая пустую тарелку. — Честное слово, в приюте предел мечтаний — это когда каша не пригорела, а тут... Это же просто какое-то гастрономическое колдовство.

Старик, собиравший посуду, замер и отвесил мне такой церемонный поклон, что я невольно выпрямила спину. В его глазах, обычно подернутых дымкой старческой усталости, сейчас плясали вполне живые искорки.

— Благодарю за доброе слово, Виктория Анатольевна, — тихо произнес он, и в его голосе проскользнула странная, почти торжественная нотка. — Но должен вам сказать: сегодня не только запеканка удалась. Сам дом... он дышит легче. Вы почувствовали?

Я прислушалась. Действительно, тот давящий гул запустения, который встретил меня на пороге в первый день, исчез. Теперь стены не просто стояли вокруг — они словно обнимали. От изразцовой печи шло мягкое, вибрирующее тепло, хотя дрова там давно прогорели.

— Стены всё чувствуют, — продолжал Никифор, аккуратно складывая салфетку. — То, как вы сегодня поставили на место эту особу, Чекушкину... Магия поместья признала в этом не просто каприз, а заступничество. Родовое гнездо не любит, когда его хозяйку мешают с грязью на глазах у всей улицы. Вы защитили его честь, и дом откликнулся. Слышите, как половицы перестали ворчать?

— Половицы, может, и перестали, — раздался язвительный голос со шкафа, — а вот мой желудок выражает решительный протест.

Тихон, до этого момента изображавший меховой воротник на антикварном буфете, прыгнул вниз, изящно приземлившись прямо на стол. Я уже хотела возмутиться, но кот посмотрел на меня с таким выражением вселенской скорби, что я подавилась словами.

— Сентиментальные бредни, — фыркнул он, дернув хвостом. — «Дом дышит», «стены чувствуют»... При деде Прохоре стены чувствовали запах осетрины и выдержанного сыра, а фамильяров кормили сливками из серебряных мисок, а не заставляли слушать лекции о пользе хороших манер. И запеканка, кстати, была суховата. Где мой изюм, я спрашиваю? Без изюма моя магическая регенерация падает до критических отметок.

— Тиша, ты только что съел половину моей порции, — напомнила я, поднимаясь со стула. — Твоя регенерация, судя по объему талии, скоро позволит тебе проходить сквозь стены без использования магии — просто под собственным весом.

— Это не вес, это авторитет, — отрезал кот и демонстративно зашагал к выходу, задрвав хвост трубой. — Идем, наследница. Пора баиньки. У меня был тяжелый день: я пугал мегер и изображал из себя демона перекрестков. У меня, между прочим, лапы гудят.

Я улыбнулась Никифору, поблагодарила его еще раз и побрела вслед за этим черным тираном. Усталость навалилась внезапно, как пыльный мешок в кладовке. Ноги налились свинцом, а глаза слипались.

Подъем на второй этаж снова превратился в квест. Несмотря на то что утром я вроде бы запомнила дорогу, сейчас коридоры поместья решили поиграть со мной в прятки. На третьем повороте я уверенно шагнула в сторону, решив, что это короткий путь к спальне.

— Виктория, — голос Тихона донесся откуда-то сзади. — Если ты планируешь ночевать в сундуке с дедушкиными кальсонами, то ты идешь правильно. Но если тебе нужна кровать, то развернись на сто восемьдесят градусов и постарайся не врезаться в тот доспех.

— Я просто проверяла систему безопасности! — буркнула я, разворачиваясь.

— Ага, методом тыка, — проворчал кот. — Твой топографический кретинизм — это единственное, что в этом доме работает без перебоев.

Наконец мы добрались до спальни. Морозный Лён на кровати в полумраке мерцал серебром, обещая прохладу и покой. Но стоило мне сделать шаг к подушке, как черная молния пролетела мимо моих ног. Тихон, не тратя времени на церемонии, запрыгнул в самый центр постели и с хозяйским видом улегся на мою любимую подушку — ту самую, которая была побольше и помягче.

— Эй! — возмутилась я. — Это моё место!

— Было твоим, пока здесь не обосновался высший магический разум, — кот лениво зевнул, обнажив острые клыки. — Мне нужна магическая регенерация на узловой точке пересечения лей-линий. А эта подушка — идеальный проводник. Ложись с краю, не разваливайся. И постарайся не храпеть, это сбивает мою настройку на астральные частоты.

Я тяжело вздохнула, понимая, что спорить с ним сейчас бесполезно. Сил не было даже на то, чтобы стащить его за хвост. Кое-как стянув туфли и переодевшись в ночную сорочку, я забралась под одеяло, стараясь не тревожить Его Ворчешество.

Перед тем как закрыть глаза, я шепотом произнесла:

— Система, статус.

Перед глазами тут же развернулись знакомые страницы книги «Совершенство». В полумраке спальни её призрачное сияние казалось мягким и уютным.

Я с замиранием сердца начала листать отчет за день. Страницы шуршали, как старая бумага, выбрасывая искорки света.

«ИТОГИ ДНЯ:

Характеристика: МАСТЕРСТВО (Крафт)

Текущий уровень: 1 (Прогресс +15%)

Достижение: «Ремонт на коленке». Вы успешно распутали мана-узел в приводе «Заря-4». Молочник в восторге, телега в строю. Ваши руки начинают вспоминать то, чему не учили в приюте».

Я невольно улыбнулась. Значит, не зря я возилась с той железкой. Магия — это не только вспышки и пафос, это еще и работающие механизмы.

«Характеристика: РЕПУТАЦИЯ (Енисейск-Магический)

Статус: От «подозрительной приبلуды» до «опасной девицы с характером».

Внимание: Ольга Чекушкина теперь обходит ваш забор по дуге, а три соседских кота подали прошение о вступлении в ваш фан-клуб (отклонено Тихоном)».

— Правильно сделал, что отклонил, — пробормотал Тихон, не открывая глаз. — Лимит на дармоедов в этом доме исчерпан мной.

Я пропустила его шпильку мимо ушей и пролистала дальше. Там, на пожелтевшем листе, горела новая золотистая надпись.

«СКРЫТОЕ ДОСТИЖЕНИЕ ПОЛУЧЕНО: Справедливость Очага.

Условие: Защита чести дома перед лицом клеветы.

Награда: +1 к характеристике ОБАЯНИЕ.

Бонус: Магия поместья теперь активнее откликается на ваши бытовые просьбы. Печь будет греть дольше, а чайник закипать быстрее».

Обаяние! У меня теперь Обаяние третьего уровня. Может, в следующий раз в Управе мне не придется так долго ждать в очередях? Или хотя бы Герасим перестанет смотреть на меня как на пятно на обоях.

«РОДОВАЯ СВЯЗЬ: Рост +5%.

Вы начинаете чувствовать ритм поместья. Дом больше не видит в вас чужака. Он видит Хозяйку».

Я закрыла призрачную книгу. Она захлопнулась с тихим, удовлетворенным шелестом и растворилась в воздухе.

В комнате воцарилась тишина, прерываемая только мерным, мощным рокотом Тихона. Его мурчание было похоже на работу небольшого магического двигателя. Я прикрыла глаза, чувствуя, как холод Морозного Льна вытягивает из тела дневную усталость, заменяя её легкой истомой.

В голове крутились планы на завтра. Двадцать два рубля в кошельке — это, конечно, не состояние, но уже что-то. Нужно встретиться с плотником Виталей, нужно найти этого Вадима Анварова... И вывеска. Лавка Кречетов должна снова засиять.

Я представила себе, как открываю массивные двери магазина, как звенят колокольчики, как на полках стоят флаконы с моими зельями, а Тихон с важным видом сидит на прилавке, проверяя чеки. Эта картинка была такой яркой и реальной, что я почти почувствовала запах корицы и магического озона.

— Спи уже, мечтательница, — сонно буркнул кот, поудобнее устраиваясь на моей подушке. — Завтра я научу тебя, как правильно торговаться с плотниками. Главное — не смотреть им в глаза, когда они начинают плакать о тяжелой жизни. Это ловушка.

— Спокойной ночи, Ваше Ворчейшество, — прошептала я.

Тьма за окном бережно хранила покой поместья. Тени в углах больше не пугали — они несли караул, оберегая сон последней из рода Кречетов. Я заснула с улыбкой на губах, зная, что завтра будет новый день, полный новых вызовов, ироничных замечаний кота и тихой, уверенной магии созидания.

Глава 5

Пока я проваливалась в глубокий, целительный сон, окутанная серебристым сиянием Морозного Льна, Система «Совершенство» не спала. Оказалось, у неё есть крайне полезная, хоть и несколько шпионская функция — «Социальный резонанс». Пока моё тело восстанавливало силы, моё сознание, подпитываемое «Утренней ясностью», получило доступ к своего рода «прямому эфиру» из лавки Ольги Чекушкиной. Видимо, статус «Грозы сплетниц» давал не только репутацию, но и возможность знать, в какую именно сторону дует ветер общественного недовольства.

Картинка перед мысленным взором была четкой, хоть и окрашенной в тревожные багровые тона системы. Сама хозяйка, чья тучная фигура в тусклом свете масляных ламп казалась еще массивнее, с грохотом опустила на прилавок пузатую банку с солеными огурцами. Грохот был такой, что даже призрачные крысы в углах присели от неожиданности.

— Вы видели?! Вы это видели?! — голос Ольги вибрировал на частотах, способных колоть гранит. — Она прошла мимо, едва взглянула на меня?! У меня к обеду всё утреннее молоко превратилось в вонючий уксус! А булки? Свежайшие, утренние булки, Сонечка, покрылись такой сизой плесенью, будто их достали из гробницы первого воеводы! Соня я тебе говорю это всё эта оборванка!

Соня, сидевшая на колченогом табурете и манерно оттопыривавшая мизинец над пустой чашкой, побледнела так, что её лицо слилось по цвету с застиранной скатертью. Она изо всех сил старалась сохранять вид «дамы в изгнании», но дрожащие губы выдавали её с потрохами.

— Это ведьминская кровь, Оленька, — прошипела Соня, и в её глазах вспыхнула такая ядовитая зависть, что, будь она магическим даром, поместье Кречетов уже бы испарилось. — Я же говорю: она из приюта, там их специально учат всяким гадостям, чтобы честных людей изводить. Она сегодня через мой забор заглядывала. Стоит, высматривает, что бы прибрать к рукам. Видимо, поместья ей мало, решила на наше добро пасть раззявить.

Ольга сокрушенно всплеснула руками, едва не сбив весы.

— Да она прокляла меня одним взглядом! — продолжала вопить лавочница. — У меня теперь убытков на три рубля, а кто мне их вернет? Управа? Герасим этот недоделанный, который только и умеет, что папки ронять? Нет, Сонечка, тут дело серьезное. Эта девчонка — зараза. Она как проказа на здоровом теле нашего Енисейска.

Соня подалась вперед, её голос стал тихим и вкрадчивым, как скрип половицы в полночь.

— Не переживай, дорогая. У меня в Управе есть связи... ну, ты знаешь, мой троюродный племянник по линии мужа дружит с курьером канцелярии. Мы добьемся аннулирования её прав. Обоснуем это «магической неблагонадежностью» и «угрозой общественному порядку». Вышвырнем эту оборванку обратно в её приют, пусть там коровам хвосты крутит, а не в поместях чинно вышагивает.

В этот момент дверь лавки распахнулась с таким дребезгом, будто в неё врезался разогнавшийся паровоз. На пороге возникла Дашка, наша «светская львица» с плоской фигурой и лицом, на котором сейчас была написана вселенская катастрофа. Она даже забыла постучать своей серебряной ложечкой по косяку. Впрочем, постукивать было нечем.

— Она её украла! — взвизгнула Дашка, вбегая в центр зала и театрально прижимая руки к груди. — Она её просто вытянула из моих пальцев! Моя реликвия! Моё сокровище!

Ольга и Соня синхронно вытянулись в струнку.

— Кто? Что украла? — хором спросили они.

— Эта... эта оборванка возле лавки Кречет! — Дашка задохнулась от возмущения, её глаза лихорадочно блеснули. — Я гуляла, проверяла магическую звонкость фонарей, как всегда. Она стояла рядом со своим этим... чудовищем черным. И стоило мне отвернуться, как я

почувствовала рывок. Моя серебряная ложечка, фамильная ценность Степановых, просто растворилась в воздухе! Я видела, клянусь вам, я видела, как она «притянула» её магией прямо в свой карман!

Я, честно говоря, даже во сне почувствовала укол совести — ложечка-то действительно лежала у меня в кармане, но, помилуйте, Дашка сама её выронила! Но в интерпретации «пострадавшей» это выглядело как дерзкое магическое ограбление среди бела дня.

— Воровка! — Ольга торжествующе хлопнула ладонью по прилавку. — Я же говорила! Сначала молоко, потом серебро, а завтра она наших детей начнет в лягушек превращать?

Соня вскочила с табурета, её глаза сузились до щелочек.

— Это наш шанс, — заговорщицки произнесла она. — Дашенька, ты напишешь официальную жалобу. Мы приложим к ней свидетельские показания Ольги о проклятиях. Я сама составлю донос для инспектора Герасима. Мы превратим её жизнь в такой ад, что она сама взмолится о возвращении в детский дом.

Ольга расправила плечи, её зычный голос заполнил всё помещение, отражаясь от банок с соленьями.

— И это еще не всё! — провозгласила она. — Завтра же я поговорю с молочником Сидоровым и мясником Пахомом. Если эта «барыня» покажется на рынке — ни одной крошки хлеба, ни одной капли молока ей не продавать! Объявим ей полный бойкот. Пусть ест свои пыльные свитки и запивает их святой водой, если найдет.

— Правильно! — подхватила Дашка, уже начиная восстанавливать самообладание и поправлять оборки на платье. — Мы распустим слухи на каждом углу. К вечеру весь торговый ряд будет знать: в поместье Кречетов поселилась воровка-проклинательница. Люди должны знать правду! Она опасна, она коварна, и у неё... у неё совершенно безвкусное платье!

Женщины сгрудились в тесный кружок, их головы соприкоснулись, образуя подобие зловещего союза. В тусклом свете лавки они напоминали трех фурий, готовящих ритуал по призыванию бюрократического демона.

— Сначала слухи, потом проверки, потом изъятие имущества, — методично перечисляла Соня, загибая пальцы. — Енисейск не прощает выскочек. Особенно тех, кто забывает свое место.

— И пугает честных людей фамильярами! — добавила Ольга, потрясая кулаком.

Система в моем сознании мигнула красным, выводя новое уведомление:

«ВНИМАНИЕ! Социальный конфликт перешел в фазу «Священная война сплетниц».

Статус: Формирование заговора.

Цель заговорщиков: Экономическая блокада и дискредитация.

Совет Системы: Подготовьте запасы продовольствия и проверьте юридическую чистоту прав на наследование. Грядет буря, пахнувшая кислым молоком и доносами».

Я перевернулась на другой бок, чувствуя, как Морозный Лён обдаёт меня волной спокойствия. Во сне я лишь слегка усмехнулась. Сплетницы, блокады, доносы... Они еще не поняли, что у этой «оборванки из приюта» в союзниках не только язвительный кот-фамильяр и древний дом, но и железное упреждение, закаленное годами мытьё полов.

Пусть болтают. В конце концов, чем громче они будут кричать о моих «злодеяниях», тем больше людей захотят прийти и посмотреть на ту, кто смог напугать саму Ольгу Чекушкину. А реклама, как говорил мой дед — это двигатель торговли, даже если она пахнет испорченными булками.

Сцена «прямого эфира» начала бледнеть, растворяясь в мягком тумане глубокого сна. Последнее, что я услышала перед тем, как окончательно провалиться в небытие — это то, как три женщины заговорщицки чокаются пустыми чашками, скрепляя свой нелепый союз против новой хозяйки поместья Кречетов.

Солнечный луч беспардонно ткнул меня прямо в глаз, пробившись сквозь щель в тяжелых шторах. Я поморщилась, пытаюсь зарыться глубже в подушку, но Морозный Лён, который за ночь успел напиться магией дома, бодряще холодит щеку. Просыпаться в собственной спальне, пусть и в наполовину разоренном поместье, было в сто крат приятнее, чем под крики тети Зины в приюте. Там утро пахло сыростью и безнадеей, а здесь — старым деревом и едва уловимым ароматом мяты.

Перед глазами тут же всплыло золотистое уведомление, словно Система только и ждала, когда я открою веки:

«ЭФФЕКТ: Утренняя ясность (активен).

Бонус: +2 к Сметливости на 4 часа.

Ваш ум остр, как бритва, а способность замечать подвохи возросла до уровня подозрительной гадалки».

— Подозрительная гадалка — это именно то, что мне сейчас нужно, — прошептала я, выбираясь из-под одеяла. — Особенно с учетом того, что три местные фурии уже планируют мой социальный расстрел.

Воспоминания о ночном «эфире» из лавки Чекушкиной вызвали у меня не страх, а какое-то азартное раздражение. Хотят войны? Ну что ж, пускай покупают каски. Я пригладила волосы, которые после сна напоминали взорвавшийся стог сена, и спустилась на кухню.

Там уже вовсю хозяйничал Никифор. Старик выглядел так, будто и не ложился вовсе: безупречно отглаженный сюртук, накрахмаленный воротничок и ни единой пылинки. На столе дымились горячие лепешки, золотистые и пухлые, а воздух был пропитан запахом свежезаваренного иван-чая.

— Доброе утро, Виктория Анатольевна, — Никифор отодвинул для меня стул с таким видом, будто я была как минимум императрицей всея Енисейска. — Надеюсь, сны в родовом гнезде были к вам благосклонны?

— Если не считать того, что наши соседки планируют объявить мне блокаду и изгнание, то всё чудесно, — я откусила кусок лепешки. Мякиш был нежным и сливочным, мгновенно подняв мою шкалу настроения на несколько делений. — М-м-м, Никифор, это божественно. Вы сами пекли?

— Магия дома помогает, — скромно ответил старик. — Печь вчера так довольно гудела, что тесто поднялось само собой, стоило мне только подумать о завтраке.

— Не обольщайся, Вика, — раздался ворчливый голос со стороны подоконника.

Тихон сидел там, подставив черную спину солнечному свету. У него на усах еще белела капля молока, что выдавало его недавнее пиршество. Рядом с ним сиротливо лежал надкусанный пряник — тот самый, из вчерашних покупок.

— Молочник твой притащил бутылку ни свет ни заря, — кот лениво обернулся ко мне, прищурив янтарные глаза. — Сдал товар Никифору и умчался так, будто за ним черти на самокатах гнались. Но я успел проверить качество. На четверку с минусом. Жирность приличная, но маны в коровах маловато. Видимо, пасутся на обычных лугах, а не на магических пустошах.

— Тебе не угодить, Тиша, — усмехнулась я. — Скажи спасибо, что вообще бесплатно привозят.

Кот презрительно фыркнул и лапой отодвинул от себя пряник.

— А вот это, — он указал на недоеденную сладость, — это не пряник. Это преступление против кулинарии. Он сухой, как отчет Савелия Крючкова, и пахнет дешевой патокой. Как ты могла это купить? Твой дед, Алексей Максимович, за такой товар выпорол бы поставщика прямо на рыночной площади.

— Это был лучший вариант на рынке, Тиша, — вздохнула я, наливая себе чаю.

— Лучший среди худших? — кот спрыгнул на пол и начал нервно выхаживать туда-сюда. — Дед использовал только алхимический мед и муку из зерна, выращенного под музыку

лесных фей. Тот пряник не просто ели — его вкушали, он давал бафф к красноречию на три часа! А от этого... от этого только изжога и разочарование в человечестве. Никифор, скажи ей!

Старик, лишь тонко улыбнулся.

— Господин Тихон прав в одном: стандарты качества у Кречетов всегда были высоки. Но сейчас, Виктория Анатольевна, нам важнее фундамент, а не деликатесы.

— Именно, — я посерьезнела. — Никифор, у нас осталось семь рублей. И целая куча проблем. Первое — вывеска. Ты говорил про плотника Виталю. Он сможет сделать что-то достойное за пятнадцать монет, которые я тебе вчера отдала?

Никифор кивнул.

— Виталий уже ждет. Я зашел к нему на рассвете, пока он еще не успел «забыться» в кабаке. Мастер клятвенно обещал, что к обеду проект будет готов. Если он не врет, то к вечеру над нашей лавкой снова будет гордо сиять имя вашего рода.

— Отлично. Второе — поставки. Ты упомянул Вадима Анварова. Мне нужно с ним встретиться. Савелий сказал, что у него логистика и наши земли в аренде. Если он поставлял травы деду, он нам жизненно необходим.

Старик на мгновение задумался, глядя на пучки сухих трав под потолком.

— Вадим — человек дела, но он осторожен. После смерти Алексея Максимовича он замкнулся. Я постараюсь разыскать его через старые каналы. Его «Лианоход» часто видят у южных теплиц. Позвольте мне взять это на себя, Виктория Анатольевна. Вам не стоит блуждать по окраинам в одиночку, тем более что ваша... особенность ориентироваться в пространстве может завести вас в соседнюю губернию.

— Это не особенность, это проклятие, — проворчала я, чувствуя, как краснеют уши. — Ладно, разыщи его. А я пока схожу на рынок. Нужно прицениться к инвентарю и посмотреть, нет ли там чего-то, что можно перепродать с выгодой. Нам нужно наполнять полки, иначе вывеска будет висеть над пустотой.

— И купи нормальных пряников! — крикнул Тихон, который уже успел умыться и теперь выглядел крайне деловито. — Хотя нет, не покупай. Всё равно подсунут мусор. Лучше посмотри, не торгует ли кто сушеной кошачьей мятой из Енисейских предгорий. У меня от местного воздуха уже мигрень начинается.

Я поднялась из-за стола, поправила темно-синюю шаль — подарок из приюта, который выглядел на удивление прилично с новым платьем — и проверила кошелек. Семь золотых рублей. Казалось бы, богатство для сироты, но сущие крохи для будущей купчихи.

— Мы идем, Тиша? — спросила я кота, направляясь к выходу.

— Идем, — буркнул он, но, вопреки обыкновению, не сделал попытки запрыгнуть мне на плечо.

Вместо этого он важно зашагал рядом, высоко задрал хвост с белым кончиком. Его походка была исполнена такого достоинства, будто это не я, а он вел меня на подписание важнейшего торгового контракта.

Мы вышли за ворота поместья. Утренний Енисейск-Магический был прекрасен. Солнце заливало мостовые золотом, магические фонари, гаснущие по расписанию, выпускали последние облачка сиреневого пара, а в воздухе стоял гул просыпающегося города.

— Вика, — не оборачиваясь, произнес Тихон, шагая по булыжникам с грацией пантеры. — Ты только не сворачивай налево у той булочной. Там живет собака-автоматон местного мясника, она запрограммирована на лай при виде фамильяров. Мои нервы этого не вынесут.

— Я постараюсь, Тиша, — ответила я, глядя на карту в интерфейсе Системы, которая услужливо подсвечивала путь к торговым рядам. — Но не обещаю. Знаешь ведь, карты иногда... врут.

— Карты не врут, Вика. Врет твое чувство направления, — кот ехидно дернул ухом. — Но не бойся. Пока я рядом, мы хотя бы не выйдем к порту вместо рынка. Хотя в порту иногда продают отличную вяленую рыбу... но нет! Сначала дело. Сначала репутация и рубли.

Мы шли по солнечной стороне улицы, и я чувствовала на себе взгляды прохожих. Кто-то шептался, узнавая во мне «ту самую Кречет». Но я только плотнее запахнула шаль и ускорила шаг.

Впереди шумел рынок — сердце Енисейска, где сплетались судьбы, магия и звонкая монета. И я была намерена занять в этом хаосе свое законное место.

Глава 6

Вернувшись в лавку после утреннего променада, я первым делом стянула шаль и критически осмотрела свои владения. Теперь, когда «Ловец Пыли» сделал свое благородное дело, масштаб катастрофы стал виден во всей красе. Стеллажи не просто пустовали — они были забиты какой-то невнятной мешаниной из склянок, засушенных корешков, которые подозрительно напоминали хвосты дохлых крыс, и коробочек, обмотанных выцветшими лентами.

— Ну и с чего мне прикажешь начинать? — я обернулась к Тихону, который уже успел оккупировать прилавок и теперь с видом инспектора по налогам вылизывал лапу. — Я даже не знаю, чем отличается «Корень бешеного огурца» от «Уха степного тушканчика». Для меня всё это выглядит как гербарий маньяка-недоучки.

Тихон замер с поднятой лапой, посмотрел на меня как на душевнобольную и издал звук, средний между вздохом и хрипом.

— Корень бешеного огурца пульсирует, дорогая моя, а ухо тушканчика обычно пытается от тебя убежать, даже будучи сушеным. Но твой уровень познаний в товароведении меня искренне пугает. Ты в детдоме чем занималась? Кашу из топора варила?

— Мы там выживали как могли, — огрызнулась я, подходя к полкам. — У нас не было факультативов по магической ботанике.

— Очевидно. Ладно, не хмурься, а то морщины появятся раньше, чем первая выручка. Иди сюда, — кот кивнул на массивный предмет, лежащий в глубокой нише за прилавком.

Я подошла и увидела фолиант. Нет, это был не просто фолиант. Это был монументальный труд в бронзовом окладе, толщиной с приличный кирпич и весом, судя по всему, с небольшую наковальню. Обложка была украшена чеканкой в виде переплетенных ветвей и крошечной фигурки сокола — символа нашего рода.

— Это «Книга живых товаров», — с ноткой благоговения в голосе (что для Тихона было редкостью) произнес кот. — Главный инструмент Кречетов. Без неё эта лавка — просто склад магического хлама.

Я осторожно протянула руку и коснулась холодного металла. В ту же секунду по кончикам пальцев пробежала магическая вибрация. Это не было больно, скорее похоже на то, как если бы книга... замурлыкала в ответ на моё прикосновение. Бронза потеплела, и я почувствовала глубокий, ровный гул, идущий из самых недр бумаги.

«ОБНАРУЖЕН АРТЕФАКТ: Книга живых товаров (Персональный реестр рода Кречет). Статус: Ожидание синхронизации.

Родовая связь: +1 (Уровень 5). Дом чувствует ваше прикосновение к своим секретам».

— Она живая? — прошептала я, не отнимая руки.

— В каком-то смысле, — Тихон прыгнул на пол и начал тереться о бок книги. — Она помнит всё, что когда-либо лежало на этих полках. И, что важнее для твоей пустой головы, она умеет оценивать вещи. Дед потратил тридцать лет, чтобы вплести в переплет заклинания идентификации и рыночного анализа. Просто поднеси предмет к обложке, и Книга скажет тебе, что это за мусор и сколько золотых за него можно содрать с доверчивого покупателя.

Я с сомнением посмотрела на тяжелый фолиант.

— И она сама выставляет цены?

— Если вещь принадлежит роду Кречетов, книга автоматически вносит её в реестр, проверяет на дефекты и выдает актуальную стоимость согласно котировкам Енисейской биржи. Всё, что тебе нужно — это не потерять дар речи, когда увидишь реальные цены на некоторые артефакты.

Я вспомнила про наш «исправленный» чайник. Он сиротливо стоял на полке, сверкая начищенными боками. Схватив его, я с некоторым трепетом положила артефакт прямо на бронзовую обложку.

Книга отозвалась тихим щелчком. Страницы сами собой начали переворачиваться — быстро-быстро, создавая легкий ветерок, пахнувший озоном и старыми чернилами. Наконец, шелест прекратился. Перед моими глазами открылся разворот, заполненный изящным каллиграфическим почерком.

«НАИМЕНОВАНИЕ: Чайник Идеального Климата (модернизированный).

СОСТОЯНИЕ: Восстановлено (Мастер: Виктория Кречет).

МАГИЧЕСКИЙ ФОН: Стабильный.

ОПИСАНИЕ: Автоматически поддерживает заданную температуру напитка. Удалена критическая ошибка «Морозного узла».

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЦЕНА: 12 золотых рублей 50 копеек».

Цифры цены на странице внезапно вспыхнули ярким золотистым светом. Я невольно ахнула. Двенадцать рублей! Это же больше половины того, что я потратила на платье и продукты вместе взятые.

— Ого... — вырвалось у меня. — Тиша, ты видишь? Двенадцать рублей за один чайник!

— Не ори, распугаешь покупателей, которых у нас пока нет, — проворчал кот, хотя в его глазах тоже мелькнуло удовлетворение. — Видишь, текст золотой? Это значит, товар в идеальном состоянии. А теперь посмотри вон на ту банку с серым порошком.

Я поднесла к книге пыльный стеклянный сосуд. На этот раз страницы перевернулись неохотно, а текст, проступивший на бумаге, начал тревожно пульсировать багровым цветом.

«НАИМЕНОВАНИЕ: Пыльца лунного мотылька (просроченная).

СТАТУС: Брак. Магические свойства утеряны на 85%.

ПРИМЕЧАНИЕ: При попытке использования в зельях вызывает неконтролируемую икоту и рост шерсти на ладонях.

ЦЕНА: 5 копеек (за тару)».

— Ну вот, — Тихон ехидно прищурился. — Гениальность деда в том, что он избавил своих наследников от необходимости пробовать всё на вкус, чтобы понять, не отрастет ли у них хвост. Книга — твой лучший цензор.

Я стояла, не в силах отвести взгляд от магического реестра. Это было невероятно. Система, магия, старые традиции — всё сплеталось здесь, в этом пыльном кабинете, превращая хаос в порядок. Я вдруг почувствовала такую гордость за своего деда, Алексея Максимовича, что в горле встал комок. Он всё продумал. Он оставил мне не просто развалины, а целую экосистему, готовую ожить под моими руками.

— Рот закрой, — прервал мои мысли Тихон, бесцеремонно зевнув. — А то магическая моль залетит. Она, знаешь ли, очень любит селиться в головах наивных девиц, там много свободного места и всегда сквозняки.

Я захлопнула рот и показала коту язык.

— Тебе лишь бы язвить. Ты понимаешь, что это меняет всё? Теперь я могу провести инвентаризацию за пару дней!

— Если не заблудишься между прилавком и подсобкой, то да, — кот потянулся, выгнув спину дугой. — Но учти, Книга — это только полдела. Она оценивает товар, но не продает его. Торговаться с живыми людьми, которые захотят сбить цену до пяти копеек, придется тебе. И поверь, Ольга Чекушкина — это только первый уровень местных боссов.

Я проигнорировала его скепсис. Внутри меня разгорался азарт. Я снова коснулась Книги, и на этот раз Система выдала целое каскадное уведомление:

«ВНИМАНИЕ! Артефакт «Книга живых товаров» синхронизирован с владельцем.

РОДОВАЯ СВЯЗЬ: +2 (Уровень 7). Поместье признает вашу власть над торговыми делами.

НОВЫЙ НАВЫК: Торговый Глаз (Пассивный). Вы видите примерную ценность предметов без использования книги, если их стоимость не превышает 1 золотой рубль».

— Ну что, Ваше Ворчейшество, — я решительно закатала рукава. — Пора приниматься за работу. Раз у нас есть такая помощница, я не успокоюсь, пока каждая щепка в этой лавке не получит свой ценник.

— Ну-ну, — кот уселся поудобнее, явно готовясь к долгому зрелищу. — Валяй, трудо-голик. А я пока прослежу, чтобы ты не внесла в реестр мой хвост. Он бесценен, предупреждаю сразу».

Колокольчик над дверью звякнул так неожиданно, что я чуть не выронила банку с сомнительными сушеными чешуйками. По лавке пронесся сквозняк, пахнувший свежестью и дорогим парфюмом — чем-то пудровым, с нотками фиалок.

На пороге стояла дама. Если бы в Енисейске-Магическом проводили конкурс на звание «Воплощенное достоинство», она бы взяла гран-при, даже не снимая перчаток. Строгое серое платье, антикварная брошь в виде совы и взгляд человека, который привык, что мир вращается вокруг него в строго заданном темпе.

— Добрый день, — произнесла она, и голос её оказался на удивление мягким, хоть и усталым.

— Я надеюсь, слухи не врут, и лавка Кречетов действительно открыла свои двери? Я обыскала весь город.

В аптеках предлагают только бодрящую бурду, от которой сердце скачет как бешеный заяц, а мне нужно не это. Я быстро пригладила волосы, надеясь, что на щеке не осталось пятна от пыли.

— Добро пожаловать. Я Виктория Кречет. Чем я могу вам помочь? Дама чуть склонила голову, внимательно меня рассматривая. — Анна Ивановна Стожарова. Супруга главы города, если вам это о чем-то говорит, милочка. Хотя, судя по вашему растерянному виду, вы здесь недавно.

Моя проблема — магическое истощение. Хроническое. Благотворительные вечера, приемы, отчеты мужа... мана выгорает быстрее, чем я успеваю её восстанавливать. Мне нужно средство, которое вернет равновесие, а не просто заставит мои руки дрожать от избытка дешевой энергии.

— Магическое истощение... — я задумчиво прикусила губу. — Подождите минуту, Анна Ивановна. Мне нужно проверить запасы. Тихон, который до этого прикидывался меховой подушкой на прилавке, вдруг открыл один глаз. Он выразительно посмотрел на меня, затем — на даму, и, грациозно спрыгнув на пол, направился к задней стене.

— Прошу прощения, — промурлыкал он, проходя мимо Стожаровой.

— У нас тут небольшой беспорядок, наследница еще не привыкла к масштабам наследия. Анна Ивановна вскинула брови:

— Говорящий фамильяр такого уровня? Редкость. Кажется, я пришла по адресу. Тихон подошел к шкафу, который я безуспешно пыталась открыть всё утро, и ловко нажал когтем на едва заметный выступ в резьбе. Раздался тяжелый щелчок, и часть стены вместе со стеллажом плавно отъехала в сторону, открывая проход в лабораторию.

— Прошу, хозяйка, — ехидно шепнул кот, пропуская меня вперед.

— Твой выход. Только не перепутай колбы, а то госпожа Стожарова вместо равновесия начнет светиться в темноте, а её муж этого не оценит.

В лаборатории царил полумрак. Воздух здесь был густым, пахнувшим сухим шалфеем, старой медью и чем-то неуловимо электрическим. Стоило мне переступить порог, как пыль на

длинном рабочем столе внезапно пришла в движение. Она закружилась в крошечных вихрях, словно приветствуя меня, а медные тигли на полках издали мелодичный звон.

Система не заставила себя ждать:

«ВНИМАНИЕ! Вы вошли в родовую лабораторию.

Статус: Пробуждение рабочего пространства.Доступен рецепт:

Эссенция Истинного Равновесия (Ур. 1)».

Я проигнорировала ворох старых свитков, которые пытались подсунуться мне под руку. Моя интуиция — или то, что система называла «чутьем» — вела меня к конкретным ящичкам.

— Звездная трава, — пробормотала я, доставая пучок серебристых стеблей, которые подрагивали в моих пальцах.

— И Горный эфир.Флакон с эфиром был холодным, как лед. Я чувствовала, как внутри него бьется запертая сила.Я взяла ступку. Работа пошла сама собой, словно мои руки помнили эти движения веками. Растирая компоненты, я ощущала каждый корень, каждую ворсинку травы. Магический жар начал подниматься от ступки, согревая ладони. Когда я влила Горный эфир, смесь в тигле зашипела, выбросив облачко пара с запахом озона и мяты.

Снадобье начало менять цвет. Сначала мутно-серое, оно внезапно вспыхнуло глубоким фиолетовым, а внутри него затанцевали яркие золотистые искры, похожие на далекие звезды.

«КРАФТ ЗАВЕРШЕН!Предмет получен:

Эссенция Истинного Равновесия.Качество: Превосходное.Эффект:

Мгновенное восстановление 50% магического резерва, снятие эффекта Выгорание».

Я осторожно разлила эссенцию по трем изящным флаконам и вернулась в зал. Анна Ивановна стояла у окна, рассматривая какую-то старинную гравюру, но при моем появлении тут же обернулась.

— Готово, — я поставила один флакон на бронзовую обложку Книги живых товаров.Книга шелестнула страницами, словно облизнулась, и выдала четкую надпись золотыми буквами:

«ЦЕНА: 15 золотых рублей за порцию».

— Какая интересная работа...

— Анна Ивановна подошла ближе, глядя на мерцающую жидкость.

— Цвет... он живой. Я никогда не видела ничего подобного в государственных лавках.Она откупила флакон, и по комнате разлился аромат морозного утра. Сделав всего один глоток, дама замерла. На её бледных щеках тут же проступил здоровый румянец, а глаза засияли той спокойной силой, которой ей так не хватало.

— Боже мой, — выдохнула она, выпрямляя спину.

— Это... это чудо. Виктория, вы даже не представляете, какую услугу мне оказали.Без тени сомнения она достала кошелек и выложила на прилавок пятнадцать золотых монет. Деньги звякнули, и я почувствовала, как счет в моей системе приятно потяжелел.

— Но это еще не всё, — Анна Ивановна залезла в сумочку и извлекла оттуда карточку из плотной бумаги с серебряным тиснением.

— Через месяц в городском собрании состоится большой бал. Весь цвет Енисейска-Магического будет там. Я хочу, чтобы вы пришли.Я застыла с флаконами в руках. Бал? С моим-то умением теряться в трех соснах и полным отсутствием светского гардероба?

— Я представлю вас обществу, — продолжала Стожарова, не замечая моего шока. — Таланты вроде вашего не должны пылиться в заброшенных лавках. Городу нужны Кречеты. Настоящие Кречеты.Когда дверь за ней закрылась, я просто опустила на табурет.

— Ну что, «Потомственная купчиха», — Тихон запрыгнул мне на колени, бесцеремонно ковыряясь когтем в ухе.

— Слышала? Нас пригласили на бал. Представляю, как ты будешь искать выход из танцевального зала и в итоге окажешься в погребке с вином.

— Тиша, помолчи, — я вызвала интерфейс, который буквально взорвался уведомлениями.

«ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ:

Баланс — 22 золотых рубля.

ДОСТИЖЕНИЕ ПОЛУЧЕНО:

Светский прорыв! Награда: +2 к Обаянию.

РАЗБЛОКИРОВАН НАВЫК:

Приятный собеседник (Теперь ваши слова на 15% реже воспринимаются как бред сумасшедшего)».

«РОДОВАЯ СВЯЗЬ: Уровень 9.

Дом начинает доверять вам свои ключи. РЕПУТАЦИЯ В ГОРОДЕ: Известность среди знати — Начальный уровень».

Я посмотрела на приглашение. Месяц. У меня был ровно месяц, чтобы превратить эту лавку в процветающее заведение и, желательно, научиться отличать лево от право, чтобы не опозориться перед всем городом.

— Пятнадцать рублей за один пузырек, — пробормотала я, глядя на оставшиеся флаконы.

— Знаешь, Тиша, кажется, мы всё-таки расплатимся с Управой раньше, чем Герасим успеет написать на нас новый донос.

— Если ты не потратишь всё на платья с рюшами, — буркнул кот.

— Кстати, о рюшах. Моя комиссия за открытие лаборатории — три медовых пряника. И не те, что вчера, а свежие. Я чувствую, что моя репутация тоже требует подкрепления.

Когда за Анной Ивановной Стожаровой закрылась дверь, в лавке повисла такая оглушительная тишина, что я, кажется, слышала, как в углу испуганно икнула магическая моль. Я всё ещё сжимала в руках приглашение — плотный прямоугольник картона, который весил сейчас больше, чем весь мой скудный багаж, с которым я приехала в Енисейск-Магический.

— Ну и что ты застыла, как соляной столп? — Тиша соизволил прервать своё созерцание пустоты. — Пять минут назад ты была великим зельеваром, спасающим элиту города от депрессии, а сейчас выглядишь так, будто тебе только что вручили повестку на каторгу, а не билет в высший свет.

— Это почти одно и то же, — я наконец-то смогла выдохнуть и опустила руку с карточкой на прилавок. — Ты слышал её? «Весь цвет города», «я вас представляю»... Тиша, я же в трёх соснах путаюсь, а тут — бальный зал! Я же обязательно врежусь в какой-нибудь антикварный фуршет или, того хуже, приглашу на танец не того кавалера, потому что перепутаю его с официантом.

Кот спрыгнул с прилавка, подошёл к моим ногам и выразительно окинул взглядом моё тёмно-синее платье. То самое, которое мы купили только вчера и которым я так гордилась.

— Об официантах можешь не беспокоиться, — ехидно проурчал он. — В этом наряде тебя саму примут за помощницу младшей судомойки.

— Эй! — я возмущённо подхватила подол. — Оно новое! И добротное! И цвет мне идёт!

— Оно «добротное» для того, чтобы подметать полы в лавке или отбиваться от Ольги Чекушкиной, — Тиша запрыгнул на табурет и начал энергично умыться, всем своим видом показывая, как ему больно на меня смотреть. — Но на балу у Стожаровых даже у пуделей ошейники стоят дороже, чем весь твой гардероб вместе с этой шалью. Вика, приглашение от жены главы города — это не вежливая просьба. Это, считай, высочайший приказ. Если ты придёшь туда «бедненькой, но чистенькой», это будет не скромность, а оскорбление.

Я тяжело вздохнула. Радость от удачной сделки и пятнадцати золотых монет в кармане начала стремительно испаряться.

— Долг Управе триста сорок два рубля, — начала я загибать пальцы. — Плюс ремонт вывески, плюс продукты... Если я сейчас спущу все деньги на шёлковые тряпки и кружева, мы будем сидеть в очень красивом, но абсолютно пустом поместье. И грызть эти кружева на завтрак.

— Ну, во-первых, я кружева не ем, — отрезал кот. — А во-вторых, статус стоит дорого, но окупается быстро. Думаешь, Стожарова купила у тебя эссенцию только из-за её состава? Нет, она купила надежду на эксклюзивность. Если она увидит своего поставщика в обносках, её вера в твой дар пошатнётся. Магия — это на пятьдесят процентов то, как ты её подаёшь.

Я оперлась руками о прилавок и почувствовала, как пальцы наткнулись на какую-то неровность под столешницей. Странно. Вчера, когда я активировала «Ловца Пыли», я этого не заметила. Наверное, потому что тогда я искала грязь, а сейчас — просто пыталась найти опору в этом внезапно изменившемся мире.

— Что там у тебя? — Тихон перестал мучить лапу и подозрительно прищурился.

— Панель заклинило, — я присела на корточки, заглядывая под прилавок. — Смотри, тут дерево как будто вздулось.

Я потянула на себя выступающий край. Он не поддавался. Тогда я вспомнила слова деда о том, что дом любит твёрдую руку, и, зажмурившись, дёрнула посильнее.

Раздался сочный, сухой треск. Деревянная планка, удерживаемая старым магическим замком, который давно растерял свою силу, поддалась. И тут же мне на ноги с грохотом вывалилось нечто тяжёлое, обдав облаком застоявшейся пыли.

— Кха-кха! — я замахала руками, пытаясь разогнать серую взвесь. — Что это?

На полу лежала массивная медная коробка, окованная железом. Она выглядела так, будто её не открывали со времён основания Енисейска. На крышке была выгравирована знакомая фигурка сокола, но не летящего, а сидящего на сундуке.

Тихон в мгновение ока оказался рядом. Его хвост так и ходил ходуном от любопытства.

— Матерь кошачья... — прошептал он. — Это же касса деда Прохора. Личная. Он всегда говорил, что Управа может забрать лицензию, но она никогда не найдёт его «заначку на чёрный день».

Я с трепетом коснулась холодной меди. Кнопка замка поддалась на удивление легко — видимо, почувствовала родную кровь.

Крышка откинулась с мелодичным звоном. Внутри, аккуратно разложенные по стопкам, лежали монеты и старые ассигнации, перетянутые аптекарской резинкой.

Перед глазами тут же всплыло уведомление системы «Совершенство»:

«ОБНАРУЖЕН СКРЫТЫЙ ОБЪЕКТ: Резервный фонд рода (Заначка Прохора Кречета).

Содержимое: 133 рубля и 72 копейки.

Желаете конвертировать в Единый системный кошелёк?»

— Сто тридцать три рубля... — у меня даже в глазах потемнело. — Тиша, это же... это же почти половина долга!

— Или три очень приличных платья, — мгновенно вставил этот мохнатый искуситель. — Вика, жми «да», пока Герасим не пронюхал про неучтённую наличность. В этом городе стены имеют уши, а у некоторых чиновников из Управы нос настроен исключительно на запах золота.

Я коснулась мерцающей кнопки в воздухе. В ту же секунду монеты в коробке начали таять, превращаясь в золотистую пыль, которая впитывалась прямо в мою кожу. Ощущение было странное — как будто тысячи крошечных иголок пробежали по венам, оставляя после себя тепло и уверенность.

«АКТИВАЦИЯ ЕДИНОГО СИСТЕМНОГО КОШЕЛЬКА ЗАВЕРШЕНА.

Средства перенесены.

Текущий баланс: 155 рублей 72 копейки.

Примечание: Деньги теперь привязаны к вашему магическому контуру. Для оплаты просто коснитесь терминала или представьте нужную сумму в руке».

Я посмотрела на свои пустые ладони. Никаких тяжелых мешочков, никаких звенящих карманов. Удобно, ничего не скажешь.

— Ну вот, — Тихон вальяжно потянулся, его когти скрежетнули по половицам. — Теперь мы не просто банкроты с претензией, а вполне себе платёжеспособные предприниматели. Сто пятьдесят пять рублей — это уже не шутки. С этим можно и к Анварову идти, и в швейную мастерскую «Мадам Ла Флёр» заглянуть.

— Сначала долги, Тиша, — строго сказала я, хотя сердце предательски ёкнуло при упоминании мастерской. — Савелий сказал, что мы можем платить частями. Если я сейчас отдам сто рублей в Управу, они на время оставят нас в покое.

— И мы останемся с пятьюдесятью рублями в кармане? — кот неодобрительно фыркнул. — На шёлк хватит, а на нормального мастера для вывески — уже с трудом. Вика, будь умнее. Управа подождёт неделю. А бал ждать не будет. Тебе нужно выглядеть так, чтобы каждый, кто тебя увидит, захотел прийти в нашу лавку и оставить здесь все свои сбережения. Это инвестиция!

Я задумчиво вертела в руках приглашение. На обратной стороне мелкими буквами был указан дресс-код: «Магический резонанс обязателен».

— Что это значит? — я ткнула пальцем в строчку.

— Это значит, что твоё платье должно не просто блеснуть, а реагировать на твою магию, — пояснил Тихон, спрыгивая на пол. — Когда ты волнуешься — оно темнеет, когда колдуешь — светится. Это высший пилотаж портновского искусства. И стоит это как раз те самые пятьдесят рублей или пятьсот, которые ты так жаждешь отдать бюрократам.

Я вздохнула, понимая, что в этой дуэли разума и кошачьей наглости я снова проигрываю.

— Ладно. Давай планировать бюджет. Но сначала — вывеска. Никифор обещал привести Виталю. Мы не можем открыться с этой облезлой доской над дверью.

— Согласен, — неожиданно легко уступил кот. — Виталия — мастер хороший, хоть и пьющий. Если он «услышит» твоё дерево, вывеска сама будет зазывать народ. Но учти, я лично пойду с тобой выбирать ткань. У тебя вкус... как бы это помягче сказать... слишком практичный. Ты выберешь что-нибудь серое, «чтобы грязь не была видна», и на балу тебя перепутают с портьерой.

Я спрятала приглашение внутрь «Книги живых товаров». Она захлопнулась с удовлетворенным гулом, словно одобряя моё решение.

— Хорошо, Тиша. Пойдём разведем цены. Но если я увижу, что ты присматриваешь себе ошейник с бриллиантами под цвет моих глаз — я тебя запру в подвале.

— С моими-то глазами? — кот оскорблённо задрал хвост. — Только изумруды, дорогая. И только в золотой оправе. Но так и быть, в этот раз я ограничусь лишней порцией пряников. Всё-таки семейный бюджет — дело святое.

Мы вышли в торговый зал. Солнце заливало чистое помещение, и пустые полки теперь не казались мне угрожающими. Они казались... обещанием. С магической книгой под мышкой и неожиданным наследством в системном кошельке я впервые за всё время почувствовала, что Енисейск-Магический начинает принимать меня. Или, по крайней мере, перестаёт пытаться выплюнуть обратно на вокзал.

— Стой! — вдруг крикнула я, остановившись у самой двери. — Тиша, а где мастерская «Мадам Ла Флёр»? Кажется, я видела её где-то на набережной...

Кот замер, медленно повернул голову и посмотрел на меня с бесконечным терпением в янтарных глазах.

— Она на Центральной улице, Вика. Ровно в двухстах метрах отсюда в сторону Ратуши. Если мы сейчас пойдём на набережную, мы окажемся в порту, где матросы научат тебя таким заклинаниям, от которых даже у Книги обложка покраснеет.

Я неловко кашлянула.

— Ну... я просто хотела проверить твою бдительность.

— Проверяй её лучше на счетах от поставщиков, — проворчал кот, выходя на крыльцо.
— А дорогу доверь профессионалу. Идём, Хозяйка. Великие дела и неприлично дорогие ткани ждут нас.

Глава 7

Я уже потянулась к дверной ручке, в голове вовсю крутились образы атласа, бархата и того самого «магического резонанса», когда дверь вдруг подалась сама собой. Причем так резко, что я едва успела отпрыгнуть, чтобы не получить дубовым полотном по носу.

— Ой! — вырвалось у меня.

На пороге стоял мужчина. Худощавый, жилистый, ростом чуть выше меня, с характерными татарскими чертами лица и удивительно живыми, постоянно мигающими глазами. На нем был практичный пыльный пыльник, а через плечо перекинута огромная кожаная сумка, которая, казалось, жила своей собственной жизнью — она периодически вздрагивала и издавала странные шуршащие звуки.

За его спиной, на улице, я заметила нечто невообразимое: огромную платформу на толстых, узловатых корнях, которые мерно переступали по булыжникам, удерживая конструкцию в равновесии. «Лианоход», — всплыло в памяти описание из рассказов Никифора. Выглядело это чудо техники как помесь садовой беседки и гигантского паука-вегетарианца.

— Виктория Анатольевна? — мужчина расплылся в широкой, искренней улыбке и быстро-быстро заморгал. — Простите великодушно, не хотел напугать. Вадим Анваров, к вашим услугам. Арендатор ваших дальних делянок и, надеюсь, ваш будущий верный поставщик.

Он отвесил короткий поклон, и в этот момент его сумка вдруг раздулась, из-под клапана высунулась колючая ветка чертополоха и чувствительно ткнула Вадима прямо в небритую щеку.

— Ой! Да не сутуюсь я, Бурьянчик, не сутуюсь! — Вадим тут же выпрямил спину так, будто проглотил аршин, и виновато посмотрел на меня. — Простите, фамилльяр у меня... строгих правил. Следит за осанкой пуще матушки.

— Рада знакомству, Вадим, — я постаралась придать лицу максимально деловое выражение, хотя внутри всё еще подпрыгивало от неожиданности. — Никифор о вас упоминал. Проходите, пожалуйста.

Тихон, до этого момента изображавший из себя часть интерьера на прилавке, вдруг ожил. Он подошел к самому краю, вытянул шею и издал утробное «Хр-р-р», уставившись на сумку Анварова.

— О, — Вадим замер на пороге, глядя на моего кота. — Какой... внушительный господин. Свободный дух, если не ошибаюсь? Мое почтение.

— Можешь оставить почтение себе и вытереть ноги, — буркнул Тихон, не сводя глаз с Бурьянчика. — И скажи своему сорняку, чтобы не вздумал разбрасывать семена на моем свежевывчищенном полу. У меня на чертополох аллергия — я начинаю очень громко и некультурно царапаться.

Вадим послушно вытер сапоги и прошел к прилавку, осторожно водрузив на него тяжелый холщовый мешок. В воздухе тут же разлился густой, одурманивающий аромат влажной земли, хвои и чего-то сладковато-пряного, от чего у меня защекало в носу.

— Вот, Виктория Анатольевна. Привез первую партию в счет аренды за прошлый месяц. Тут всё по списку вашего дедушки: сребролист, корень громобоя и немного свежей огнецветки. Качество — первый сорт, лично Бурьянчик проверял, — он похлопал по сумке, которая в ответ довольно зашуршала.

Я коснулась мешка, и перед глазами привычно развернулся интерфейс Системы:

«ПОСТАВКА ПРИНЯТА: Набор редких трав «Лесное дыхание».

Состав: Сребролист (5 пучков) — состояние идеальное; Корень Громобоя (2 шт.) — активен; Сушеная Огнецветка (100 гр) — высшая проба.

РЕГИСТРАЦИЯ В РЕЕСТРЕ: Пройдено.

Бонус: Хозяйственность +2 (за возобновление торговых связей)».

— Спасибо, Вадим, — я почувствовала, как на душе стало теплее. — Это именно то, что нужно, чтобы наполнить полки. Никифор говорил, что без ваших трав лавка Кречетов — просто склад.

— Ну, Алексей Максимович знал толк в сырье, — Вадим снова быстро заморгал. — Я готов достать для вас любое растение, хоть из-под вечной мерзлоты, хоть из кратера вулкана. Вы только шепните. У меня связи среди травников по всей губернии.

Я взглянула на Тихона, который продолжал в упор рассматривать Вадима, а потом решилась задать вопрос, который мучил меня с момента обретения кассы деда Прохора.

— Вадим, раз уж вы занимаетесь логистикой... Лавка Кречетов всегда славилась фамильярами. Но сейчас у нас пусто. Не могли бы вы узнать у заводчиков, почему нынче самые недорогие фамильяры? Не магические духи высшего порядка, — я покосилась на Тихона, который тут же оскорбленно раздулся, — а что-то попроще. Для бытовых нужд, для простых горожан. Чтобы было с чего начать торговлю.

Вадим задумчиво почесал затылок. Бурьянчик внутри сумки снова зашевелился, видимо, давая совет.

— Дело хорошее, — кивнул Анваров. — Спрос на «бытовиков» сейчас огромный. Все хотят, чтобы само стирало, само охраняло и при этом не требовало жалованья. Я разумею. Есть тут у нас один питомник под Енисейском, там как раз вывели партию почтовых ежей и самоходных грелок. Заеду к вам на днях с ответом.

Тихон подошел к мешку с травами, брезгливо обнюхал его и вдруг коротко, отрывисто шикнул на сумку Вадима. Из сумки в ответ вылетела маленькая колючка, которая с тихим звоном отскочила от медной таблички на прилавке.

— Тихо! — прикрикнул Вадим на свой багаж. — Простите, он у меня нервный. Редко видит таких... статусных особ.

— Статус — это когда тебя не пытаются превратить в игольницу, — фыркнул Тихон. — Ладно, Вика, принимай груз и пойдем уже. У нас по плану шелка и кружева, а не этот гербарий. От запаха огнецветки у меня усы начинают виться.

Вадим вежливо попрощался, пообещав прислать весточку через пару дней, и вышел. Я видела в окно, как его «Лианоход» плавно тронулся с места, перебирая корнями-лапами, и скрылся за поворотом, вызвав волну пересудов у кучки кумушек, собравшихся у соседней лавки.

— Тяжелый, зараза, — пропыхтела я, подхватывая мешок. — Помог бы хоть, «статусная особа».

— Я — мозг этого предприятия, — заявил кот, грациозно спрыгивая на пол. — А мозг не должен заниматься погрузочно-разгрузочными работами. Это вредит нейронным связям.

Кое-как я дотащила мешок до склада, примыкающего к лаборатории. Там, среди пустых ящиков и пыльных стеллажей, груз Вадима выглядел настоящим сокровищем. Магия дома, почувствовав свежие травы, отозвалась легким, довольным гулом в стенах. Несколько трав положила в свою сумочку.

— Завтра займемся зельями, — решительно сказала я, вытирая руки. — Система уже требует мастерства, а Анна Ивановна наверняка разболтает подругам о своей покупке. Нам нужно иметь запас.

— Завтра, — согласился Тихон, уже сидя у входной двери. — А сегодня — платье. И не забудь, Вика: если ты выберешь что-то с рюшами, я сделаю вид, что мы не знакомы. Моя репутация не вынесет хозяйки, похожей на кремовый торт.

Я рассмеялась, заперла лавку на ключ, чувствуя, как внутри приятно щекочет обновленный баланс в кошельке.

«ЗАДАНИЕ ОБНОВЛЕНО: Подготовка к выходу.

Цель: Посетить мастерскую портнихи.

Текущий бюджет: 155 рублей 72 копейки.

Внимание: Карта города перестроена. Рекомендуемый маршрут проложен».

— Ну, веди, Сусанин, — обратилась я к коту, шагая по солнечной улице. — И только попробуй завести меня в рыбные ряды под предлогом «кратчайшего пути».

— Рыбные ряды — это вообще в другой стороне, — оскорбился Тихон, хотя по его подергивающемуся хвосту было ясно: идея ему понравилась. — Идем уже. Мадам Ла Флёр не любит ждать, а её булавки, говорят, кусаются похлеще моего знакомого чертополоха.

Если вы думали, что самое страшное в Енисейске-Магическом — это механические совы с долговыми расписками или призренные чиновники, спешу вас расстроить. Самое страшное — это когда группа скучающих женщин решает, что вы — «персона нон грата».

Мы с Тихоном подходили к тканевым рядам, и я уже издали почувствовала, что воздух здесь стал каким-то липким и неприятным. Знаете, так пахнет в кабинете стоматолога: страхом и неизбежностью. Только здесь к этому букету добавился аромат дешевых духов и ядовитых сплетен.

— Чувствуешь? — Тихон внезапно остановился, его шерсть на загривке встала дыбом, превращая его в подобие черного кактуса. — Воняет.

— Чем? — я принялась. — Пылью и краской?

— Глупостью человеческой, — проворчал кот, обнажая клыки. Магия слова — это не только заклинания из учебников, Вика. Это когда одна дура сказала, вторая приукрасила, а третья сделала из этого закон физики.

Мы вступили под своды торговых рядов, и я сразу поняла, о чем он. Обычно здесь стоял такой гам, что собственные мысли приходилось выкрикивать шепотом. Но сейчас... стоило нам появиться, как гомон затих, словно кто-то нажал кнопку «без звука» на пульте управления миром.

Я подошла к первому же прилавку, где горой лежали рулоны великолепного шелка — от нежно-жемчужного до цвета грозового неба.

— Добрый день, — я постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее. — Покажите, пожалуйста, вон тот рулон, васильковый.

Купец, до этого момента увлеченно рассматривавший меня как потенциальную жертву, вдруг резко потерял ко мне интерес. Он демонстративно отвернулся и начал пересчитывать пуговицы в коробке, шевеля губами в такт.

— Извините? — я постучала пальцем по прилавку. — Я бы хотела купить ткань.

Мужчина даже ухом не повел. Он взял одну пуговицу, поднес её к глазу, хмыкнул и отложил в сторону. Снова взял. Снова отложил. Казалось, мир для него сузился до размеров этой перламутровой кругляшки.

— Он в астрале, не мешай человеку, — ехидно прокомментировал Тихон.

Я двинулась дальше. Но ситуация повторялась с пугающей точностью. В лавке кружев стоило мне сделать шаг к порогу, как торговка, круглая как колобок, с невероятной для её комплекции скоростью задвинула тяжелый засов. Щелк! И табличка «Закрывается на инвентаризацию» качнулась перед моим носом.

В магазине ниток произошло то же самое. Даже мальчишка-разносчик, увидев меня, перекрестился пучком укропа и нырнул в подворотню.

— Это что, флешмоб такой? — я остановилась посреди улицы, чувствуя, как внутри закипает праведное негодование. — Я пришла оставить здесь свои честно заработанные деньги!

— Твои деньги теперь пахнут проклятьем похоже, — Тихон вальяжно подошел к корзине с разноцветными клубками шерсти, выставленной у входа в одну из закрытых лавок. — И «магической неблагонадежностью». Кто-то пустил слух, что ты — черная вдова от зельеваре-

ния. Мол, кто у тебя купит или тебе продаст, тот покроется бородавками в самых неожиданных местах.

Кот аккуратно, кончиком лапы, толкнул корзину. Она с грохотом опрокинулась, и десятки клубков весело покатались по мостовой под ноги прохожим.

— Ой, какая досада, — пропел Тихон, наблюдая за хаосом. — Сервис в этом городе просто отвратительный. Никто даже котика не погладит.

— Тиша! — прикрикнула я, но, честно говоря, в глубине души мне хотелось сделать то же самое. — Прекрати. Нам нужно платье. Бал через месяц!

— Посмотри на них, — кот кивнул на двух торговок, которые прикрывали рты ладонями и что-то яростно зашептали, глядя на меня.

— ...точно говорю, внучка Кречет, — донесся до меня обрывок фразы. — Дашка сказала, она в детдоме души детей в банки закатывала. И ложечку серебряную прямо из воздуха достала! Ведьма, чистая ведьма...

Я почувствовала, как щеки начинают гореть.

— Дашке бы лучше заняться своим вкусом, чем сплетнями, — громко, так, чтобы все слышали, произнес Тихон. — А то ходит в платье цвета взбесившейся моркови и думает, что она икона стиля. С такой фигурой ей только магические швабры рекламировать — сходство один в один!

Торговки охнули. Одна из них даже выронила веер. Мы же, гордо задрав головы (ну, я — голову, а Тихон — хвост), направились к самому престижному ателье города — «Мадам Ла Флер».

Это было красивое здание с лепниной в виде роз и огромными витринами, в которых стояли манекены в невероятных нарядах. Я подошла к двери, уверенная, что уж здесь-то, в обители высокой моды, здравый смысл победит деревенские бредни.

Дернула ручку. Заперто.

За стеклом тут же возникла сама мадам Ла Флер — дама с прической, напоминающей сахарную вату, и в очках на золотой цепочке. Она сделала страдальческое лицо и приставила ладонь к уху, мол, не слышу.

— Откройте! — крикнула я, стуча в стекло. — У меня приглашение от Анны Ивановны Стожаровой!

Мадам Ла Флер приоткрыла крошечную форточку, оттуда пахло лавандой и снобизмом.

— Ах, милочка, простите, — пропела она тонким, дребезжащим голосом. — У меня абсолютно нет свободных мест. Всё забронировано на месяц вперед.

— Кем? — нахмурилась я.

— Мадемуазель Степановой, — мадам Ла Флер закатила глаза. — Дарья Эдиковна заказывает гардероб для всего своего... э-э... круга общения. Сами понимаете, оптовый заказ. Приходите в следующем году. Или в другой жизни.

Форточка захлопнулась.

— Ну, это уже просто смешно, — я бессильно опустила на ступеньку крыльца. — Она что, скупила весь город?

— Не весь, — Тихон сел рядом и начал методично вылизывать лапу. — Только ту его часть, которая боится потерять заказы от её мужа-мастера. Степанов хоть и молчун, но без его артефактов тут половина предприятий встанет. Вот все и пляшут под Дашкину дудку.

Я обхватила колени руками. Перспектива идти на бал в «добротном» синем платье, которое уже начали узнавать все сплетницы города, казалась унижительной.

— Не горюй, Хозяйка, — вдруг раздался тихий, испуганный шепот.

Я подняла голову. Из боковой двери ателье, предназначенной для прислуги, выскочила девушка в простом сером переднике. У неё были добрые глаза и растрепанные светлые волосы.

— Тсс! — она приложила палец к губам и быстро оглянулась. — Меня Анютой зовут. Я помощница у мадам.

Девушка вдруг увидела Тихона и её лицо осветилось радостью.

— Тиша! Это правда ты? — она протянула руку, и мой язвительный кот, к моему величайшему изумлению, не вцепился в неё, а ласково боднул ладонь головой.

— Внучка Глафиры? — мурлыкнул Тихон. — Как ты выросла, мелкая. Всё еще пахнешь овсяным печеньем.

— Ты её знаешь? — удивилась я.

— Её бабушка была лучшей швеей твоего деда, — пояснил кот. — Алексей Максимович говорил, что у Глафиры иголка поет, а не шьет.

Анюта быстро сунула мне в руку какой-то пожелтевший, свернутый в трубочку листок.

— Возьмите, Виктория Анатольевна. Моя бабушка всегда вспоминала род Кречетов добрым словом. Говорила, что Алексей Максимович был легендой города. Настоящим человеком. Не то что эти... — она кивнула в сторону ателье. — Мадам Ла Флер — талантливая, но души в ней — как в пустой катушке. Она вас боится, потому что Дашка пригрозила расторгнуть контракт.

— Что это? — я развернула листок.

На пожелтевшей бумаге был изображен наряд. Но это не было обычное платье. Рисунок словно пульсировал тихим светом. Тонкие линии переплетались, образуя узоры, напоминающие созвездия. Казалось, ткань на эскизе живет: складки шевелились под невидимым ветром.

— Это Звездный Атлас, — прошептала Анюта. — Бабушка хранила его для особого случая. Она говорила, что это не просто ткань, а родовое зачарование Кречетов. Только наследница может его пробудить.

В ту же секунду перед моими глазами вспыхнуло окно Системы:

«ОБНАРУЖЕН УТЕРЯННЫЙ ОБЪЕКТ: Чертеж Родового Гардероба (Звездный Атлас).

Тип: Магический конструктор самошвей.

Статус: Идентификация завершена.

РОДОВАЯ СВЯЗЬ: +10.

Вы разблокировали доступ к Архиву Семейного Мастерства».

Я почувствовала, как по пальцам пробежал холодок, сменившийся уютным теплом, похожим на то, что исходит от разогретой печи.

— Анюта, спасибо... — я хотела поблагодарить девушку, но она уже нырнула обратно в дверь, едва не столкнувшись с выходящей мадам Ла Флер.

— Ну? — Тихон заглянул в эскиз и довольно заурчал. — Похоже, Дашка со своими «оптовыми заказами» скоро лопнет от зависти.

— Тиша, тут написано... — я всмотрелась в мелкий почерк деда на полях. — «Ткань создается из энергии уюта и звездного света в стенах родного дома».

— Именно, — кот поднялся и встряхнулся. — Зачем нам эти пафосные мастерские с их кусачими булавками? У нас есть дом, который тебя любит. У нас есть магия, которая проснулась. И у нас есть я — лучший критик в этом полушарии.

Я прижала эскиз к груди. Внутри росла уверенность, которой я не чувствовала раньше. Это было не просто желание выглядеть красиво. Это было осознание того, что мой род оставил мне не только долги и старую мебель, но и силу созидания.

— Значит, будем шить сами? — я посмотрела на Тихона.

— Будем творить, Вика, — поправил он. — А Дашка... пусть заказывает хоть сто платьев. Когда ты войдешь в зал в наряде из Звездного Атласа, она на твоём фоне будет выглядеть как моль, заблудившаяся в кухонном шкафу.

Я усмехнулась. Кажется, блокада сплетниц дала трещину.

— Идем домой, Тиша. Нам нужно подготовиться. Кажется, нас ждет долгая ночь.

Мы шли обратно через рынок, и я больше не обращала внимания на запертые двери и шепот за спиной. Теперь у меня был план.

Глава 8

Вернувшись в поместье, я чувствовала себя так, будто только что вышла живой из логова стаи голодных, но очень вежливых пираний. Сплетни в Енисейске-Магическом распространялись быстрее, чем пожар в сухой степи, и осознание того, что я теперь официально «ведьма-похитительница ложек», грело душу ровно настолько, насколько может греть кусок льда в подмышке.

— Тиша, стой, — я остановилась в длинном коридоре, ведущем в крыло, которое Никифор называл «хозяйственным». — Давай проясним ситуацию с этим «Звездным Атласом». Ты серьезно хочешь сказать, что мои предки не закупались в бутиках, а... что они делали? Выращивали платья в огороде?

Тихон, который до этого момента бодро трусил впереди, задрал хвост и обернулся ко мне. В полумраке коридора его глаза светились двумя недобрыми янтарными фарами.

— В огороде выращивают капусту, Виктория. И судя по твоим вопросам, в твоей голове её сейчас явный избыток, — кот запрыгнул на пыльный сундук, стоявший у стены, и принял позу сфинкса. — Кречеты всегда были выше того, чтобы носить чужую мантию с чужими ошметками маны. Швейная мастерская в этом доме — это не просто комната с иголками. Это место силы. Настоящий Звездный Атлас не покупается. Это полотно, которое ткется из Энергии Уюта и света небесных светил.

— То есть мне нужно поймать звезду за хвост и запихнуть её в ткацкий станок? — я скептически приподняла бровь. — Тиша, я едва научилась управляться с «Ловцом Пыли», а ты предлагаешь мне заняться промышленным шпионажем в масштабах галактики.

— Тебе нужно просто перестать ныть и начать соответствовать статусу, — отрезал Ваше Ворчейшество. — У тебя есть дом. Дом генерирует Энергию Уюта, когда ты в нем не просто существуешь, а созидашь. А небо над Енисейском, слава богам, пока бесплатное. Но! — он поднял когтистую лапу, предостерегающе сощурившись. — У меня есть условие. Жесткое, как сухарь трехлетней давности.

Я приготовилась к худшему. Обычно «жесткие условия» Тихона заканчивались либо покупкой элитных сливок, либо моим очередным унижением перед лицом магической системы.

— Прежде чем ты притащишь сюда какую либо портниху, и начнешь кроить свои шедевры, мастерская должна блеснуть. И я имею в виду не просто «махнуть тряпкой», а тотальную зачистку. Там не ступала лапа приличного существа уже лет... много лет короче. Если там заведется хоть одна пылинка, Атлас просто выпьет её и превратит твоё бальное платье в мешок из-под картошки. Ты этого хочешь?

— Нет, — вздохнула я. — Мешков у меня и так хватает. Веди, инспектор по клинингу.

Мы подошли к тяжелой дубовой двери в самом конце коридора. Она выглядела так, будто её запечатали не магией, а просто временем — слой пыли на ручке был толщиной с мой палец. Я потянулась к замку, и в этот момент в голове привычно звякнуло.

«ВНИМАНИЕ! ЗАПУЩЕН КВЕСТ: Возрождение нити!

Цель 1: Провести дезинсекцию и очистку швейной мастерской.

Цель 2: Провести диагностику и мелкий ремонт магического оборудования.

Награда: Разблокировка навыка «Магическое ткачество» (Уровень 1), +10 к Хозяйственности.

Примечание: Осторожно! В помещении зафиксирована аномальная активность паразитов».

— Аномальная активность? — пробормотала я, нажимая на ручку. — Тиша, что там может быть аномального? Крысы-переростки?

— Хуже, — коротко бросил кот и нырнул мне под ноги, когда дверь со скрипом отворилась.

В нос ударил запах старой шерсти, сухого дерева и... чего-то сладковато-приторного, похожего на перезревшую дыню. Я шагнула внутрь, подняв магическую лампу повыше.

Сначала я не увидела ничего особенного: огромный ткацкий станок, похожий на скелет доисторического чудовища, груды коробок и катушек. Но стоило свету коснуться ближайшего рулона потемневшей ткани, как комната... ожила. С тихим, шелестящим звуком от стен и потолка отделились десятки теней.

Это были не тени. Это была моль. Но не та мелкая серая гадость, что грызет бабушкины свитеры, а настоящие монстры размером с хорошую ладонь. Их крылья мерцали тусклым фосфоресцирующим светом, переливаясь от ядовито-зеленого до грязно-фиолетового.

— Матерь кошачья... — вырвалось у меня. — Они что, светятся?

— Это Бархатные Едоки, — Тихон зашипел, выгибая спину. Его шерсть искрилась от напряжения. — Элитная зараза. Они не едят шерсть, Вика. Они жрут магические плетения. Все те заклинания уюта и прочности, которые дед вкладывал в эти станки годами, сейчас перевариваются в этих жирных светящихся брюшках.

Одна из молей, привлеченная светом моей лампы, тяжело оторвалась от перекладки станка и, неуклюже переваливаясь в воздухе, направилась прямо к моему лицу. Я вскрикнула и отшатнулась, едва не выронив лампу.

— Спокойно, наследница! — рявкнул Тихон. — Она приценивается к твоему новому платью как к десерту. Нафталин тут не поможет, они его вместо приправы используют.

— И что мне делать? Прихлопнуть их тапком? — я лихорадочно озиралась, ища хоть какое-то оружие.

— Тапком ты только размажешь магическую радиацию по стенам, — кот фыркнул. — Нам нужен «Горький Окуриватель». Старинный рецепт Кречетов против всякой наглой летающей нечисти. Слушай и запоминай, пока они не решили, что твои волосы — это отличный источник протеина.

Перед глазами всплыл интерфейс с рецептом, который диктовал Тихон:

«РЕЦЕПТ: Горький Окуриватель (Класс: Бытовая химия/Антимагия).

Состав: Пучок высушенной полыни, три капли магического дегтя, Энергия Уюта (1 единица).

Эффект: Изгнание магических паразитов, дезинфекция пространства».

— Полынь у меня есть в сумке, Вадим сегодня как раз принес, — я быстро начала рыться в карманах. — А деготь?

— Посмотри в ящике у входа, — Тихон кивнул на небольшую тумбочку. — Дед всегда держал там запас на случай, если бюрократы из Управы решат нагряться с проверкой. Запах дегтя они переносят так же плохо, как и моль.

Я рванула ящик. На дне, среди старых катушек, сиротливо стоял крошечный пузырек с вязкой черной жидкостью. Схватив пучок полыни, я капнула на него дегтем и замерла.

— Теперь самое главное, — Тихон подошел ближе. — Сосредоточься. Представь, как этот запах становится не просто вонью, а... стеной. Чистотой. Твоим правом на этот дом. Вложи в него крупицу своей силы.

Я закрыла глаза, чувствуя, как внутри ворочается то самое тепло, которое помогло мне восстановить чайник. Я направила его к ладоням, сжимающим полынь. Пучок травы внезапно вспыхнул неярким синим пламенем, которое не обжигало, но испускало густой, горький и невероятно резкий дым.

— Вон! — приказала я, делая шаг вглубь мастерской. — Пошли вон из моего дома!

Эффект был мгновенным. Дым, словно живое существо, начал расползаться по комнате, затекая в каждую щель, под каждый станок. Бархатные Едоки, только что вальяжно кружившие

под потолком, начали падать на пол, как перезрелые плоды. Те, кто был посильнее, ломились в закрытые окна, сбивая крылья о стекло.

«КВЕСТ ОБНОВЛЕН: Дезинсекция завершена (100%).

Бонус: Вы получили достижение «Магический дезинсектор». +2 к Репутации среди домовых духов (если они тут есть)».

Я стояла посреди мастерской, размахивая дымящимся пучком полыни, и чувствовала себя странной смесью шамана и уборщицы. Дым постепенно рассеивался, унося с собой приторный запах гнили. В комнате стало светлее, будто с окон сняли серую вуаль.

— Ну, для первого раза неплохо, — Тихон спрыгнул с сундука и осторожно потрогал лапой одну из упавших молей, которая теперь выглядела как обычный серый комочек пыли. — Теперь посмотри на станки. Видишь?

Я подошла ближе к большому ткацкому агрегату. Это было произведение искусства: резное дерево, инкрустированное перламутром, и медные шестерни, покрытые тончайшей гравировкой. Но сейчас многие нити были оборваны, а магические кристаллы в пазах потускнели.

— Они прекрасны... — прошептала я, касаясь пальцами гладкого дерева. — Тиша, если мы это починим, мы сможем сделать не только платье. Мы сможем...

— Мы сможем сделать нашу лавку легендарной, — закончил кот уже без привычной иронии. — Но не обольщайся. Ремонт этих механизмов потребует от тебя не только махания венником, но и тонкой работы с маной. Каждый узел здесь — это магическая петля.

Я оглядела завалы коробок, сломанные станки и горы мусора. Работы было непочатый край. Другая бы на моем месте, наверное, села на пол и расплакалась от масштаба катастрофы. Но я... я чувствовала странный азарт. Это было как в детстве, когда нам давали старую сломанную игрушку, и мы с ребятами по крупицам собирали её, превращая во что-то новое.

— Значит, сначала ремонт, — я решительно закатала рукава.

— И не забудь про мои пряники, — вставил Тихон, возвращаясь к своему обычному состоянию. — Подвиги подвигами, а обед по расписанию.

Я рассмеялась и сделала первый шаг к ближайшей куче хлама. Где-то в глубине дома Никифор загремел посудой, и этот звук показался мне самым правильным на свете. Мы не просто чистили комнату. Мы возвращали к жизни сердце нашего рода. И никакая магическая моль не могла нам помешать.

Я замерла перед массивным деревянным станком, который возвышался в центре мастерской, как заснувший мамонт. Если вы думали, что ткацкий станок — это пара палок и куча ниток, то вы никогда не видели инженерный гений моих предков. Эта громадина занимала добрую треть комнаты и выглядела так, будто её спроектировал сумасшедший часовщик, влюбленный в корабельного плотника. В воздухе передо мной тут же замигало привычное, вызывающе-золотистое окошко Системы: «ОБЪЕКТ ИДЕНТИФИЦИРОВАН: Легендарный ткацкий станок рода Кречетов Нить Бытия — модель 1.0. Статус: В глубокой депрессии (заброшен). Описание: Уникальное магическое устройство, преобразующее окружающий воздух и накопленную Энергию Уюта в высококачественную материю. Способен соткать даже надежду, если у хозяйки хватит терпения. ВНИМАНИЕ: Требуется техническое обслуживание. Текущий износ: 89%». — Посмотри на это, Тиша, — прошептала я, обходя станок по кругу. — Он же невероятный. — Он — пылесборник исторического масштаба, — фыркнул кот, брезгливо переступая через валяющуюся на полу катушку. — Имей в виду, Виктория, я — Свободный Фамильяр высшего порядка, а не промышленная ветошь. Моя благородная шерсть создана для того, чтобы её гладили и ею восхищались, а не для того, чтобы вытирать заскорузлое машинное масло из этих медных недр. — Я и не просила тебя помогать с уборкой, — я осторожно коснулась пальцем тяжелой шестерни. Палец тут же покрылся слоем чего-то липкого и серого. — Фу-у... Это что, мазут? — Это ошметки застоявшейся маны вперемешку с вековой пылью, — со знанием дела пояснил Тихон. — Самая гадкая субстанция в мире. Если она попадет на кожу

— будешь чесаться неделю. А если ты в таком виде пойдешь на бал к Стожаровой, тебя примут за кочегара с магического паровоза, а не за наследницу древнего рода. Он демонстративно зевнул, показав все свои розовые зубы, и направился к выходу, высоко задрав хвост. — В общем, я пошел к Никифору. Мне кажется, я слышал, как он достал банку соленых груздей, а это дело требует моего экспертного контроля. Оставляю тебя наедине с этой грудой дров. Постарайся не запутаться в шестернях, а то выковыривать тебя оттуда — лишняя трата моего драгоценного времени. Дверь за ним закрылась с тихим щелчком, и я осталась одна. В мастерской воцарилась тишина, прерываемая лишь моим дыханием и далеким тиканьем напольных часов в холле. — Ну что, «Модель 1.0», — обратилась я к станку, — давай знакомиться заново. Я глубоко вздохнула и закрыла глаза, вызывая в ладонях то самое покалывающее тепло. Это было похоже на то, как если бы я держала в руках кружку с горячим какао в морозный вечер — мягкое, уютное жжение, которое хотелось направить на что-то полезное. Моя магия Хозяйственности. Я начала с шестеренок. Медленно, бережно я проводила руками над узлами механизма. Магическое тепло действовало лучше любого растворителя: серая липкая гадость, которую Тиша назвал «застоявшейся маной», начинала таять и испаряться, оставляя после себя чистую, ярко-красную медь. Работа была кропотливой. Я чувствовала каждую зазубринку, каждую соринку, застрявшую в пазах. В какой-то момент я заметила, что главная челночная рейка — изящная латунная деталь, похожая на тонкую рыбку — выскочила из своего гнезда. Она заклинила весь механизм, и именно поэтому станок казался мертвым. — Так, милая, давай-ка мы тебя на место... Я закусила губу, сосредоточившись. Пришлось действовать вручную. Я просунула пальцы вглубь механизма, чувствуя холод металла и запах старой смазки. Латунная «рыбка» сопротивлялась, не желая вставать в пазы, но я настойчиво направляла её, подпитывая своей энергией. — Ну же... Еще чуть-чуть... Раздался сочный, металлический щелчок. Рейка встала на место, и в ту же секунду станок вздрогнул. Под моими руками пронесся низкий, вибрирующий гул. Это не был шум машины — это было похоже на глубокий вздох существа, которое проснулось после долгой спячки. Медные шестерни начали медленно вращаться. Сначала со скрипом, неохотно, но с каждым оборотом их ход становился всё плавнее. Магия, спавшая в недрах устройства, пробудилась. В воздухе над станиной вдруг начали проступать тончайшие, почти невидимые серебристые нити. Они возникали из ниоткуда, сплетаясь прямо в воздухе в сложный узор. **«ВНИМАНИЕ! Магический контур восстановлен. Запуск процесса: Базовое плетение. Источник сырья: Атмосферная мана и Энергия Уюта (Текущий уровень: Приемлемо)»**. Я замороженно наблюдала, как челнок начал летать туда-сюда с такой скоростью, что его движение сливалось в одну золотистую полосу. Звук станка превратился в мерную, успокаивающую мелодию. На приемный лоток начал медленно опускаться первый отрез ткани. Он был удивительным. Полупрозрачный, как утренний туман, и мягкий на вид, как кошачье пузико. Я протянула руку и коснулась края материи. Она была прохладной и слегка искрилась под светом моей лампы. Но когда первый метр ткани полностью лег на лоток, я увидела дефект. Через всё полотно тянулась тонкая, тускло-серая полоса, похожая на след от грязной воды. Она портила всё впечатление от магического шелка. Перед глазами снова всплыло сообщение от Системы: **«РЕЗУЛЬТАТ ПЕРВОГО ЗАПУСКА: Объект: Магический шелк (базовый). Качество: 70%. Комментарий Системы: Первый блин комом! Не расстраивайся, Хозяйка, станок долго болел и еще не прочистил свои легкие. Причина дефекта: Недостаточный уровень Энергии Уюта в помещении. Стены еще помнят Бархатных Едоков, а воздух пахнет дегтем сильнее, чем магией»**. Я вздохнула, рассматривая серую полосу. — Ну вот, — пробормотала я, — семьдесят процентов. Это явно не Звездный Атлас. Ткань, тем не менее, была плотной и качественной. Даже с этим браком она выглядела в сто раз лучше всего того, что я видела на рынке у торговцев, которые сегодня закрывали передо мной двери. — Ничего, — я решительно свернула отрез в аккуратный рулон. — Мы это просто так не оставим. Для бального платья не пойдет, но если нарезать на платки или использовать для подкладки — будет в самый раз. В нашей

лавке ничего не пропадет зря. Я поняла одну важную вещь: магия этого дома — это не просто формулы и жесты. Это моё состояние. Если я хочу, чтобы станок выдавал совершенство, мне нужно сделать так, чтобы само поместье дышало гармонией. Нельзя соткать свет из тени, которая всё еще прячется по углам. Я аккуратно положила рулон на полку и еще раз погладила теплую станину станка. Он ответил мне тихим, довольным мурлыканьем — ну точно как Тихон, когда ему перепадает лишний кусок колбасы. — Ладно, «Модель 1.0», отдыхай пока. На сегодня приключений хватит. Пойду проверю, не съел ли наш хвостатый эксперт все Никифоровы вкусности в одиночку. Я потушила магическую лампу, и мастерская погрузилась в уютный полумрак. Но теперь это не была тьма заброшенного склепа. Это была тишина мастерской, которая ждет своего часа. Выходя на кухню, я уже предвкушала ироничный допрос от Тихона и спокойный, мудрый взгляд Никифора. В конце концов, семьдесят процентов — это гораздо больше, чем ноль. А с серыми полосами мы разберемся.

Глава 9

На кухне пахло так уютно, что на мгновение я забыла и о вонючем дегте, и о светящейся моли, и даже о том, что половина города считает меня похитительницей столового серебра. Никифор, облаченный в безупречно чистый фартук поверх своего неизменного сюртука, колдовал над плитой. Судя по звукам, там что-то шкворчало и томилось, обещая райское наслаждение желудку, истощенному борьбой с магическим хаосом.

— Виктория Анатольевна, вы сегодня прямо-таки светитесь, — заметил старик, не оборачиваясь. — Хотя, признаться, запах... специфический. Напоминает профилактическую обработку архивов Управы в сезон дождей.

— Это запах победы, Никифор, — я устало опустилась на стул, чувствуя, как гудят ноги. — Победы над Бархатными Едоками. И немного — над собственным страхом превратиться в десерт для насекомых-переростков.

Никифор замер с половником в руке, медленно повернулся и внимательно посмотрел на меня. Его глаза за стеклами очков блеснули.

— Неужели вы... в одиночку? В старой мастерской по пошиву?

— Ну, Тихон давал ценные указания, сидя на безопасном расстоянии, — я не удержалась от шпильки в адрес кота, который как раз в этот момент просочился в кухню и с самым невинным видом устроился у миски. — Но да, мастерская теперь пригодна для жизни. И даже для работы.

— Поразительно, — выдохнул старик, и в его голосе прозвучало нескрываемое восхищение. — Алексей Максимович всегда говорил, что у рода Кречет стальной стержень внутри, хоть некоторые из рода могут и казаться хрупкой, как флакон для духов. А вывеску? Вывеску-то вы видели?

Я виновато прикусила губу.

— Ой. Простите, Никифор. Я так увлеклась поисками ткани, а потом мы отправились в поместье. А что Виталя уже закончил?

— Виталий, при всем его пристрастии к «Горькой забывчивости», мастер от Бога, — Никифор снова повернулся к плите. — Он не просто вырезал буквы. Он заставил дерево петь. Но это подождет до завтра. Расскажите лучше, как прошел ваш поход в город. Тихон намекал на некие... сложности в торговых рядах.

— Сложности — это мягко сказано, — я вздохнула, принимая из рук Никифора чашку с ароматным травяным чаем. — Дашка Степанова и её свита объявили мне полномасштабную войну. Весь рынок закрывает двери перед моим носом. Ощущение такое, будто я не наследница уважаемого рода, а разносчица магической чумы.

Я вкратце пересказала ему события дня: визит Вадима Анварова (Никифор одобрительно кивнул), поставку трав и, конечно, визит Анны Ивановны Стожаровой. Когда я упомянула про пятнадцать золотых рублей за порцию эссенции, старик едва не выронил тарелку.

— Пятнадцать рублей? За один флакон? — он поставил передо мной тарелку с запеканкой, которая выглядела как произведение искусства. — Виктория, вы осознаете, что это цена хорошей дойной коровы? Или полугодового запаса дров для всего поместья?

— Я осознаю, что Анна Ивановна выглядела так, будто готова была отдать за это и тридцать, — усмехнулась я. — Но самое главное не деньги. Никифор, она пригласила меня на бал. Через месяц.

Старик медленно опустился на стул напротив меня. Его лицо, обычно непроницаемое, вдруг осветилось такой искренней радостью, что у меня комок подошел к горлу.

— На бал... — прошептал он. — К Стожаровым. Это... это истинное начало, Виктория. Дом Кречетов не просто открыл двери, он возвращается в свет. Это как если бы погасший маяк снова вспыхнул среди шторма. Значит, стены не зря сегодня пели.

— Погодите радоваться, — я остудила его пыл, ковыряя запеканку. — Дашка сделает всё, чтобы я туда не попала. Она перекупила всех портних в городе. Даже мадам Ла Флер испугалась. Единственный человек, который согласился мне помочь — это Аня, помощница мадам. У неё есть эскиз «Звездного Атласа», который хранила её бабушка, Глафира. Помните такую?

Никифор кивнул, его взгляд стал задумчивым.

— Глафира была великой мастерицей. Она чувствовала иглу так же, как ваш дед чувствовал зелья. Но «Звездный Атлас»... это не просто платье, Виктория. Это вызов законам реальности. Чтобы его соткать, нужен станок.

— Он работает, — просто сказала я. — Я починила его. Прочистила узлы маной, запустила механизмы. Он выдал первый кусок шелка. Правда, с дефектом — серая полоса через всё поле, но он живой, Никифор! Он мурчит, когда к нему прикасаешься!

Никифор перекрестился — непривычный жест для него. В его глазах стояли слезы.

— Значит, дом действительно признал вас. «Нить Бытия» не запускалась много лет. Многие считали, что она умерла вместе с последним Кречетом. Но пригласить стороннюю девушку в сердце мастерской... — он нахмурился, и его голос стал строгим. — Виктория, вы понимаете риск? Нельзя брать к нам, абы какую портниху. Один лишний вздох на рынке, одна неосторожная фраза подружкам — и тайны Кречетов станут достоянием Дашки Степановой. Или, что еще хуже, Управы.

— Я думала об этом, — я отставила чашку. — Но мне нужны руки. Одной мне не справиться с кроем такого уровня, а система говорит, что время идет. Что вы предлагаете?

Никифор выпрямился, и в его осанке проступила сталь предков, служивших этому дому веками.

— Родовая клятва, — четко произнес он. — Только так. Это не просто честное слово. Это магический контракт, который заключается не с вами, а с самим Духом Поместья.

— Звучит жутковато, — призналась я. — Как в фильмах про тайные ордена.

— Это бытовая магия высшего порядка, милочка, — вставил Тихон, отрываясь от своей миски. — Наш старик дело говорит. Родовая клятва — это своего рода магический блокировщик. Если портниха подпишет его, она физически не сможет произнести ни слова о том, что увидит в мастерской. Стоит ей попытаться сплетничать, как её голос просто... исчезнет. Пропадет, как у русалочки, пока она не передумает совершать глупость. Или начнет квакать. Я бы предпочел вариант с кваканьем, это всегда бодрит светскую беседу.

— Тихон, не паясничай, — оборвал его Никифор. — Это серьезно. Клятва дает портнихе не только обязательства, но и защиту. Пока она под контрактом, на неё не подействуют никакие ментальные чары сплетниц. Дом будет оберегать её как часть своего механизма. Никто не сможет выпытать у неё секреты «Звездного Атласа», даже под воздействием сыворотки правды.

— И как это оформить? — спросила я, чувствуя, как внутри снова звякнула Система.

«ВНИМАНИЕ! Доступна опция: Составление магического контракта Обет Созидания.

Условия: Полная конфиденциальность, защита работника.

Инструмент: Книга учета особыми чернилами Кречетов».

— В вашем кабинете, в секретном отделении стола, есть флакон с чернилами, в которые добавлена кровь первого хозяина и толченый жемчуг, — пояснил Никифор. — Достаточно, чтобы портниха поставила свою подпись в Книге учета. Как только чернила впитаются, связь будет установлена. Это единственный способ, Виктория. В наше время верить можно только магии и старым слугам. Ну и иногда — очень голодным котам.

Тихон возмущенно мяукнул, но спорить не стал.

— А если она откажется? — спросила я.

— Если она откажется, значит, её преданность не так велика, как она говорит, — сухо отрезал Никифор. — В этом доме всегда ценили верность превыше таланта. Талант можно развить, а верность либо есть, либо её нет. Но поверьте моему опыту: тот, кто искренне любит свое дело, сочтет такую клятву не кандалами, а высшим знаком доверия. Ведь вы пускаете её туда, куда не заглядывал никто десятилетиями.

Я посмотрела на свои ладони. Они всё еще хранили тепло медных шестеренок.

— Хорошо. Завтра я найду способ найти портниху. Если Дашка думает, что запертые двери ателье меня остановят, она плохо знает, на что способны Кречеты, когда у них есть цель и работающий ткацкий станок.

Никифор довольно улыбнулся и положил мне еще один кусок запеканки.

— Вот теперь я узнаю хозяйку. Ешьте, Виктория Анатольевна. Нам всем понадобятся силы. Создание Звездного Атласа — это не просто шитье. Это... — он замялся, подбирая слово.

— Это война, — закончил за него Тихон, запрыгивая на подоконник. — Красивая, блестящая война с рюшами и магическими искрами. И я чертовски хочу посмотреть на лицо Степановой, когда ты вплывешь в зал.

Я закрыла глаза, представляя себе этот момент. Тихий шелест невозможной ткани, мерцание звезд в складках платья и абсолютную тишину, которая воцарится в зале.

«ТЕКУЩИЙ СТАТУС: Подготовка к проекту Звездный Атлас.

Родовая связь: +5 (за верность традициям безопасности).

Цель: Встреча с помощником».

Ужин продолжался в уютном молчании, прерываемом лишь мерным тиканьем часов. Я знала, что впереди еще сотни проблем — налоги Управы, ремонт лавки, поиск редких компонентов для зелий... Но сегодня, под защитой этих стен, с горячим чаем и верными друзьями рядом, всё это казалось решаемым.

Следующим утром..

— Один... два... четыре... — Тихон сосредоточенно тыкал когтистой лапой в кучку имбирных пряников на кухонном столе. — погоди, куда делся третий? Я точно помню, что их было пять, когда Никифор доставал жестянку. Вика, признавайся, ты совершила несанкционированное изъятие продовольствия из фонда стратегического развития кота?

Я закатила глаза, затягивая ремешок на сумке, после укладки туда магического материала. Запах свежесваренного кофе творили чудеса.

— Тиша, я не ем имбирь на завтрак. И вообще, ты их считаешь уже пять минут. Может, один просто дематериализовался от твоего пристального взгляда? — я аккуратно свернула вчерашний отрез «бракованного» шелка. Ткань была мягкой, но та самая серая полоса, напоминающая след от грязного копыта, вызываяще блестела в утренних лучах. — Возьму его с собой. Покажу Аняте, если она рискнет пробраться в лавку.

— «Дематериализовался», как же, — проворчал кот, демонстративно вгрызаясь в пряник. — Счётный аппарат у меня работает как швейцарские часы, в отличие от твоих навыков навигации. Если мы сегодня снова пойдем в лавку через Оружейный переулок, я объявлю голодовку. Пряников на дорогу катастрофически мало. Мы умрем от истощения где-то между булочной и аптекой.

Я проигнорировала его нытьё и обернулась к Никифору. Старик стоял у окна, с тихой нежностью разглядывая стакан с парным молоком, который нам утром оставил тот самый молочник с застрявшей телегой. Видимо, благодарность в Енисейске-Магическом имела приятный вкус сливок.

— Никифор, — позвала я, — пока я буду в лавке, узнайте, пожалуйста, сколько будет стоить ремонт нашего забора. Хотя бы той части, что выходит на главную улицу. А то сейчас он больше напоминает декорацию к фильму о нашествии зомби, чем ограду благородного поме-

стья. К тому же, это вопрос безопасности. Сплетники наверняка вчера чуть не просочилась сквозь дыру в штакетнике, пытаясь разглядеть, не варю ли я в саду суп из младенцев.

Никифор степенно кивнул, его осанка была такой безупречной, что мне стало стыдно за свою сутулость.

— Обязательно, Виктория Анатольевна. Я как раз планировал навестить артель плотников на окраине. Они ребята грубоватые, но дерево чувствуют. А молоко, кстати, отменное. В нём есть нотки лугового разнотравья и... — он на секунду замялся, — искренней признательности. Нам этого очень не хватало. Стены дома сегодня ночью даже не скрипели, они словно слушали, как поет ваш станок.

— Они слушали, как я ругаюсь на шестеренки, — поправила я, закидывая сумку на плечо. — Идем, Ваше Ворчейшество. Рабочий день начался.

Выход из поместья на этот раз сопровождался не только лязгом засова, но и бесконечным монологом Тихона о разнообразии перекусов.

— Значит так, — вещал он, семена рядом со мной по мостовой и то и дело поправляя воображаемый галстук, — на обед я требую телячьи потрошка. Те, что пахнут мускатным орехом. И никаких дешевых сушек! Моя репутация как фамильяра-наставника напрямую зависит от уровня глюкозы и белка в крови. Если я упаду в обморок от голода прямо в центре торговых рядов, это будет дипломатический скандал.

— Тиша, мы идем работать, а не в гастрономический тур, — отрезала я, стараясь не смотреть на то, как прохожие на другой стороне улицы при виде нас ускоряют шаг. — И вообще, у нас в лавке есть Книга Живых Товаров. Может, она умеет материализовать колбасу?

— Книга умеет считать твои убытки и показывать, насколько ты дилетант, — ехидно заметил кот. — Материализовать колбасу умеет только хороший мясник и полновесный золотой рубль.

Мы свернули к центральным торговым рядам, и я невольно замедлила ход. Сердце предательски екнуло. Я помнила, какими руинами выглядел вход в нашу лавку еще пару дней назад: облезлая краска, пыльные витрины и гнетущее ощущение запустения.

Но сейчас...

Над дверью висела новая вывеска. Виталя-плотник явно превзошел сам себя. Тяжелая доска из темного кедра была отполирована до зеркального блеска. На ней, переплетаясь с резными виноградными лозами, гордо красовалась надпись: «Магическая Лавка Кречетов. Зелья, Артефакты, Фамильяры». Буквы не просто были вырезаны — они словно дышали. Дерево сохранило свой теплый, живой цвет, и в утреннем солнце казалось, что вывеска светится изнутри.

— Ого... — выдохнула я, останавливаясь прямо посередине тротуара. — Никифор был прав. Он мастер.

— Сносно, — буркнул Тихон, хотя я видела, как он самодовольно дернул усами. — По крайней мере, теперь люди будут знать, где их ждет качественный сарказм и приличные зелья, а не просто куча пыли. Хотя позолоты на буквах явно не хватает. Род Кречетов и голая древесина? Это какой-то магический минимализм, я протестую.

Но мой восторг был недолгим. Стоило нам подойти ближе, как я почувствовала на себе десятки колющих взглядов. Группа горожанок в чепцах и шалих, собравшаяся у соседнего лотка с овощами, мгновенно замолчала, а затем шепоток пополз по рядам, как ядовитый плющ.

— Вон она, — донеслось до меня отчетливое шипение Ольги Чекушкиной. Сегодня она была в ярко-желтом капоре, из-за чего напоминала перезревшую канарейку. — Глядите-ка, вывеску сменила! На ворованные-то деньги небось. Дашка Степанова врать не станет — эта девка её фамильную ложку прямо из кармана магией выудила. Средь бела дня!

— И не только ложку, — подхватила другая дама, поджимая губы так сильно, что они превратились в узкую нитку. — Говорят, сиротка-то с сюрпризом. Видели, какие у неё руки?

Цепкие. Наверняка в детдоме только и делали, что карманным кражам учили под видом молитв.

Я замерла, сжимая ручку сумки так, что костяшки побелели. Внутри всё закипело. Мне хотелось развернуться и высказать им всё — и про ложку, которую Дашка сама выронила.

Но Тихон среагировал быстрее.

Кот внезапно остановился, выгнул спину дугой и вздыбил шерсть так, что стал похож на черный шар с иглами. Его глаза вспыхнули недобрым янтарным светом, а пасть приоткрылась, обнажая острые клыки.

— Ш-ш-ш-ш! — выдал он такой мощный и вибрирующий звук, что ближайшая дама в ужасе выронила корзинку с репой. — Слушайте сюда, вы, жертвы неудачного магического макияжа! Если я еще раз услышу хоть слово о «ворованных ложках», я лично прослежу, чтобы ваши языки прилипли к небу и не отлипали до следующего полнолуния!

Сплетницы испуганно отшатнулись.

— И вообще, — Тихон внезапно сменил гнев на убийственную иронию, облизнувшись с самым плотоядным видом. — Ольга, голубушка, вы бы поберегли свой речевой аппарат. Лизать соленые огурцы в лавке — это всё, на что вы способны, а потом жаловаться что они прокисли из-за проклятья. А сплетни оставьте тем, у кого IQ выше, чем у этой репы. Идем, Вика. От них пахнет завистью и несвежим бельем, у меня от этого портится аппетит.

Я не удержалась от короткого смешка. Обида как-то сама собой испарилась, сменившись ледяным спокойствием.

— Не волнуйся, Тиша, — сказала я достаточно громко, чтобы «канарейка» и её свита услышали. — Мы обязательно закажем позолоту на буквы. Со следующей же выручки. Чтобы всем было лучше видно, кто вернулся в город.

Я демонстративно проигнорировала их испуганные вдохи и подошла к массивной дубовой двери.

«ДЗЫНЬ! — Система Совершенство перед глазами привычно замигала окнами уведомлений. — ВНИМАНИЕ! Резонанс в обществе: Высокий.

Ваша репутация колеблется между «Опасная ведьма» и «Дерзкая наследница».

Бонус: Магическая реклама — негативные сплетни увеличили интерес к лавке на 15%.

Совет Системы: Не забудьте протереть прилавок, внимание клиентов требует безупречности».

Я достала тяжелый железный ключ. Он лег в ладонь как влитой — холодный, надежный и удивительно правильный. Повернув его в замке, я услышала сочный, глубокий щелчок. Магия крови и металла признала меня в очередной раз.

— Заходим, — скомандовала я, открывая дверь.